

A coastal scene featuring waves crashing onto a pebbly beach. The sky is filled with large, white, fluffy clouds. In the background, there are dark silhouettes of trees and a hillside. The foreground is dominated by a dense field of smooth, grey and brown pebbles.

МОЯ СКАЗКА

Джиллиан

Annotation

Берём старую сказку, инфицируем её магакадемической заразой, свирепствующей на СИ. И встраиваем в декорации некоего государства. (из старенького)

Глава 1

— Мадам, вы сошли с ума!

— Дорогой канцлер! Что такого безумного вы нашли в моих просьбах?

— Мадам, просьбами вы называете требования по своей сути! Да, вы просили аудиенции, чтобы поговорить со мной о двух проблемах! Но сейчас я вижу, что вы буквально... требуете от меня! И чего, позвольте уточнить?!

Выплеснув негодование, канцлер глубоко вдохнул пару раз и успокоился. Хотя до полного спокойствия было далековато. Он прислушался к привычным звукам летней улицы и уже незаметно вздохнул: с трудом долетающий говорок прохожих, звуки проезжающих-останавливающихся машин, изредка — мотоциклов, которые предпочитают студенты постарше (и явно не из-за удобства перемещения, а из-за грохота мотора — подозревал канцлер), окрики стражников на воротах при высотном здании администрации университета... Мельком канцлер помечтал: хорошо бы посидеть сейчас в тишине, медленно и со вкусом поедая ещё тёплые румяные рогалики с хрустящей корочкой, запивая их ароматным кофе, который так превосходно умеет варить студентка-стажёр при канцелярии...

Просительница, сухопарая дама, в роскошном бархатном платье серо-белого цвета, которое висело на ней как на вешалке, зато при каждом движении по краю декольте поблёскивало крупными драгоценными камнями, кокетливо пожала плечами. Когда-то она явно была очень хороша собой — большеглазая, с привлекательным контрастом чёрных волос и прекрасной белой кожи. Но сейчас она выглядела просто костлявой. Канцлер понимал, что женщина находится несколько в раздрае, всё ещё пытаюсь говорить спокойно и просительно с ним, невысоким и незаметным человеком, о ком (он это прекрасно знает) шепчутся, как о сером кардинале при короле. Но невзрачная внешность могущественного человека не позволяла ей полностью сыграть роль просительницы. И женщина то и дело переходила на высокомерный тон. Правда, когда «серый кардинал» заговаривал, она немедленно чувствовала в нём личность подавляющую и ёжилась, пока снова не начинала говорить сама.

Не дождавшись ответа, канцлер раздражённо бросил:

— Милейшая, давайте, чтобы не было обид, ещё раз пройдемся по вашим так называемым просьбам. Вы хотите, чтобы я предоставил вашим дочерям величайшую любезность и приватно познакомил их с будущим наследником королевства. Этого я сделать не могу хотя бы по той причине, что наследнику сейчас не до знакомств. Навязываемых. И есть ещё одна причина. Почему именно вашим дочерям я должен давать фору в гонке за бедолагой принцем? Честно говоря, мадам, сочувствуя молодой особе голубых кровей, я бы предпочёл, чтобы он подольше погулял женихом — тем более он всё ещё продолжает учиться. Понимаю — как мать, вы не согласны со мной. Но отложим спорный вопрос и перейдём ко второй вашей... кхм... просьбе. Вы требуете, чтобы ваша младшая дочь, то есть падчерица, была отчислена из нашего университета по причине её неадекватного поведения. Но я просмотрел табель успеваемости. В сравнении с вашими дочерьми-второгодницами, эта девочка даже в начале учебного года, когда молодые люди с трудом осваиваются на новом месте, показывает неплохие способности...

— Эта шмакодявка! — гневно взвилась просительница и секунды спустя опала под

возмущённо-укоризненным взглядом канцлера, кажется сообразив, что самым наглым образом перебила высокопоставленное лицо. И прошипела, пытаясь выглядеть ласковой: — Ш-шмакодявочка... Эта... — Она глубоко вздохнула. И, наконец, смогла выговорить с огромным саркастическим пафосом: — Эта несчастная девушка, оставшаяся после смерти матери целиком и полностью на моём попечении (на её безалаберного отца в этом отношении никакой опоры!), абсолютно неблагодарное существо, которое не оправдывает тех денег и надежд, которые на неё возлагаются!

— Вот здесь мне бы и хотелось уточнить, — осторожно высказался канцлер.

Сначала он было хотел напомнить просительнице, что у девочки, кроме успеваемости, есть ещё одно преимущество перед старшими сёстрами: у неё чистая кровь старинного рода, в то время как её сводные сёстры, судя по документам, на которые он успел бросить взгляд, являются полукровками с довольно тёмным происхождением. Кроме всего прочего, девочка и так опоздала с поступлением в университет. И канцлер уже начинал небезосновательно подозревать, что именно мачеха была тому причиной. Но промолчал: кажется, падчерице этой дамочки и так несладко приходится. А если он ещё скажет, что девочка учится не на домашние деньги, а находится на стипендиальном обеспечении — по королевскому указу для чистокровных неимущих, имеющих сильные магические способности, не будут ли его слова последней каплей в дрязгах этого проблемного семейства? Встревать в личные дела канцлер не имел права, пока к нему или к королевскому суду не обратятся сами потерпевшие.

— Что вы имеете в виду под деньгами, вложенными в неё?

— Ничего особенного, — презрительно сказала просительница. — Девица растёт. Ей требуются тряпки, она хочет есть. Но, дорогой канцлер!.. Девчонка не стоит того, чтобы оставлять её даже на первом курсе. Это мои девочки послушные, аккуратные и прилежные, а эта стер... О, простите, канцлер! Эта сиротка просто вставляет им палки и в учении, и в личной жизни! Никакой благодарности! Никакой!

— Мадам, — заинтересованно поднял голову от бумаг канцлер. — Что вы там сказали о личной жизни ваших девочек?

— Ну вот видите? — горестно развела руками просительница. — Она и здесь встряла! Даже не присутствуя при нашем разговоре. А вы говорите...

— А когда я с ним встречусь, я расскажу ему о своих самых пылких чувствах! — закончила Ивет, мечтательно закатывая глазища, прелестные, огромные — результат самого дорогого современного татуажа.

И жадно посмотрела в зеркало: как она выглядит, произнося такие красивые слова? Одна из коробочек с пудрой чуть не свалилась с заваленного косметикой трельяжа, когда старшая из сестёр локтем оперлась на его краешек — щёчкой в кулачок, пытаясь изобразить томную и страдающую влюблённую. Пришлось наклониться — а потом и запомнить, что, склоняясь, она может показать шелковистую волну красивых волос любому, кто обратил в этот момент на неё внимание.

— Угу... — тихонько буркнула Синд, зашивая разорванный рукав любимой курточки Ивет. — «Расскажу»... А пока погуляю с этим долговязым, у которого дурацкая привычка кочевать из одного кабака в другой, да?..

— Сначала с принцем встречусь я! — заявила Лунет, которая в новых брючках в облипочку изгибалась перед зеркалом в попытках разглядеть, появилась ли у неё талия, если смотреть сзади. — Я пока порвала с Лео и свободна. А это значит — мне легче встретиться с

его высочеством! Жаль, что он так некрасив и невзрачен, но уж сказать ему, что он поразительно симпатичен, я сумею искренне! Ах, принц! Как это звучит!

— Сначала научись ходить, держа осанку. И прекрати лопать все торты, которые покупаешь. И говорить хоть о чём-то, кроме как о себе, любимой... — шёпотом проворчала Синд и вздохнула.

Ей хотелось на улицу, где друзья с первого курса собирались встретиться, чтобы сбегать на Куриную гору и опробовать парочку простеньких рецептов с урока пищевой магии. А приходилось сидеть здесь, потому что Ивет вернулась сегодня утром и предъявила сёстрам курточку, разорванную, пока была на свидании с «этим долговязым», третьекурсником Николом... Синд снова хмыкнула: зато их свидание проходило на высшем уровне — на сеновале здешнего лесничего! Небось, драпали с того сеновала под гневные вопли хозяина, вот Ивет и разорвала курточку-то.

Рукав Синд починила. Но по немалому опыту знала: скажи она, что ремонт вещички закончен, — и Ивет снова нагрузит её чем-нибудь, какой-нибудь несложной, но муторной работой. Пора смываться. Попробовать использовать заклинание? Нельзя. Мачеха сразу узнает — по своему наложенному на сестёр обережному заклинанию. Как она не вовремя приехала!.. Так...

Остро взглянув на обеих сестёр, она прикинула ситуацию, вздохнула и, умильно улыбаясь старшей, Ивет, ласково сказала:

— Боюсь, Ивет, Лунет больше подходит для принца в качестве жены.

— С чего бы это, крыса белобрысая? — вскинулась Ивет.

— Ты, селёдка тощая!.. Если хочешь таким образом понасмехаться надо мной... — Несмотря на презрительные слова, Лунет расплылась в довольной улыбке, захихикав: роскошным, настоящим белым волосам и мальчишеской фигурке Синд завидовали обе, как та ни старалась прятаться, заплетая густые волосы в тугие косы и нося по возможности свободные штаны и рубашки.

— Ивет, а ты взгляни на Лунет, — спокойно предложила Синд. — У неё светлые (крашеные, но ничего — никому не скажем!) сияющие волосы, на которых так приятно будет выглядеть золотая корона королевы, у неё свежее лицо и ясные глазки, которые так блестят, что взгляда от них не оторвать...

— Синд, ты правда так считаешь? — с сомнением спросила Лунет, с восторженным интересом приглядываясь к личному отражению. Кажется, в воображении она уже примеряла корону. — Что ж, я думаю...

Договорить она не успела. С торжествующим рёвом Ивет бросилась на сестру, не ожидавшую нападения, вцепилась ей в волосы — и под жуткий визг сводных старших сестёр, свалившихся на пол общей гостиной комнаты, Синд со спокойной душой побежала к выходу из апартаментов сестёр на практические занятия по магии. По дороге она пыталась составить определение счастья и пришла к выводу: сию минуту счастье — это когда твои обидчицы дружно лупят не тебя, а друг дружку. И фыркнула: научили — на свою голову — поддразнивать так, чтобы не только на тебя все шишки...

— Синд!

От ледяного окрика она вздрогнула так, что чуть не упала, споткнувшись.

Мачеха стояла в дверях гостиной апартаментов. И смотрела таким взглядом, что испуганная Синд на всякий случай быстро проверила, в порядке ли руки: именно они первыми начинают замерзать, когда мадам начинала колдовать в манере ледяных магов, из

семьи которых происходила.

— Иди за мной, дрянная девчонка!

Мачеха развернулась и величественно выплыла из зала. Синд понурилась: всё, мадам увидела, как она столкнула сестёр в лёгкой ссоре. Что пакостного придумает мачеха, чтобы наказать свою падчерицу? «Всё переживу!» — решила Синд, но на всякий случай покорно поспешила следом за мадам. Та уже стояла в одной из комнат анфилады, поигрывая веером, и, полуприкрыв глаза, следила за приближением младшей дочери, навязанной ей мужем. Не смея поднять головы, Синд встала перед мачехой.

— Синд, тебе семнадцать лет, — вкрадчиво сказала мадам. — А ты всё ещё ведёшь себя, как невоспитанная девчонка. Это недопустимо. Я вышла замуж за твоего отца только по одной причине: он приближён к королевскому двору! — и не скрываю этого. У меня здоровые устремления. Я карьеристка, которой не удалось воплотить личные мечты. Но ради дочерей — своих дочерей! — я готова на многое. Твой отец, женившись на мне, получил возможность реставрировать дом-развалюху. Поднять из руин поместье. И чем платит мне его мелкая? Мелкая, получившая драгоценный подарок — возможность учиться в престижном заведении? Завистью к сёстрам, которые во всём превосходят её! Даже в благородстве души! Подойди сюда, негодная девчонка! Встань боком.

Синд, зажавшись от неведомого предстоящего наказания, послушно встала перед мачехой. Та взялась за обе косы девушки и одним коротким движением полоснула от её затылка кверху боевым веером. Затем, после паузы, она заглянула в глаза ошеломлённой Синд — и небрежно разжала пальцы. Обе косы, чисто белого цвета, с магическими побрякушками на кончиках, болтавшихся обычно на уровне бедра, упали на пол. Мачеха непроницаемо взглянула на волосы.

— Подбери. С короткими тебе лучше. А то блох разводишь. На парикмахерскую тебе рано деньги давать. И больше не раздражай меня. Не забудь, что твою учёбу оплачиваю тоже я (её губы скривились), а не твой отец. Так сумей компенсировать мне эту немаленькую сумму хотя бы заботой о своих сёстрах, которые так тебя любят!

Синд молча подобрала отрезанные волосы и поплелась к себе в каморку, чтобы спрятать косы в шкатулку под замок: страшных случаев о том, что бывает с легкомысленными девушками, которые оставляют свои срезанные волосы где попало, она слышала много. Но, едва она шагнула в каморку, едва закрыла за собой дверь, как не выдержала: прислонилась к дверному косяку, потрогала оставшиеся короткие пряди, взглянула на безжизненные косы в руках и скривилась в безудержном и отчаянном плаче.

-

Солнце мягко припекало, ласково пробегая горячим ветерком по коже, словно поглаживая её нежной горячей ладонью. Было сонно и лениво, хотелось лишь пластаться на тёплом песке, слушать убаюкивающее поплёскивание спокойных волн и разнеженно дремать, несмотря на опасность сгореть под вкрадчиво коварным солнцем.

— Норман, я сегодня нечаянно подслушал: группа малолеток вечером устраивает общий практикум по магии на Куриной горе, — сказал Фернан, темноволосый и сероглазый молодой человек, один из доверенных друзей его высочества. Из тех друзей, которым позволялось называть принца по имени. А время от времени поддразнивать его, чтобы не отрывался от реальной жизни. И охранять, естественно.

— Малолетки — неинтересно, — поморщился Эймери, обманчиво хрупкий беловолосый юноша, с обманчиво тонким лицом мечтателя, на деле — грубиян и лучший

дуэлянт — правда, второй после принца, как второй и последний из доверенных при нём. Те, кто пытался с ним схватиться напрямую, внезапно обнаруживали под свободной одеждой студента сильное тело с культивируемыми на ежедневных тренировках мышцами. — Что их пугать? Повизжат — и всё. Тёлок там всё равно не будет, чтоб хоть одну потискать. А с мелочи какой прок? Разве что попугать?

Фернана к принцу приставили ещё на первом курсе. Был он из весьма знатной, богатой и приближённой ко двору семьи. Принц некоторое время вяло посопротивлялся навязанному приятелю, потом привык к его постоянному, довольно скромному присутствию и заставил его поучаствовать в парочке личных, смертельно опасных проказ. Фернан проверку прошёл с честью. А Норман понял, что рядом настоящий друг.

Эймери приставил себя к принцу сам. Он появился однажды во время одной из опасных экскурсий принца. Да так и остался, пройдя проверку боем. Двор сначала воспротивился дружбе принца с выскочкой: Эймери принадлежал к старинному боевому роду, правда постепенно хиреющему как в знатности, так и в богатстве. Кроме всего прочего, среди придворных были и те, кто хотел бы видеть в друзьях принца собственных отпрысков. Но король оценил юного наглеца как карьериста и одобрил его целеустремлённость. Кое-что проскользнуло между строк в том одобрении, правда, не все поняли: если этот выскочка до сих пор рядом с принцем, значит, его высочество разглядел в нём то, что ему по нраву. Вконец обнаглевший после высочайшего «одобрям-с», Эймери решился проверить принца на «вшивость». После схватки на «кулачках» один на один Норман не побрезговал собственноручно принести его тело в больницу. Привычный к ходившей среди простого люда легенде, что принц есть существо изнеженное, Эймери на собственных кровоподтёках и переломанных рёбрах осознал, что крупно не прав. И поразился в день выписки, увидев ожидавшихся его Нормана и Фернана, которые предложили ему отметить в забегаловке столь незабываемый день. А дальше — как по накатанной: дружба троих только окрепла.

— Девки там как, на первом курсе? — лениво спросил принц, лежащий на горячем песке лицом вниз, перебирая и пересыпая белые песчинки. — Есть хоть на что поглядеть? Или опять сплошь безгрудые тощие подростки?

— А ты что? Дал отворот своей нынешней? — сонно удивился Эймери, тоже переворачиваясь со спины на живот: троица загорала на университетском пляже, в особой его части — для vip-персон, что значило лишь одно: сумеешь пройти все навешенные охраной заклинания — ты тоже vip-персона. В последних ходили пока принц с друзьями, преподаватели и сама охрана.

— Какой нынешней? — снова лениво спросил принц. — Вообще-то, у меня своих нет — бывших и нынешних. Только временные — запомните.

— Хм... Мне казалось, та недавняя твоя брюнетка с ярко-синими глазами вполне себе так. Неплохо смотрится — особенно рядом с тобой, — не удержался от шпильки Эймери.

— Смотрится, — согласился Норман. Глупо ругаться с Эймери, когда он язвит, а сейчас ругаться ещё и лень. Тем более принц иллюзиям никогда не предавался. Особенно из-за внешности. Но и не жалел ни о чём. — Только через пять минут на неё смотреть надоедает. Слишком часто вздыхает, чтобы я снова и снова пялился на её декольте. Да и декольте... Мне постоянно хочется поставить ей на грудь какую-нибудь чашку!

— Сам только что сказал, что тебе подавай грудастых, — напомнил Фернан. — Теперь тебе и этого мало? Подавай что-то ещё?

Принц медленно, упершись локтями в песок, приподнялся и сел. Налипшие на лицо

тёмные, даже чёрные после заплыва волосы он несколько раз безуспешно попытался убрать, резко мотнув головой. Смирившись, слизнул приставшую к уголку губ мокрую прядку и сплюнул её в сторону. Скривился от небольшого раздражения, сощурился небольшие серые глаза на песок, снял с руки прилипшую ракушку и сразу забыл о том.

— Скучно, — медленно сказал он. — Хочется... — Он задумался. — Хочется чего-то необычного. Но так, чтобы и своё было, и чтобы выбивалось из привычного... В общем, сам дьявол не знает, чего мне хочется.

— Ага... — старательно соображая, произнёс Эймери. — Задумал новую комбинацию, но не знаешь, где её испытать. Слишком сложная. Администрация не разрешает.

— Меня так легко просчитать? — пробормотал принц.

— Как насчёт города призраков?

— Не, — снова помотал головой принц. — Всё снесёт.

— Такое сильное? — оживился Фернан, зануда-отличник ещё с первого курса.

Вскоре трое парней, давно закончивших основной университетский курс, а теперь учившихся по особому расписанию, сидели на песке, оживлённо переговариваясь и сосредоточенно вглядываясь в новую формулу одного из самых сильных магов студенческого мира. Тот коротко объяснял основные принципы создания и действия магической защиты — одного из самых востребованных заклинаний в мире.

Студенческий архипелаг являлся миром семи крупных и нескольких мелких островов. На одном из самых крупных располагался сам университет с корпусами и с общежитиями. На остальных находились полигоны для проведения испытаний — простите, для экзаменов по магии. Чаще всего это были города-призраки. Несколько таких призрачных островных городов преподаватели очистили от слишком энергичных вредителей — когда-то прорвавшейся в реальный мир нечисти. Несколько других островов — всё ещё находились в состоянии чистки. По краю же студенческого мира располагались острова-города, накрепко закрытые высшими магами от бедовых младшекурсников, которые приезжали в университет такие порой зазнаистые!.. Типа: знаю пару заклинаний — так не подходи! Всех одной левой!

— Тогда Тартар, — более или менее разобравшись с формулой, придуманной принцем, предложил Фернан. — Там уже половина города в руинах — можно спокойно рушить всё остальное.

— На чём отправляемся? — уже деловито спросил принц, оглядывая приятелей обманчиво сонными глазами.

— На катерах, конечно, — удивился Эймери.

И троица, подобрав одежду, быстро направилась к пристани, где сегодня дежурил их хороший знакомый. Ибо даже принцам с их приятелями из высшего света не позволялось без уведомления университетской администрации отправляться туда, куда им вздумается. Если у них нет хороших знакомств в нужных местах.

1.

Невысокий тощий подросток, чьи белые волосы, словно специально надёрганные, а на деле безжалостно откромсанные простейшим боевым веером ледяной колдуньи, мотались под широким капюшоном жилета, подчёркивающего его тонкие, но сильные руки, быстро приближался к Куриной горе. Горой та до сих пор называлась из жалости: сейчас это была небольшая скала, когда-то, впрочем, гордившаяся своими размерами. Но первокурсники первыми опытами в магии за несколько лет быстро привели её в состояние, когда по тропкам можно спокойно взобраться до самого её верха, не встретив по дороге ни одной

вредной сущности, от которой надо было бы с визгом спасаться.

— Си-инд!! — хором заорали четверо, следившие за его передвижениями и, к собственному удивлению, узнавшие его только по стремительной походке.

— Иду-у!!

Подросток быстро пробежал последний участок тропы наверх и очутился на скалистой площадке, где его и встретили однокурсники. Откинул капюшон и улыбнулся.

— Си-инд... — растерянно и с сочувствием сказала только что кричавшая девочка, дотрагиваясь до растрёпанных волос подростка.

— Да ладно, Мартина, — отмахнулась та, уже не улыбаясь, а нехотя усмехаясь. — Мачеха приезжала. Не понравилось ей, что косы длинные. Вроде как я за ними всё равно не ухаживаю. Сказала, что блох развожу, а на парикмахера денег в семье нет, и так все последние деньги на мою учёбу потратили. Ну и... Всё нормально. — Синд передохнула от длинной речи, мельком подумав, что, пока не пожалуется, мачехе ничего и не будет. А она, Синд, жаловаться не собирается — и мачеха это прекрасно знает. — С такой причёской даже лучше: прятаться легче. Вы принесли всё, что надо для опыта?

— Синд, а мы уже сделали всё, — вздохнула Мартина, тоже одетая под мальчишку, правда никого не обманувшая бы внешне, будучи не только пухленькой, но и очаровательно округлой. — Домашнее задание было лёгким. Мы разложили все ингредиенты, и практикум готов. Что будем делать? Времени до вечера — полно!

— Синд, придумай что-нибудь, — попросил Александр, самый старший в этой компании, но не самый главный — пальма первенства во всём была отдана Синд с первых минут близкого знакомства с нею: она была подготовлена к учёбе в университете ещё дома — своей крёстной. — Времени полно, сидеть в комнатах не хочется.

— Ладно-ладно... — пробормотала девочка любимую присказку, мучительно соображая, что же теперь делать, и снова машинально дотрагиваясь до коротких белых прядей. Дотронулась и отдёрнула пальцы.

В общежитие ей тоже не хотелось: сразу по прибытии Синд в мир Студенческого архипелага мачеха велела ей вселяться в каморку при апартаментах старших сестёр, а в каморке даже заниматься нельзя, пока сёстры рядом. Мачеха один раз довольно прозрачно объяснила положение Синд при сёстрах, а потом повторяла его, как только появлялся повод. Младшая должна следить, чтобы у старших всё всегда было в порядке. Иначе — немедленное возвращение домой. А следить за порядком значило быть прислугой, репетитором (причём, репетитором, который выполнял все домашние задания и за сестёр, учившихся курсом старше) и девочкой на побегушках. Синд же, сознавая, что в будущем хорошая партия ей не светит (что старательно вдабливалось в её голову мачехой), очень сильно хотела учиться, чтобы достичь таких высот магии, как, например, у крёстной. Если репетиторство ещё терпела, поневоле заучивая заданное сёстрам, которые готовились стать магами-универсалами средней руки, то прекрасно осознавала, что быть прислугой при таких сёстрах, как у неё, — отнимает много времени.

Черноволосые братья-погодки Рик и Бреки тоже вопросительно уставились на Синд. Они давно уже поняли, что эта девчонка способна придумать что угодно в самой непритязательной ситуации. И выполнить задумку так, что потом можно долго с удовольствием и с ужасом вспоминать детали уже ставшего историей приключения. А заодно выучиться чему-нибудь магическому, что пока не проходили на первых курсах. А до знаний оба брата были очень жадными. Дома-то, на пустынном острове, много не

позанимаешься. А ведь есть огромный, манящий мир, куда хотелось вырваться. Оба сознавали, как им повезло: из шестерых детей только у них двоих магические способности оказались настолько яркими, что оба подпадали под закон о стипендиальном обеспечении. Почему отец нехотя, скрепя сердце, но отпустил их, лишившись двух крепких работников на личном рыболовном сейнере.

Компания собралась довольно пёстрая — все из разных специализированных классов. Объединяло ребят одно: все пятеро были слишком поздно по разным причинам отправлены в университет. И пусть они все учились на первом курсе, но довольно многочисленные знания чисто практического свойства, полученные дома, имели все пятеро. Синд в компании была младшей.

— У нас есть целых три часа, — нетерпеливо напомнил Александр. Он был единственным в компании не только старше, но и сильнее Синд в магии — что, увы, значило лишь: наизусть он знает заклинаний гораздо больше, чем она. Вот только Александр не такой сообразительный, как тренированная своей крёстной девочка, у которой заклинания мгновенно слетали с языка в нужный момент. Так что и он в поисках приключений на свою пятую точку полагался на соображалку Синд.

Девочка исподлобья оглядела затаивших дыхание, глядя на неё, однокурсников и насмешливо улыбнулась:

— Как насчёт снова прогуляться на Тартар? Ещё раз опробовать учебные мечи на тамошней нечисти? А то уже два месяца в школе — и только тренировки, таскаем всё снаряжение без толку.

— Ха! — радостно сказали братья.

— Синд, а кто будет переодетой боевой принцессой? — с интересом спросила рыженькая Мартина, машинально взбивая и так пышные пряди и локоны.

— У нас принцесса одна — ты. Так что заворачивайся в плащ — будешь нашей приманкой. И начинай придумывать сюжет, — весело велела Синд, благодарная, что ребята уже забыли о её волосах и принялись за обсуждение будущего приключения.

Девушка взвизгнула от радости и принялась укутываться в тёплый мужской плащ, который просто обожала за его невесомость (заклинание разработано с Синд) и вместимость (помогали Рик и Бреки): в него легко спрятать не только саму пухленькую Мартину, но и всё то оружие, которое девушка таскала на себе.

— Курток мы не взяли, — задумчиво сказал Александр. — Там ведь холодно — из-за нежити. Но... Наверное, мы не будем просто так сидеть? Согреемся в действии. Синд, возьми мою. Я взял, потому что, возможно, всё-таки сработало предвидение.

Все знали, что Александр отчаянно пытается развить свою родовую способность к предсказанию, но пока всё у него получается спонтанно. Стихийно.

И все пятеро склонились над картой островов.

Университет на студенческих картах, естественно, находился в центре — самый большой остров. Рядом — единственный остров, на котором тренируются первоклашки — то бишь первокурсники. Чуть далее — острова-полигоны для старшекурсников. Ещё ближе к краям карты — Запретные острова, на которых до сих пор гнездится всякая нечисть. Эти старинные острова-города остались с тех времён, когда гремела война меж островными королями, которых предок нынешнего короля попытался объединить, а маги каждого из сопротивляющихся королей призывали на помощь любую доступную их силам магическую нечисть. А когда война закончилась и оставшиеся в живых победители огляделись, пришлось

начинать новую войну — против вызванной врагом нечисти, армия которой недопустимо превышала количество людей в королевстве.

Так что Студенческий архипелаг теперь являлся анклавом государства, в котором жили обычные люди — жили спокойно, под защитой лучших магов. В этом государстве жил и здравствовал король, который являлся лишь номинальным главой страны: на деле страной правил парламент. Но и король имел определённую власть. Только он и люди его крови издревле несли в себе способность к магии. Именно они стали главным щитом в последней магической войне. Именно их потомки могли получать образование в единственном и неповторимом университете государства. Именно боевые маги университета стерегли и защищали когда-то острова, с которых то и дело вздымались тёмные силы, а маги учёные пытались найти средства, чтобы навечно избавить когда-то заселённые людьми острова от нечисти.

Но даже сейчас время от времени на заброшенные острова посылались боевые маги — чистить и чистить вроде как пустые, постепенно разрушающиеся города.

Тартар находился далековато.

Правда, доехать до него по воде нетрудно: в личном ангаре Александра, юного мага из достаточно богатой семьи, имелся прогулочный катерок, необходимую скорость которому придать было легко — при наличии магов, умеющих импровизировать с заклинаниями. А таких магов было — вся компания.

И главное... Тартар для умопомрачительных приключений очень хорош: если в центр города не соваться, то по его краям можно наткнуться на всякую тёмную и демоническую мелочь, с которой повоевать — одно удовольствие.

— Оружие у всех? — спросила Синд.

— У всех, — нетерпеливо сказал Бреки. — Бежим?

— Мартина, ты придумала?

— Придумала. Меня похитил дракон и унёс в руины Тартара, где гнездится нежить. Я смогла послать заклятие с просьбой о помощи, когда он улетел. И тогда вся нежить двинулась на меня, думая, что я беззащитная жертва. А потом, когда нежить поняла, что это не так, стало поздно. — И Мартина победоносно оглядела друзей. — Я уже откинула полы плаща!

Припомнив, что под плащом у рыжеволосой целый оружейный арсенал, все улыбнулись.

— Кто будет драконом?

— Ну, пока плывём на Тартар, я вспомню формулу перекидывания, — сухо сказано Александр. — Я давно её не пробовал, поэтому хорошо, что Мартина придумала сложный сюжет. Попрактикуюсь. А вы трое будете группой спасения?

— Ну, ты тоже, — напомнила Синд, не замечая, как поднимает руку к голове. Вспомнила, резко опустила. — Как только драконом скроешься из глаз, сразу преобразишься. Тебе же всё равно делать будет нечего.

— Как это нечего? — возмутилась Мартина. — А как же он будет воевать с нежитью, спасая похищенную?

— Подожди, я не всё поняла. Хочешь сказать, что ты влюбишься в своего похитителя?

— Конечно! — удивилась девушка. — Он же будет симпатичным похитителем! Ты сама посмотри — он даже драконом будет симпатиченьким! Золотым! Ну как в такого не влюбиться? Тем более он осознает свою ошибку, что оставил меня беззащитной в таком месте, быстро вернётся, ну а тут уже драка страшная будет кипеть. Ему же волей-неволей

придётся меня защищать!

— Почему я должен тебя защищать? — вмешался Александр, слегка покрасневший: был он и в самом деле светло-рус, со слегка золотистым отливом. — Я же тебя похитил и бросил здесь.

— Ну, я ещё не совсем продумала, почему ты меня схватил, — сказала Мартина, скептически глядя на своего будущего похитителя. — Ага... Ты меня уволок, потому что я не отвечала на твои ухаживания. Вот!

— А, ну тогда ладно, — снизошёл Александр. — Ну что? Бежим теперь?

— Так, стоп! — решительно сказала Синд. — Александр, поклянись, что ты в воплощении дракона сможешь драться с нежитью!

— Клянусь! Тренировки были недавно.

— Но ты же сказал, что давно не пробовал формулу перекидывания!

— Дракону обязательно быть в бою воплощённым?

— А, ты об этом. В общем, ты появишься с другой стороны. Всё? Тогда бежим.

— Ура, — деловито сказал Рик.

...Послеобеденных уроков не было, и никто не обратил внимания, что компашка первокурсников, энергично и деловито переговариваясь, привольно мчитесь куда-то. Первый курс всегда такой озабоченный. Не то что разгильдяи старшекурсники.

На всех подсобных работах Студенческого архипелага заняты люди с небольшими способностями к магии, но без желания либо возможности развить их. Зато охрана сплошь из магов. Поэтому начальство университета не слишком заморачивалось следить за прогульщиками на территории архипелага, уверенно предполагая: с университетской территории им всё равно не сбежать. Впрочем, уверенность эта строилась на том, что практические попытки перебраться на острова с нечистью для начинающих магов обычно заканчивались плачевно. И никто из университетского начальства не предполагал, что однажды такую попытку сделают пять юных, но уже довольно сильных магов. А проторив дорожку, начнут бегать не раз...

Кто-то скажет, что быть такого не может: первокурсники — и вдруг тайком умеют удирать от всезнающих магов, поднаторевших в охранных заклинаниях! Прелесть именно этой компании заключалась не только в том, что в ней оказались ребята почти всех магических специализаций: чего не знал или не умел один — умели и знали двое. С чем не справлялись двое — справлялись другие трое. Нет. Пятеро были похожи на детали, взятые из разных коробок, но они, эти детали, сомкнулись так плотно, будто только и ждали момента соединиться. С первых минут знакомства друзья в общении чувствовали себя братьями и сёстрами, давным-давно разлучёнными...

Компанию объединяла Синд. Не будь её, четверо так и остались бы студентами, полупознакомыми друг другу лицами, примелькавшимися в студенческой жизни.

Синд отучилась неделю, когда попалась. Она тогда ещё не думала о том, что нужно сверять собственное расписание занятий с расписанием сестёр. Общая лекция для первого курса в тот день закончилась одновременно с занятиями второго, и Синд, выходящая с толпой студентов на двор своего корпуса, вздрогнула, услышав радостный визг Ивет:

— А вон та тощая — наша младшая сестра-идиотка!

Девушку мигом окружили. Сёстры и их поклонники, прикормленные умением Ивет кутить, а Лунет — устраивать частые вечеринки, гогоча, стояли перед ней, старательно и вслух выискивая в Синд внешние признаки идиотизма. Сначала, растерявшись, девушка

решила, что они шутят. Но вскоре уже не только слова, но и действия парней, подстрекаемых сёстрами, начали переходить всякие границы приличий. Уже испуганная, Синд попыталась сбежать — назад, к дверям корпуса. Но её робкие попытки только раззадорили парней: те по поведению сестёр поняли, что перед ними человек, которого можно обижать безнаказанно. А превосходство над другим, даже небольшое, но подкреплённое стадным инстинктом, иной раз превращает и обычного человека в зверя. Вскоре парни начали бахвалиться друг перед другом своей наглостью и жестокостью...

На болезненный вскрик Синд, которой уже успели разорвать блузку, со стороны словно эхом отдался боевой призыв:

— Первый курс! Братва, наших бьют!

И в группу второкурсников врезались два сильных тела. Братья Рик и Бреки до поступления в университет не просто плавали на отцовском рыболовном сейнере, но и работали наравне с отцом, и мышцы были настоящие: повытаскивай-ка сети, полные рыбы!.. А за ними, вдохновлённые объединяющим воплем: «Наших бьют!», бросились все первокурсники, которые ещё не успели уйти с университетского двора. Когда братья оказались внутри круга, из которого не выпускали плачущую Синд, следующей за ними туда же прорвалась Мартина, рассерженная происходящим, и тут же прикрыла Синд собой, обняв её.

— Не бойся!

Торопливо сдёрнув с себя короткий кружевной палантин, рыженькая накинула его на Синд и завязала так, чтобы не было видно разорванной одежды.

— Что здесь происходит? — сверху над всеми разом раздался высокомерный голос.

А секунду спустя второкурсники бросились улепётывать со всех ног: представителя ковена Драконьих оборотней узнали сразу.

— Отвернись! — бросила Александру Мартина: уж она не стеснялась столь высокого лица. — Не видишь? Ты её смущаешь!

— Да пожалуйста, — медленно сказал Александр и в самом деле отвернулся.

А братья встали с обеих сторон от Синд — с кулаками наготове.

— Кто эти две курицы? — строго спросила Мартина у всхлипывающей Синд.

— Они хорошие, — прошептала девушка и взглянула мокрыми глазами на своих защитников. — Они хорошие. Просто не всегда понимают... Не говорите никому, пожалуйста. Это мои старшие сёстры... Они просто неловко пошутили.

— Ничего себе — шуточки у них! — поразился Бреки.

— А если мы в том же духе пошутим? — с угрозой спросил Рик. — С ними самими?

— Пожалуйста, не надо... — снова прошептала она. — Они хорошие... — А потом вздохнула и выпрямилась, мягко ушла из обнимающих рук Мартины. — Привет, меня зовут Синд. — Вытерла слёзы и улыбнулась.

От неожиданности её преображения они сначала неловко, а потом всё более оживляясь, перезнакомились с нею, а потом заговорили, кто откуда — и не сразу заметили, что уже сидят все вместе на скамье перед корпусом, взахлёб болтая и хохоча... Это потом новые друзья поняли, что Синд — девушка очень сильная. Лишь Мартина, когда они обсуждали Синд в её отсутствие, вздохнула: скорее всего, та привыкла быть сильной — с такими сёстрами-то...

Но именно Синд начала задавать тон в компании. Пусть и незаметно. Ведь именно она предлагала самые интересные идеи и тщательно следила, чтобы ребята учитывали все детали

будущего приключения. Так ребята поняли, что существуют две Синд: одна — во всём покорная своим сводным сёстрам, вторая — боевая девчонка, которая очень любит приключения. Однажды, договорившись, они втихаря осмотрели Синд на предмет возможно наложенного на неё заклятия покорности, но ничего не нашли. Решили, что у неё есть какой-то секрет, который не позволяет ей быть свободной. Но не стали настаивать, чтобы она его им немедленно рассказала.

Они все понимали, что девушке приходится несладко. Расписание её просто поражало: утром она вставала раньше сестёр, чтобы приготовить им завтрак, а потом часто опаздывала на занятия, потому что вставали они очень поздно, а она должна была убрать за ними постели, да и в самих комнатах навести порядок. Если после занятий не было дополнительных, на которые оставались чаще те, кто не сдал контрольных работ, Синд бежала в апартаменты сестёр готовить обед и снова убираться, если занятия сестёр заканчивались раньше, чем её собственные. На выполнение собственных домашних заданий часто оставалась лишь ночь. Синд как-то незаметно для себя привыкла досыпать недобранное для сна время в лекционные пары, благо была возможность: вся компания предпочитала сидеть на самом верху курсовой аудитории, и Мартина могла легко спрятать спящую от глаз лектора.

Училась Синд в группе травников. Их преподаватели довольно часто проводили занятия и практикумы в побережном лесу главного острова Студенческого архипелага. Именно эта форма занятий и подсказала компании, что делать, чтобы Синд могла заполучить личное свободное время. Они занялись обманом во спасение — впрочем, для них, для юных, это даже обманом не было — лишь очередным увлекательным приключением: они звонили в апартаменты сестёр и требовали студентку Синд на допзанятия, которые состоятся, например, в Эльфийской дубраве или у Гномовой пещеры. В первый раз, изумлённая и даже перепуганная (неужели прослушала расписание?!), Синд даже не поняла, в чём дело и почему на полпути к дубраве её встретили друзья. А круг университетских требований расширялся: скоро студентку Синд начали требовать в библиотеку, в деканат и прочая, прочая... Сёстры удивлялись востребованности младшей сводной сестры, но орали на Синд, чтобы та немедленно бежала туда, куда её вызывают. Администрация разговаривала с ними таким строгим голосом!

...Сейчас же компания на всех парах и ветрах мчалась к Тартару, уже оставив за спиной магическую защитную границу к острову. Маги-стихийники воды и ветра, Рик и Бреки легко использовали на практике полученные знания, да ещё успевали учить Александра хитростям, которые нужны, чтобы мастерски вести его же собственный катер. И все четверо лишь изредка снисходительно улыбались, глядя на крепко спящую в напалубном шезлонге Синд.

Притаившись за углом первого здания на берегу, все пятеро пристально оглядывали будущее поле игровой деятельности.

Переулок, в котором они играли в прошлый раз, был пуст. Улица, на которую он выходил, стремилась чуть наверх, получалось — параллельно берегу, только здесь был холм. Но пустота ещё ничего не значила на Тартаре. Город для всех пятерых, как и для любого впервые оказавшегося здесь, только выглядел пустынным. Но стоило неосторожному хотя бы пройти по непроверенной улице, как каменные стены домов оживали, а дорога под ногами могла взорваться тёмными клубами выскакивающих из неё разнородных существ, очень недружелюбных к людям.

— Вроде чисто, — прошептал Бреки. — Пустить разведчика по всей улице? Или достаточно только в переулке?

— Достаточно, наверное, и переулка, — шёпотом же откликнулся Александр.

— Нет, — сказала Синд, которая не просто смотрела, но чутко вслушивалась в пространство, приподняв подбородок от старания. — Рик, прослушай переулок внимательно. Мне кажется, что-то изменилось с прошлого раза.

Рик, которому больше нравилась специализация по стихии воздуха — особенно факультатив магической аэродинамики, снова высунулся из-за угла. Синд сидела в самом низу, поэтому минуты через две сосредоточенного изучения парень скосился на неё.

— Всё тихо. Я сейчас выйду и попробую вызвать элементалю. Пусть проверит, если тебе тревожно. Но для начала скажи, что именно тебя тревожит.

— Мне кажется, в воздухе висит что-то тонкое, как очень сложное заклинание. Я чувствую его, как невидимую паутину — отчётливо липнет, а увидеть никак не могу.

— Ну-ка, — деловито сказала Мартина. — Дай-ка я ещё раз посмотрю.

Синд, сидевшая на корточках, попятилась назад, а рыженькая девушка заняла её место. Все снова замерли. Мартина, несмотря на небольшую полноту, занималась на курсе боевого мага, но была довольно чувствительна к заклинаниям, наполненным силой.

— Есть предположение, что здесь были маги-охотники на нечисть, — наконец сказала рыженькая. — Наверное, чистили остров в очередной раз, вот и остались после их заклинаний следы в пространстве. Бреки, можешь спокойно вызывать элементалю.

Выловленный элементаль воздуха получил инструкции и помчался по улице, а потом проверил переулок. Синд внимательно наблюдала за его передвижениями. Воздушные элементали иногда бывали слишком легкомысленными, зато можно было кое-что заметить, если следить за их передвижением по нужному маршруту. Вскоре он вернулся, и Бреки сказал, что элементаль ничего опасного не нашёл. Правда, в воздухе и в самом деле висят тончайшие нити какого-то заклинания, но они настолько поверхностны, что ничего особого собой не представляют.

Компания встала на ноги и с облегчением выпрямила затёкшие от согнутого состояния спины. Александр взглянул на Мартину и шутливо скомандовал:

— Ну что, любимая? Пойдём тебя похищать!

Рыженькая хихикнула и побежала за ним к берегу. Там, на свободе, Александр должен обратиться в дракона и, предоставив свои сцепленные лапы Мартине, которая усядется на них, как на качели, по воздуху понесёт её в переулок, где и оставит «похищенную» на

несколько минут.

Синд посмотрела на улицу. Нет, что-то всё-таки её беспокоило в этой пустынности.

— Не смотри, — спокойно сказал Рик, старший из братьев. — Если тебе что-то кажется, это ещё не значит, что там есть кто-то. Тем более что это заклинание. Уж тёмные сущности вряд ли умеют развешивать заклинания. Значит, это точно были люди.

Прислушавшись к нему, девушка постаралась успокоиться. Хотя в душе запела недовольная нотка: кажется, Рик считает, что с потерей волос она стала нервной. Но Рик вдруг дотронулся до её ладошки и, тихонько улыбаясь, сказал:

— Синд, ты похожа на нашу младшую сестру Кристи. Она тоже всегда беспокоится, как бы чего не случилось. Правда, не беспокойся.

— Ага, — сказал и Бреки, оглянувшись на них. И тоже улыбнулся ей. — Похожа.

— Спасибо, — пробормотала Синд. — Утешили.

Она первой быстро провела ладонями по лицу от глаз — и растительный узор тёмно-зелёного цвета мгновенно спрятал её верхнюю половину лица. Братья тут же последовали её примеру, только их иллюзорные маски были синего цвета и мелкими волнами. Взглянули друг на друга и посмеялись. Не узнать!

— Будем спасать Мартину группой или разделимся? — спросил Рик и лукаво добавил, глядя на девушку: — Ну, если ты боишься, то, конечно, мы не будем...

— Разделимся, — обернулась к нему Синд. — Только, Рик... Ещё раз дразниться будешь — получишь по полной, понял?

— Я твой «понял» понял. А ты мой? — всё ещё усмехаясь, бросил Рик известную присказку, а его брат беззвучно рассмеялся.

Они ещё раз обсудили обстановку и сообразили, кто где будет.

Переулок представлял собой стиснутое каменными зданиями пространство, которое внизу постепенно захламлялось битым кирпичом: от старости, от внутренней нежилой неприютности, от разрушительных магических заклинаний магов-охотников здания постепенно ветшали.

Мартину Александр должен был поставить на стыке двух переулков — там, где, с одной стороны тянулась длинная стена «крепости» — на их собственном игровом языке, а с другой — убегала тропа между торцами двух домов напротив «крепости». Идеальное место для ловушки на нечисть.

Братья должны были пойти в здания, разделённые тропой, а Синд — на стену «крепости». Едва они отвернулись друг от друга, как девушка почувствовала взгляд в спину. Резко обернулась — поймала взгляд Рика. Он улыбнулся ей и снова повернулся в свою сторону... Синд уже поняла, что Рик обращает внимание на неё не только как на друга. Он ей тоже нравился: темноволосый, очень симпатичный, с поразительно обаятельной улыбкой красивого рта. Девушка иногда примеривалась к нему и признавалась самой себе: если бы она ощутила к нему хоть чуточку чувства, о котором до сих пор только читала в книгах, нисколько бы не сомневалась, как отвечать, если бы он сделал ей предложение. Ну... Почти нисколько... Но Синд считала себя ещё и очень практичной. Рик будет когда-нибудь магом на каком-нибудь уединённом острове. Сам без денег. Куда ему ещё и жена-бесприданница?

«Ну и побежала я, — покачала головой Синд. — Он мне всего лишь улыбнулся, а я уже придумала и жизнь на острове, и своё положение при маге воды и ветра...»

И вздохнула. Увы... Если даже Рик сделает ей предложение, придётся отказаться. «Мечтать не вредно», — грустно подумала она и, подпрыгнув, вцепилась в металлическую

решетчатую лестницу, по которой предстояло забраться на крышу «крепости», а потом пройти по её обрушенной стене и спрятаться там среди каменных зубцов. Эта стена как в настоящей крепости, только вот зубцы не руками человеческими сделаны, а природой, которая выщербила старую известку между каменными плитами, а те и обрушились — неровно и беспорядочно.

Подтянувшись, девушка рывком подняла ноги и закинула их на перекладину, после чего раскачалась на ногах и уже руками схватилась за следующую перекладину. Теперь она смогла встать на ноги и начать быстрое передвижение наверх. Добравшись до крыши, Синд быстро пересекла место обвала и очутилась на полуразрушенной стене, где и посидела немного, отдыхая: место было известное, но каждый раз, когда она его переходила по еле державшимся балкам над тёмным провалом, хотелось посидеть, чтобы ноги перестали дрожать.

Дальше — легче. Здесь стена чуть не торчала в небо, а помещений вокруг почти не было — всё обвалилось в строительный мусор далеко внизу. Кто-то бы испугался идти по стене, когда с одной стороны пропасть в виде далёкой сверху улицы, а с другой — переломанные внутренние конструкции здания. Синд — не боялась. Ей было легко. Здесь она чувствовала себя свободной и сильной. Поэтому перебежала по опасным местам почти как на прогулке.

Наконец она очутилась неподалёку от места, с которого должна была наблюдать за началом представления. Осталось совсем немного до любимого гнёздышка между двумя зубцами. Ага... На всякий случай Синд пригнулась: появился обернувшийся Александр. Золотистый дракон покружился над стыком двух переулков, снизился, оставляя на дороге Мартину. Затем поднялся и рванул назад. За зданием, где сейчас сидел Бреки, Александр перекинется в человеческую ипостась и побежит помогать группе спасателей.

Девушка присмотрелась: Мартина, маленькая отсюда, казалась такой одинокой и незащищённой! Прекрасная приманка!

Пора бежать к своему месту. На всякий случай Синд огляделась. Вокруг тихо и спокойно. Но почему опять сжалось сердце? Отчего что-то странное заняло на душе?

Сосредоточенно прислушиваясь (Мартина уже начала свой монолог), девушка не слишком сильно обращала внимания на то, по чему идёт. Дорога-то хоть и сложная, но привычная. И всё же... Следующий шаг оказался роковым. Изношенная подошва ботинка, да ещё давно стёртая, на кучке просочившегося из трещин строительного песка неудержимо заскользила. Синд ахнула от неожиданности, замахала руками в старании удержать равновесие. Ноги поехали... В панике девушка попыталась ухватиться хоть за какой-нибудь выступ в стене — и с грохотом, пробив какую-то хрупкую от старости деревянную деталь, похожую на дырявый полог, рухнула. Немедленно вскочила и, ойкнув, изо всех сил вцепилась в учебный меч.

Она стояла в небольшой светлой комнате, образованной рухнувшими стенами. Сейчас в этой комнатке было нечем дышать из-за пыли, взвившейся из-за её впечатляющего падения. Хуже, что вокруг Синд вскочили трое взрослых парней — все в форме защитного цвета. Они прижимали к лицам рукава курток, кашляя от пыли, и таранились на неё с изумлением.

— Эт-то ещё кто такой?! — наконец сумел выговорить один из них — невысокий и со злыми серыми глазами.

— Засты им глаза! — быстро выговорила Синд, мысленно вспоминая истинные имена трав. И, бросив себе под ноги горсть семян, стремительно кинулась в сторону.

Она уже не видела, но слышала, как позади и вокруг неё выстрелило крапивой, которую немедленно переплело крепким вьюнком. На бегу девушка ударила по наколенной застёжке ножен. Теперь, когда меч, освобождённый поначалу для драки с нечистью, был жёстко зафиксирован у бедра, Синд вытянула руки вперёд и рыбкой нырнула в магический лаз, темневший в сплетении трав. Едва она оказалась на другой стороне жёсткой травяной преграды, лаз мгновенно заткался тем же вьюнком.

И Синд помчалась вперёд, лихорадочно шепча слова, которые отовсюду выискивали травы и заставляли их расти, сплетаясь между собой. А для надёжности девушка быстро разбрасывала по обе стороны от себя и вперёд остатки семян. И вся эта плетёнка мчалась впереди неё. Вскоре трав набралось довольно много, чтобы Синд сумела, ухватившись за них, подняться наверх, на стену. Вот уж когда она горько пожалела, что лишилась кос, на которые так удобно было вешать запасные побрякушки с семенами — всегда были под рукой!

Оглянувшись, она чуть не закричала от страха: полагая, что умеет достаточно сильно магичить с травами, она не учла, что однажды можно встретиться с сильным магом, который легко порвёт её сплетение.

Тот самый злой сероглазый бежал за нею так быстро, как будто перед ним не было никакой преграды вообще. А травы — просто мгновенно исчезали с его пути.

«Мамочки!! Кто это?!»

Но размышлять сейчас — излишняя роскошь. Надо выбираться из передрыги и предупредить друзей. Если всю их компанию здесь обнаружили маги-охотники, вместе с нею, с Синд, из университета выкинут и остальных.

Оглянувшись в последний раз, девушка чуть не завизжала от ужаса: сероглазый маг стремительно поднимался по широким ступеням намагиченной им удобной лестницы прямо на стену!.. Синд решила на последнее: она быстро протараторила заклинание травной помощи, а напоследок ударила ладошкой, прихлопывая последние семена лианы к стене. Стараясь не закрывать от страха глаза, прыгнула со стены вниз. В мгновение, когда оттолкнулась от стены, девушка выпалила в воздух заклинание тревоги, разработанное вместе с ребятами.

Свалившись в кучу трав, которые её мягко столкнули с себя, она помчалась к стыку переулков, к которому — она заметила это с облегчением! — бежали и остальные! Услышали сигнал тревоги!.. Чуть с запозданием из-за угла метнулся Александр, на ходу превращаясь в громадного золотистого дракона.

Синд юркнула за спины братьев, к Мартине.

— На стене! Охотники!

И, схватив за рукав Мартину, которая было воинственно начала вынимать учебный меч, потащила её к дракону. Она оглянулась только раз. Успела!!

Братья воздели руки: один — к небу, другой — в стороны. Небо над ними над всеми потемнело из-за ниоткуда появившихся грозных туч. Рик и Бреки глухо и монотонно выговорили заклинание: по переулку взвился сильный ветер, — после появления которого братья быстро развернулись — и дали стрекача следом за девушками! Стоя рядом с Александром в ожидании, когда парни присоединятся к ним, Синд чуть не запрыгала на месте от радости: маг, бежавший за нею, появился на стене, внезапно дёрнулся, а потом его волной сильного ветра с дождём заставило кувыркнулся назад! Лиана сработала! Заклинание братьев сработало!.. А ещё... Лиана выскочила незаметно для преследователя, так что ему

теперь придётся потратить время, чтобы содрать её с ноги. Хоть какое-никакое, но механическое действие — заклинанием здесь не обойдёшься!

Правда, действие у этой травки маленькое и недолгое. Но хоть такая фора!

— Синд!

Мартина уже обнимала насторожённого Бреки. Синд бросилась к Рику и тоже обняла его за шею. Золотистый дракон взмахнул крыльями — и братья вцепились в его лапы. Ноша была тяжёлой для молодого дракона, но тащить всех четверых надо было только до берега, где их ждал катер. Поэтому Александр не сомневался.

Синд еле повернула голову, перед тем как взлететь. Над краем стены появилась голова — наверное, того настырного и злого мага. Вспомнив, какое грязное от пыли у него было лицо, когда он поднимался по лестнице, она уткнулась в плечо Рика и истерически захихикала. Но тут её тело дёрнулось и пришлось обратить внимание на приземление: золотистый дракон сделал разворот. Всем четверым, спущенным на песок, пришлось немного пробежаться по инерции по берегу. К тому времени, как они успокоили шаг и направились бегом к катеру, Александр уже перекинулся и поспешил за ними.

...Несколькими минутами раньше.

Норман приготовился влить в нити установленного заклинания силу, когда вдруг с изумлением поднял голову. Вместо него удивление озвучил Эймери, подбежавший к стене и выглянувший в разрушенное окно. Оно, хоть и разваленное перечеркнувшей его проём балкой, позволяло рассмотреть происходящее в переулке.

— Какого дьявола?!

— ...Я вся такая бедная, несчастная! — громогласно упивалась горем какая-то рыжая девица, стоя посреди переулка. — Меня, несчастную, похитил страшный дракон! И стою я здесь вся такая горемычная, беззащитная! И оружия-то у меня нет! И даже дохленького меча у меня нет, чтобы защититься от всей той дряни, которая вот-вот выползет на меня и будет меня и моей кровушки домогаться! Кто ж меня, бедную и несчастную, спасти-то будет? Ведь я ещё такая молодая! Мне так хочется пожить на белом свете, замуж выйти и детей нарожать! А этот бессовестный дракон! Я б его полюбила, если бы не...

— Что за ахиною она несёт?! — поразился Фернан.

— Пора выйти разобраться? — с недоумением спросил Эймери. — Или?..

Всех троих, хоть и молчавших о том, вводила в ступор стопроцентная глупость девицы, которая с наслаждением орала о своих бедах — и это в таком-то месте!

Норман первым резко обернулся: ему послышался суховатый стукоток сверху. А потом стукоток внезапно превратился в шипящий шорох, на который уже среагировали и друзья: они быстро подошли к Норману, вскинув головы кверху, как и он.

Резкий треск — и перед ними, посередине комнаты, подняв тёмно-серые клубы пыли, свалился вместе с кучей переломанных деревяшек беловолосый мальчишка в зелёной полумаске! Мгновенно сгруппировавшись, он легко встал на ноги, придерживая у бедра короткий учебный меч и тараща глаза на троих.

— Эт-то кто такой? — Слова просто сами уложились в вопрос. Ошарашенный Норман будто и не проговаривал их.

Неизвестный мальчишка перепуганно огляделся, раз задержавшись взглядом из-под маски на нём, на Нормане, и мигом прошептал что-то, явно собираясь сваливать. Вокруг него взметнулись травы. Ага, травник! Прыжком, больше похожим на нырок в воду, мальчишка влетел в густую зелень, которая сразу сомкнулась за ним.

Парни переглянулись. Нет, часто бывало, что они сами удирали от магов-охотников, неожиданно появившихся на Тартаре. Но чтобы сбегали от них троих!.. Неизвестно, как друзья, но Норман почувствовал охотничий азарт: поймать нарушителя! Они, конечно, не смогут передать его береговой охране и магам-пограничникам, поскольку сами здесь незаконно, но застрашать пацана — почему бы и нет? Стоп, а как быть с девицей? Не, пацан ближе! За ним!

Ни слова не говоря, Норман кинулся в погоню. По треску ломающихся под ногами трухлявых полов за спиной догадался, что друзья, кажется, тоже прониклись его азартным стремлением поймать парнишку. Правда, они мудро рассудили, оставив Нормана во главе преследования. Только тот мог расчистить дорогу вперёд. Травы, пытавшиеся встать перед ним жёсткой, непреодолимой преградой, он уничтожал одним махом, гоня перед собой разрушительную волну.

Всё бы хорошо, но неизвестный травник-мальчишка умело использовал свои способности — почти как боевой маг: под конец погони, когда Норман уже решил, что пацану никуда не деться, тот спрыгнул со стены в гущу быстро наращенных трав. А когда принц попытался прыгнуть за ним, его схватила за ногу древесно-смолистая лиана. Она обмотала ногу так плотно, что он сначала предпринял попытку разрушить её. Потом, понял, что это невозможно — использовать заклинание разрушения на собственной ноге, и хотел размотать плети лианы. И только нагнулся, как не удержался и свалился назад — его столкнуло со стены сильным порывом ветра с холодным дождём. И впервые в жизни не боялся быть смешным, оказавшись в руках поймавших его друзей: связанные ноги сделали его беспомощным! Скорее — чувствовал себя и разъярённым, и восхищённым малолетним противником!

Под проливным дождём, который порывами мотало из стороны в сторону, Фернан и Эймери не слишком быстро, потому что боялись поранить принца, сделали надрезы на плетях лианы. Норман вытащил ноги из западни — без обуви, с разорванными до колена штанинами, ставшими добычей смолисто-клейких плетей. И сразу полез на скользкую от воды стену.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как золотистый дракон хватает уже четверых ребят и уносит их к берегу.

Друзья, промокшие, как и он, до нитки, подтянулись и повисли рядом. Норман напрягся и перекинул тело наверх, после чего помог им подняться.

— Удрали, — констатировал Фернан, вытирая лицо и только развозя по нему грязь.

— Как эти черти сумели проникнуть сюда через все ловушки магов-пограничников? — размышлял озадаченный Эймери, отжимая волосы и кривясь при виде грязи на куртке. — Смотрите-ка, они ведь, как и мы, на катере!

— Так, — соображая, сказал Норман. И сел, чтобы успокоиться. — Золотистых драконов в универе немного. Рыжую девицу тоже найти не проблема. Магов ветра и воды многовато, но найти тоже не проблема. Травников вот полно.

— А зачем тебе его искать? — поинтересовался Эймери, шмыгнув носом. — Смысл?

Принц поёжился от влажного холода и глянул на него исподлобья.

— Хм, посмотрел бы я на тебя, если б не меня, а тебя по носу стукнули, фигурально выражаясь. И обрати внимание. Травники у нас народ миролюбивый. А этот ведёт себя как боевой маг в опасной ситуации. А главное — соображает и реагирует молниеносно. И есть отсюда смутное впечатление, что именно он верховодит в той компашке. Не-ет, если такого

не приструнить, он так и будет сюда бегать. А университету это надо, чтоб малявки на Тартар бегали? Ругайся потом с родителями, что их драгоценных чад не уберегли!

— Ну, у этого мальчика тоже внешность с отличкой, — заметил Фернан. — Травников с белыми волосами не так уж много. Только вот... Как ты будешь искать его? Бегать по общежитиям? Требовать, чтобы студенты выстроились в шеренгу перед тобой?

Эймери, задумавшись, как и Норман, вдруг усмехнулся.

— Постой. Норман ведь уже пару раз читал лекции по истории Студенческого архипелага у первокурсников. В этом году отказался. А теперь снова придётся.

— Почему первый курс?

— Рыженькая, — поднял брови Эймери и самодовольно ухмыльнулся. — Лицо малознакомое, но симпатичное. И я её пропустил? Кстати, Норман, почему бы не подойти к ней и не спросить попросту насчёт того белоголового?

— Эймери, — вкрадчиво сказал Норман, — подойди к тебе маги-пограничники и спроси, кто с тобой был на Тартаре, ответишь ли?

— Без вопросов — нет, — после паузы отозвался друг. — Думаешь — спетая компания?

— Думаю. Неплохо подобранная, кстати.

Рассуждая, каким образом искать белоголового мальчишку-травника, как его устроить, чтобы он с компанией сюда больше не бегал, а заодно о том, как себя не подставить, все трое спустились вниз и принялись собирать все предметы для несостоявшегося испытания.

...Они не сразу направились к причалу. Александр остановил катер, спрятав его за скалой, торчащей прямо из воды, и велел собраться всем в маленькой, но уютной каюте, где компания привычно уселась в кружок прямо на пушистом коврике. Он раздал всем по порции горячего кофе и обратился к Синд.

— Расскажи о тех, кого ты встретила. Это маги-охотники? Точно?

— Сначала думала на них, — сказала девушка, обнимая ладошками горячий стаканчик. Мартина осторожно протирала салфетками ей лицо от пыли, а потом прикладывала к очищенным царапинам мазь из запасов аптечки на катере. — Но у этих форма без шевронов. Поэтому я думаю теперь, что это кто-то другой. Но кто?

— Описать сможешь?

— Ну-у... Тот, кто гнался за мной, не очень высокий. У него злое лицо и серые глаза. Некрасивый, — поморщилась она. И тут же улыбнулась. — А может, просто из-за пыли грязный. Очень сильный маг. Второй высокий и широкоплечий. Темноволосый. Выглядит добродушным. Третий со светлыми волосами, лицо тонкое, красивое, но какое-то такое — хитроватое. Все трое в форме.

— А что делали — не рассмотрела? — задумчиво спросил золотистый дракон.

Синд закрыла глаза, лицо сразу аж похудело. А когда глаза открыла, ошеломление на её лице читалось на раз.

— Я же говорила, что там было что-то опасное!.. Это они растянули по переулку заклинание — очень сложное! Но силы в него не успели вложить! Кажется, они собирались его испытывать! Но кто они такие, если испытывать заклинание хотели именно на Тартаре?

Александр молчал и ни на кого не смотрел, покусывая губу.

— Александр, колись, — не выдержал Рик. — Ты же узнал этих троих. Ну?

— Я-то узнал, — пробормотал золотистый дракон. — Странно, что и Синд, и вы не узнали. Ребята, нам повезло. Нас не будут наказывать. Эти трое тоже на Тартаре действовали незаконно.

— Александр, не тяни! — не выдержав, завопила Мартина и стукнула кулаком его в плечо. — Кто это?!

Братья с тем же нетерпеливым ожиданием уставились на золотистого дракона.

— Принц и его официальные друзья, — насмешливо сказал Александр, машинально поглаживая места ушиба. — Они считаются младшими преподавателями университетского резерва. И в то же время студентами с особым расписанием. А значит, им тоже пути не должно быть на Тартар.

У сестёр снова были гости. «С одной стороны — хорошо, — грустно думала Синд, с силой отчищая с кухонного пола налипшие следы торта и пятна от напитков. — С другой — день и так был суматошным... С третьей, — оживилась она, — можно меньше думать о том, о чём думать не надо вообще!»

Отмываться и оттираться с мраморного пола чёрное пятно, кажется, от подошвы ботинка, не хотело. Ни за что. Синд вздохнула, села на колени и принялась драить его изо всех сил. Одновременно печально размышляла о том, что сегодняшней ночью спать ей не придётся. Сёстры строго-настрого запретили ей ставить на двери в свою каморку замок, а их гости снова облюбовали единственный уголок Синд для любовных утех. Личные вещи, учебники и талисманы девушка давно привыкла прятать на верхней полке кухонного шкафа с продуктами для готовки — с крупой и мукой... Время от времени взглядывая в окно, она видела тьму давно наступившего позднего вечера.

Очнувшись от размышлений, девушка тупо уставилась на ноги, внезапно появившиеся перед ней. Подняла глаза. Толстяк из группы магов общего направления, любимец сестёр — баронет Вустер. Будучи прислугой сестёр, Синд не любила его за привычку сорить так, словно он находился не в апартаментах, а конюшне собственного поместья. По слухам, учился он так себе, но, в отличие от её сестёр, на второй год не оставался. Ивет одно время пыталась его захомутать, помня об обширных землях его батюшки, но баронет недвусмысленно заявил, что гулёны сёстры хороши именно как гулёны, но не более. Ивет пожалала плечами и забыла о его словах, не забывая при том снова и снова приглашать его на все вечеринки. То ли всё ещё надеялась на что-то, то ли ещё какие планы лелеяла, то ли лестно было, что аристократ среди гостей...

Вустер, тяжело дыша, выдвинул ногу в ботинке и хрипло велел:

— На носке пятно. Сотри.

После недолгого молчания Синд безразлично ответила:

— Не могу. Нечем.

— Тряпкой, — раздражённо подсказал толстяк.

— Нельзя, — всё так же равнодушно от усталости сказала девушка. — Она грязная.

— Подолом своей рубахи! — прохрипел толстяк, начиная злиться.

— А в морду не хочешь? — тихо спросили за его спиной.

Пыхтя, Вустер развернулся, а Синд прижала ко рту ладонь.

Откуда здесь появились Александр и Мартина? Девушка опустила глаза, а по щекам вспыхнуло горячим. Она — в такой позе перед толстяком, да ещё в грязной одежде... Неужели они слышали всё с самого начала?

Обогнув растерянного толстяка баронета, Александр подал руку Синд — помочь встать. Сначала она дёрнулась спрятать руки, но Александр склонился над нею и подхватил её под локти.

— Не стесняйся, Синд. Скорее, твои сёстры должны стыдиться твоего положения.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила она, быстро вытирая руки о фартук.

— Ничего особенного, — сказала Мартина и положила руку на ножны учебного меча, выразительно глядя на толстяка.

До баронета дошло — и он исчез из кухни. А Синд, покоряясь судьбе, подумала, что

потом друзья уйдут, а толстяк-то вернётся. И мрачно пообещала себе: «Переживу!»

— Расписание поменялось, — сообщила Мартина. — На завтра первой парой поставили «Введение в историю Студенческого архипелага». Угадай, кто будет читать?

— Рано или поздно... — пожала плечами Синд. И улыбнулась прежней задорной улыбкой. — Только что он нам сделает, если сам светиться не хочет?

— Только и остаётся на это уповать, — улыбнулся на её смелое заявление или её улыбке Александр. — В общем, мы забежали тебя предупредить.

— Давайте, я вас провожу, — сказала Синд и развязала фартук.

У порога из апартаментов Мартина оглянулась и хмуро сказала:

— Эх, устроить бы драчку... Да ведь ты не разрешишь!

— Не разрешу, — тихо подтвердила Синд. И поспешно добавила: — Нет, правда, они хорошие! Только гостей любят...

Когда она вернулась на кухню, там сидел Вустер. У Синд сердце упало. Но толстяк с любопытством спросил:

— А что это тут делал дракон?

— У первого курса расписание на завтра изменилось, — насторожённо сказала Синд, внимательно приглядываясь: неужели не злятся? — Они пришли сообщить мне, чтобы я знала об этом заранее.

— Дракон пришёл сообщить об этом?

— Они мои друзья.

— Что нашёл дракон в тебе? — продолжал выпрашивать Вустер. — В такой замарахе, что твоей рубашкой можно вытирать пол, а цвет рубахи не изменится?

— Он нашёл во мне друга. Нам интересно вместе, — сочла нужным добавить, хоть и нерешительно Синд.

— Ну-ну, — уже не скептически, а задумчиво сказал толстяк, как-то странно, оценивая приглядываясь к девушке. Тяжело встал и вышел из кухни.

Фу-у... Пронесло — решила Синд. Больше Вустер, кажется, не собирается приставать к ней, как к прислуге.

Со вздохом оглядевшись, Синд задумалась. Кухня чистая. На обеденном столе закуски, которые она успела сделать, чтобы оставалось лишь отнести их в главный зал. Как хочется произнести заклинание ненужного присутствия, а самой сбежать! Хоть в сторожку к здешнему лесничему! Дядечка похож на дремучего медведя, но на деле очень добрый. Один раз девушка уже спала в его домишке, пока он совершал обход.

— ...Синд! Идиотка! Тащи сюда салаты!

А когда девушка поставила поднос с тарелками на стол, Лунет скомандовала:

— Забирай грязные, копуша! Тебе всё равно делать нечего! — И добавила, радостно хихикая: — Да и сидеть тебе, кроме как на кухне, негде. Так сиди с пользой!

Переложив на поднос использованную посуду, Синд спокойно, чтобы не дать повода для новых насмешек, развернулась к кухне. Поймала внимательный взгляд толстяка Вустера — и тут же забыла о нём... Кажется, Вустер остался единственным не пьяным на этой вечеринке. Вскоре он встал и медлительно прошёл по залу — Синд в это время снова меняла блюда на столе. Толстяк дошёл до неё и велел:

— Проводи меня до двери.

Девушка быстро вытерла руки и последовала за баронетом. У входной двери тот остановился и, как-то сердито глядя на неё, осведомился:

— Ты ведь чистокровная?

— Да, — удивлённо сказала Синд.

— До свидания, — грузно сказал Вустер и неторопливо вышел.

Ничего не поняв, но чувствуя облегчение: хоть один приставать больше не будет, хоть за одним ухаживать не надо, — девушка закрыла за ним дверь. Прислушавшись, осторожно прошла к залу: надо забрать поднос и тряпку, который вытирала стол.

Через окна, не закрытые шторами, начал проникать утренний свет. Помещение потускнело, огни свеч и масляных ламп поблёкли — в общежитиях электричество не использовали: маги здесь же живут! Какое уж электричество!.. Из-за предутреннего полумрака стало как-то бесприютно, и всё говорило о тяжёлой бессонной ночи. А Синд — обрадовалась! Наступило её время! Можно сбежать — и никто не будет ругаться! Все, кто ещё не заснул, — вяло шевелятся, видимо перепив; сестёр не видно — наверное, в своих спальнях; все диваны и софы в зале заняты спящими...

Сёстрам хорошо — у них с утра первой пары нет...

Девушка, с подносом на руках, бесшумно отступила на кухню. Посуда была быстро вымыта и расставлена по местам. Затем Синд пододвинула табурет к шкафу с крупами и мукой и, взобравшись на него, вытащила с верхней полки лёгкую куртку и холщовую сумку, в которую побросала нужные для занятий тетради, а потом крадучись, на цыпочках дошла до входной двери и мягко прикрыла её за собой.

Покачиваясь от недосыпа и держась за перила, Синд спустилась по пустынной лестнице до второго этажа общежития. На вахте стражники — её не выпустят из здания. Значит... Она огляделась, открыла узкое окно на улицу и, протиснувшись между створами, встала на карниз. Внизу — густо разросшиеся кусты бузины и калины. Синд поднесла ладони ко рту и прошептала в них заклинание, после чего бережно сдула нашёптанное на плохо видные в темноте ветви. Солнце вставало с другой стороны, здесь была тень, и девушка никаких изменений не заметила. Но она и так знала: заклинание подействовало. И спрыгнула с карниза. Предупреждённые кусты мягко, словно на кучу сена, приняли девушку, и она съехала с ветвей на землю. Новое заклинание — теперь стражники, обходящие территорию студенческого кампуса, не увидят её.

По-ночному свежий воздух взбудрил с первым глотком. Мысли сразу прояснили. Теперь можно спокойно пересечь двор общежития, а там небольшая лужайка — и рукой подать до леса. На бегу Синд вспомнила, что неподалёку от сторожки лесничего, ближе к студенческому городку, растёт огромная сосна с заброшенным орлиным гнездом. Гнездо скрыто ветвями так, что в нём неплохо можно поспать. Счастье от осознания, что чуть-чуть выспаться всё же удастся, подстегнуло не терять и так быстро убегающие минуты.

Спустя короткое время девушка скорчилась на плотно слежавшихся сухих листьях, укрывшись курткой. Внутренние часы были поставлены на время, когда она должна вернуться в апартаменты сестёр, а потом бежать на первую пару...

...Мартина за руку втащила Синд в аудиторию.

— Быстро, быстро!

Они взлетели наверх, где их дожидалась парни.

И только здесь, плюхнувшись на скамью, Синд озадаченно спросила:

— А почему — быстро?

— Синд, понимаю, что не выспалась! — затараторила Мартина, блестя глазами. — Но ты сама рассказывала, как свалилась перед этими... И я вот что придумала!! Ой... — И

она, смеясь над собой, быстро огляделась, не слишком ли громко кричит.

— Я тоже ничего не понимаю, — медленно сказал Александр.

— Главное — чтобы было что понимать, — философски сказал Бреки. — Рыжая ещё ничего и не сказала. Ну? Что у тебя там?

— У меня — парик! — чуть не завизжала от восторга Мартина и снова захихикала в ладошки. — Слушайте, я такая умная! Синд вчера рассказывала, как она грохнулась перед этими. И что сказал принц? Нет, вы вспомните! Что он сказал? Его единственные слова!

Рик, словно прислушиваясь к чему-то в воздухе, задумчиво сказал:

— Мартина, а ведь ты — гений!

От них потребовали объяснить всем остальным тупым, и Мартина с превосходством напомнила:

— Принц сказал: «Это кто такой!»

— И что?

— Ррр... Я сейчас рычать буду на непонятливых! Он принял Синд за мальчишку! — Девушка сделала театральную паузу, после чего разложила по полочкам: — Вы посмотрите на Синд: у неё короткие волосы — раз. Мальчишеская одежда — два. Бегаёт и прыгает, как мальчишка, — три. Плюс ко всему прочему она была в маске! Он будет искать травника!

— И что? — повторил Александр.

Мартина глубоко вдохнула и выдохнула.

— Ничего особенного. Этот Норман решил найти беловолосого травника. А мы ему подсунем русоволосую травницу! Вот! — И она победно потрясла париком — и правда русого цвета и с короткими волосами.

— А дальше что? — спросил Бреки. — Не может же Синд бегать в парике всё время? А лекции по истории архипелага у нас будут два раза в неделю.

— А дальше вот что! Принц убедится, что на курсе нет беловолосого травника, и прекратит искать его. А сам к Синд за это время привыкнет, что она девушка, и не будет обращать на неё внимания. И тогда она снимет парик — типа, перекрасилась в блондинку! Но помаду оставит, чтобы всё преобразование назад, к своей обычной внешности, происходило постепенно. Ну как? Хорошее приключение придумалось?

— Мартина, дай и нам время — усвоить то, что ты придумала, — попросил Рик.

— Нетушки! — решительно сказала рыженькая. — Времени у нас как раз и нет. Через пять минут появится Норман — то бишь его высочество, то бишь магистр Норман... Фу-у, не выговоришь. В общем, он сейчас явится, а мы не готовы.

— Хорошо, — сказал Александр, — мы не всё поняли, но если ты считаешь, что надо начать что-то делать — начинай, а мы за это время...

— Болтуны... — пробормотала Мартина и посмотрела на Синд. — Ой...

Синд, сложив руки на учебном столе, щекой на руки сладко спала. Компания переглянулась.

— Ничего, — бодро сказала рыженькая. — Она же не увидит, какой станет?.. Не испугается? Значит, ничего страшного. Мы и без её участия сейчас всё сделаем! Эх, жаль, я платье для неё не сообразила принести!

На голову спящей Синд общими усилиями и осторожно натянули парик — и показали кулак хихикающим над их проказой, как те полагали, соседям. Мартина аккуратно расчесала слежавшиеся волосы парика. Затем она вынула из своей сумки косметичку и вывалила мелочь на стол. Парни с интересом следили за нею. Для начала рыженькая скомандовала

братьям немного поддержать крепко спящую Синд за плечи, — и намазала ей губы самой яркой помадой из своих запасов. Затем маслянистым карандашом подвела ей верхние веки.

— Мартина, — предостерегающе сказал Александр. — Друзья принца вошли.

— Я и так спешу, — буркнула увлѣкшаяся маскировкой рыженькая. — Всё, кладите её.

Затем из сумки Мартины появился легчайший кружевной шарф, с сиреневыми цветами на синем фоне, укрывший плечи Синд. И под конец рыженькая облепила волосы парика яркими цветочными заколками.

— Выпросила у травниц со второго курса, — объяснила она шѣпотом, то и дело уже всполошённо поглядывая вниз, на стол лектора.

— Почему такой кричащий шарф? — недовольно спросил Александр. — Цвета ужасные. Глаза режет.

— Поэтому и взяла, — самодовольно сказала Мартина. — Чем всё ярче, тем меньше Синд похожа на ту себя, которую видел его высочество, ясно?

— Будим её? — встревоженно сказал Бреки. — Пришёл.

— Не надо, — прошептала Мартина, настроенная по-боевому. — Пусть спит. Теперь — последний штрих. Пока спит — пересаживаемся, чтобы Синд оказалась с краю.

— Зачем?

— Синд надо оставить на конце скамьи. Напротив нас — как раз группа травников. Пусть, если что, подумают, что ей места не хватило. А мы сдвигаемся к противоположному краю — типа, она не с нами.

— Мартина, а ведь ты этот... Как его... — затруднился Бреки. — Постоянно путаю — тактик или стратег?

— И то и другое! — заявила рыженькая. — И вообще... Ты же не думаешь, что я просто так отсиживаю часы на практикумах по боевой магии? Там нас учат многому — в том числе и разработке всяких военных действий.

...Фернан и Эймери, как телохранители принца, действительно вошли в аудиторию первыми, окинули цепкими взглядами притихших первокурсников. Фернан остался у стола лектора, присев на стул сбоку, а Эймери вернулся к двери.

— На верхнем ряду — все четверо, — усмехаясь, сообщил он. — Травника не видно, но с краю сидит кто-то — не разгляжу. Возможно — он.

Он пропустил Нормана впереди себя и последовал за ним.

Первый курс словно затаился, а потом взорвался шепотками. Всем было интересно: сам принц будет вести у них историю Архипелага!

Норман вошёл спокойно, сразу положил на стол конспекты и, как будто так и надо на первой лекции, стремительно поднялся на верхний ряд, к компании, которая обмерла при виде него, бегущего именно к ним... Точно. Все, кроме белоголового травника, здесь.

— После этой пары... — сказал он и чуть споткнулся при взгляде на хорошенькую девчонку, которая до сих пор лежала за столом, опустив голову на край столешницы: та сонно подняла голову и вдруг вскочила сесть прямо, хлопая на него испуганными глазами. — После этой пары все... — Он заглянул в глаза каждого, — четверо явитесь на кафедру истории. Я выразился понятно?

— Понятно, — тихо отозвался за всех золотистый дракон.

А рыженькая вдруг опустила глаза и попыталась спрятать улыбку.

Норман ничего не понял. Мог бы и сообразить спросить, что она смешного увидела в этом его приказе. Но... ему было не до рыженькой. Он вдруг остро пожалел, что однажды

покаялся не гулять с девушками-первокурсницами. Хорошенькая девчонка-травница, последнее — судя по цветочным заколкам в русых волосах, растерянно смотрела на него, слегка полуоткрыв небольшой рот, с которого неплохо бы снять излишне яркую помаду. Да и глаза... Светло-голубые, они как-то плохо гармонировали с грубоватыми чёрными стрелами по верхним векам... Вообще, странная внешность: волосы русые — взъерошенные со сна, а брови такие светлые, что почти белые. Странно, что девчонка не намазала брови подчеркнуть их — при том, что, кажется, увлекается этой дурацкой косметикой... Норман чуть не мотнул головой, отгоняя странное впечатление, что он уже где-то видел эту студентку... Где-то... в толпе первокурсников, небось промелькнула.

Между лопатками появилось ощущение, что его чуть стукнули в спину кулаком. Он пришёл в себя, улыбнулся девчонке-травнице и спустился к лекторскому столу.

Сидящий слева Эймери сердито прошептал:

— Какого дьявола ты там застрял? Пацан там?

— Нет, — отвернувшись от зала, откликнулся Норман, всё ещё мягко улыбаясь.

— Тогда чего ты улыбишься, как влюблённый ангел?

— А ты хочешь лицезреть разъярённого дьявола? Пошли — выйдем!

— Ребята, вы как-то не вовремя, — вмешался Фернан. — Магистр, вам слово.

Норман встал за кафедрой, разложив на крышке лекционные материалы. Начал привычно — с первых вех создания Студенческого архипелага, со времён войны и объединения множества мелких княжеств в единое государство. На конспекты не смотрел — выучил за предыдущие два года чуть не наизусть, поэтому мог позволить себе то и дело поднимать глаза к самой верхотуре студенческой аудитории. Он читал, как всегда, довольно звучно и выразительно. Но сегодня читалось не просто с воодушевлением. Ему так хотелось, чтобы хорошенькая девчонка-травница не спала, слушая его лекцию!..

Если бы не друзья, снова ткнувшие мысленным кулаком уже в бок, он бы читал, не прерываясь на перемену-пятиминутку, вдохновлённый девчонкой-травницей, которая, кажется, внимательно слушала его. Во всяком случае, он прекрасно видел её из-за прохода между рядами. И она сидела. Не пыталась снова лечь головой на стол.

Едва он подошёл к своему столу, как оба друга придвинули свои стулья поближе.

— Норман, что происходит? — спросил Фернан. — Ты не читаешь, а словно рассказываешь старинное предание! Нет, это, конечно, замечательно, и малышня слушает тебя заворожённо... Но ты никогда таким не был!

— Ага, — добавил обеспокоенно Эймери. — И мне теперь самому тебе хочется сказать: пошли — выйдем, чтобы проверить, а не замагичили ли тебя?

— С моей-то защитой? — всё ещё расслабленно улыбаясь, спросил Норман. — Нет.

— Тогда что происходит?!

Заинтересованные друзья с любопытством смотрели на принца. А тот поверх их голов смотрел, как легко, будто летит, спускается по лестнице между рядами девчонка-травница. Норман в упор не замечал, что следом за нею, что-то убедительно говоря в спину девчонке, шагает рыженькая боевая магиня. А ещё следом бежит вся компания.

У столов первого ряда девчонка подняла глаза на принца. Он даже брови вскинул: она покраснела! И выскочила за дверь...

— Вон оно что... — задумчиво протянул Эймери, сам провожавший настойчивым взглядом рыженькую, но успевший уловить взаимосвязь странного взгляда принца и поведения тощенькой травницы. Фернан вздохнул.

Норман рассеянно улыбнулся и сел за стол. Друзья молчали. И так, в молчании, они сидели до звонка на второй час пары.

...Синд, ошеломлённая, сидела за учебным столом, не сводя глаз с человека, вставшего рядом. Она чувствовала себя очень глупо, но глаз опустить не могла. Он будто приворожил её. Нет, он был всё так же некрасив, каким она его помнила, видя издали или на картинках в апартаментах сестёр. Но его глаза, серые, прозрачной воды, полыхнули, словно драгоценные камни... И она не могла себя заставить отвернуться от него, тем более он всё смотрел на неё и отдельно — она это чувствовала! — улыбался только ей! Почему он улыбается ей? Он понял?.. Но что он понял, если не ругается, а улыбается ей? И так ласково...

— ...Синд, — прошептали со стороны, когда этот странный человек ушёл вниз.

— Что? — не оглядываясь, спросила она.

— Ты только не пугайся.

Какой-то скрежет послышался совсем рядом, и девушка увидела пододвинутое к ней круглое зеркальце. Стараясь быстро схватить его, пока магистр Норман не дошёл и не обернулся, Синд чуть не уронила вещичку. А когда заглянула в отражение, чуть не застонала от ужаса. Вот почему улыбался принц!.. Он улыбался смешной раскрашенной кукле!

— Синд, не злись! Мы тебя прятали!

До неё, рассерженной, не сразу дошёл смысл этих слов. Синд всё ещё обиженно смотрела вслед ушедшему. Но, когда он дошёл до стола и обернулся, девушка расслабилась. Он и правда не смотрел на неё с усмешкой.

— Спасибо, — прошептала она и отдала зеркальце Мартине.

И всю лекцию просидела зря: не писала, как обычно, а только слушала голос магистра, впитывая его, как воздух, без которого не жить. А когда раздался звонок на перемену, еле слышный, потому что их аудитория далека от центральных переходов, Синд решила спуститься, чтобы немного подвигаться и прийти в себя. Вся компания выскочила за неё. Догнав девушку уже в рекреации, где было светло и уютно среди комнатных растений в горшках и кадках, компания окружила Синд.

— Теперь можно не бояться, — задумчиво сказал Рик.

— Почему? — медленно спросил Александр. — Он вызвал нас на кафедру. Наверняка потребует, чтобы мы сказали, кто был пятым. Что ответим?

— А давайте я буду с ним разговаривать? — предложила Мартина. — Если он спросит про Синд и пригрозит чем-нибудь, если мы про неё не скажем, я в ответ пригрожу рассказать про него и его друзей в деканате.

— Думаешь, он побоится? — усомнился Бреки.

— Ха! Конечно! Я уже прочитала положения, которые касаются его лично и его друзей... Синд, ты что задумалась?

— Мартина... — Синд покусала губы. — Не надо было... — Она потрогала волось парика. — Не надо было меня так... украшать. Вам надо было превратить меня в уродину.

Они не стали утешать её, поняв, что она расстроена. Во-первых, неясно, почему вдруг Синд запасмурнела, хотя их уловка с маскировкой получилась. А во-вторых, привыкли, что она не любит высказываемого сочувствия.

Постояв у куста фикуса, девушка неохотно ещё раз мысленно повторила: «Я сильная! Я сильная! Я всё перетерплю!» Обернувшись к молчаливо ожидавшим друзьям, она вздохнула и спросила:

— Ну ладно... Но ведь теперь я должна быть постоянно в этом парике? А что мне сказать сёстрам? Может, сразу повиниться перед магистром Норманом? Ведь ты, Мартина, говорила, что он ничего не сделает — не сможет сделать!

— Кстати, о магистре, — хмыкнул Рик. — Вызвал-то он только нас четверых. Сработало?

— Ребята, я смысла не понимаю: зачем меня прятать? Ну, поругает...

— Синд, ты слишком серьёзна, а это — игра!

Девушка вспомнила бессонную ночь. Им — игра. А ей?..

Ну нет! Она не будет портить настроение друзьям!

— Время! — вмешался Бреки. — Через минуту начнётся второй час пары. Быстро по местам! Синд, заходишь первой. За тобой — мы. Чтобы магистр не заподозрил чего.

Она кивнула, открыла дверь в аудиторию и, не глядя в сторону стола лектора, помчалась по лестнице на своё место. Села, посмотрела на ряд со своей группой. Может, к ним присоединиться, если ребята из компании хотят продолжить игру? Но взгляд уже неудержимо потянуло вниз, на троих, сидящих за столом, на того, что сидел между двумя. Очень некрасивый. Странно обмякшая, будто растянутая, плохая кожа лица, набрякшие веки, и под небольшими глазами — тёмные мешки. Рот злой, в ниточку. Всегда небритый. Всегда как будто после запоя. И выглядит старше своих лет: Синд помнила, что принцу Норману где-то за двадцать пять...

Ой... Вспыхнув, девушка быстро отвела взгляд. Принц поднял голову.

Вовремя подошли друзья. Протиснулись мимо неё на места. Сели, не смея на неё посмотреть, но лица у всех радостные. Приключение продолжается!

— Мартина, если он будет настаивать и грозить, скажите про меня, ладно?

— Это мы ещё посмотрим, кто будет грозить! — Мартина заносчиво вскинула рыжую головку и хорошенький носик.

Час пролетел мгновенно.

Магистр Норман под звонок задал домашнее задание, продиктовав источники, и без паузы вышел. Лишь у самой двери оглянулся наверх. Но Синд решила, что он смотрит на ребят, а не на неё. Вся четвёрка быстро побежала следом за магистром.

Обеспокоенная, Синд некоторое время решала, оставаться ли на следующую пару, или побежать к кафедре истории, чтобы там дожидаться ребят. Но, вспомнив, что следующей парой тоже общая лекция — по магической визуализации, решила сидеть на месте, чтобы опоздавшие смогли потом быть в курсе, что читали на первом часе.

Предупреждённый, преподаватель по магической специализации только кивнул студентам, опоздавшим на десять минут, и продолжил читать лекцию. Ребята быстро оказались рядом с Синд.

Она вопросительно кивнула.

— Взял с нас клятву больше никогда не появляться на Тартаре, — недовольно сказал Рик. — Накрылись наши приключения. Сказал, что пятого искать не будет. Хватит взятой с нас клятвы. А пятый без нас никуда...

— Рик, дурачок, — с превосходством сказала сияющая Мартина. — Ты так говоришь, будто кроме Тартара островов больше нет! Магистр велел дать клятву только на Тартар!

— И правда — я как-то не додумался, — радостно пробормотал Рик и, сжав ладони, потряс ими, адресуясь Синд.

Повеселев, она повторила его жест, и сразу же засияли и поникший было Александр, и хмурый Бреки. И тут же уткнулись в тетради с конспектами. Приключения хороши тогда, когда знаешь всё. А тут — магическая визуализация! Впрочем, дело лёгкое. Ну, если знаешь досконально все его детали.

Третья пара была по спецгруппам, и компания рассталась до вечера.

...Синд вместе с девушками и парнями своей группы травников в конце занятий не сразу пошла в апартаменты сестёр. Задали лабораторную, а предметы, необходимые для её проведения, надо собрать самим в ближайшем лесу. Группа сомневалась: работа задана с форой в два дня, так идти ли прямо сейчас за составляющими? Но ведь уже вечер. Темнеет — и очень быстро, как это часто бывает на островах.

— Знаю полянку, где всё это сразу растёт, — сказала Синд, — но у меня проблема: если не предупрежу сестёр, что сегодня буду поздно...

Сестёр Синд уже знали. Поэтому староста группы, высокая худая девушка со строгими чёрными глазами, ходившая, казалось, всегда в одном и том же сарафане, погладила Синд по плечу и сказала ободряюще:

— Тогда поведёшь нас туда завтра, а я вставлю в расписание дополнительных занятий поход за ингредиентами. Всё будет официально. Не беспокойся. — А затем староста обратилась к группе: — Да, травники, сегодня получаем стипендию. Я скоро буду — не забудьте. Так, свободны все, кроме Синд, Кима и Сильвестра.

Группа, радостно гомоня, разбежалась. А трое, удивлённые, остались. Они удивлялись до тех пор, пока староста не вытащила из сумки заложмаченный от древности журнал, который они сразу узнали по обложке.

— Вы трое за два месяца до сих пор не выбрали дополнительную специализацию. Две недели назад вы клятвенно обещали, что скажете мне сразу, как выберете. И что? Сколько мне вас ещё ждать?

Ким и Сильвестр, два невысоких паренька, на удивление похожих друг на друга русыми головами и одинаковыми длинными рубахами, переглянулись и выпалили:

— Алхимия!

И засмеялись. Староста благосклонно кивнула им и отпустила.

— Синд, я тебя сегодня не узнала, — улыбаясь, сказала она. — Ты перекрасилась?

— Нет, это парик, — немного виновато вздохнула девушка.

Она побоялась, что староста будет расспрашивать, с какой целью она надела парик, но та лишь фыркнула и приготовилась записывать.

— Ну что? Что ты выбрала?

— Лиза... А можно выбрать так, чтобы никто не знал, чем именно я занимаюсь?

— Интересно. И чем ты хочешь украдкой заниматься?

— Только не удивляйся... — Синд поколебалась ещё некоторое время. — Я хочу знать

хотя бы общий курс некромантов по зомбированию. Там ведь тоже травы используются? — И она с надеждой уставилась на изумлённую старосту. — Я понимаю, что преподаватель для отдельной ученицы — это излишняя роскошь, но ведь все некроманты занимаются один на один с учителем.

Та помолчала некоторое время, решая странную задачку.

— Только учти: куратор группы тоже будет знать. Итак, вот что мы сделаем. Я запишу тебя на алхимию. Вместе со всеми из тех, кто выбрал её. Моих списков всё равно никто не увидит, — раздумчиво сказала Лиза. — Но одновременно посмотрю, кто из университетских некромантов захочет преподавать тебе зомбирование. И попробую сделать так, чтобы занятия алхимии и зомбирования совпадали. До завтра, Синд!

— До завтра, Лиза!

Когда староста ушла, Синд потопталась на месте, размышляя, сразу ли идти в библиотеку — выполнять задание по истории Архипелага, или сначала заскочить к сёстрам... Вздохнула: если они сегодня с утра были дома, то в комнатах опять бардак. Пока их нет, надо бы убраться, а уж потом бежать в библиотеку. Так легче.

...Норман следил за еле видной в темноте фигуркой девушки из окна кафедры. Та стояла на дворе корпуса странно потерянная, как будто заблудилась. Заглянув через его плечо, друзья отошли вглубь помещения и тихо заговорили. Принц не отошёл от окна, пока девушка не побрела куда-то... Лишь тогда он вернулся к друзьям.

— Собрать на неё досье? — деловито спросил Эймери.

— Нет, не надо, — отстранённо сказал Норман. — Я не собираюсь знакомиться с нею.

— Странная она какая-то, — сказал Фернан, выглядевший так, словно пытался что-то вспомнить. И постукивание пальцами по подлокотнику кресла подтвердило, что он углубленно о чём-то размышляет. — Сверху — прямо цветочек, а в основном одета как... Ну простенько как-то.

— Не понял, чего в ней странного? — переспросил Эймери.

— Понимаешь, она как будто в последний момент спохватилась, что хочет кому-то понравиться: нарядилась, эта яркая накидка на плечах, а на деле...

— А может, она из бедной семьи, и, кроме накидки, ей надеть нечего? — усмехнулся Эймери. Напрямую он Фернана не высмеивал: все знали, что первый друг принца слегка флегматичен и свои мысли старается выражать вслух. Как объяснил однажды Фернан: рассуждая — ему удобней самому что-то понять.

— Наверное, — безучастно ответил Фернан. И вдруг удивлённо улыбнулся чему-то, всё ещё явно витая в мыслях.

— Хватит, — недовольно сказал Норман, заметивший его озарённость какой-то догадкой. — Я же сказал, что не собираюсь с этой девчонкой знакомиться! Давайте займёмся чем-то более интересным. И так жалею, что связался с этими лекциями из-за пустого интереса.

— Почему? — немедленно спросил Эймери. — Девчонка внешне не красавица — признаю, но некий шарм в ней чувствуется.

— Она не из тех, с кем гуляют, — буркнул Норман и отвернулся, морщась: друзья сейчас наверняка пройдутся по девушке, да и по нему самому, высмеивая.

Поэтому он не видел, как Фернан показал кулак очень удивлённому этим Эймери, зато услышал его спокойный голос:

— Норман, мы поняли.

... Принц был сопровождён друзьями в одну из лабораторий — по личному расписанию, а его друзья вышли на двор лабораторного корпуса. Сидеть рядом с лабораторией не хотелось: весь этаж пропитался алхимическими миазмами.

— А теперь объясни, в чём разница! — надвинулся на Фернана Эймери, закрыв за собой дверь. — Впервые, что ли? Мы всегда могли разобрать его любую красотку по частям, хоть следуя анатомическому атласу. А сейчас ты мне не дал даже рта открыть, а ведь я ничего такого не сказал!

— Ты сказал, — ответил Фернан, медленно шагая по каменным плитам двора к ближайшему бассейну с фонтаном. — И сказал лишнее. Потому что такое не обсуждается.

— Что именно не обсуждается?! — рассердился Эймери. — Не изображай из себя таинственного и всепонимающего! Объясни! Или объяснить — для тебя проблема?!

— Не ори. Если бы ты пригляделся к Норману, ты бы всё понял. Да и сказал он довольно прозрачно... Понимаешь, Эймери, когда человек начинает испытывать настоящее чувство, ему как-то... — Фернан улыбнулся и сел на бортик бассейна. — Как-то неприятно, когда обсуждают предмет его чувства.

Эймери захлопал глазами.

— Ты же не хочешь сказать...

Пронзительный девичий крик прервал его речь.

Оба взглянули на аллею справа. Та самая рыжеволосая воительница стояла с двумя мечами перед какой-то толстой светловолосой девицей и не пускала её, когда та металась то в одну, то в другую сторону, пытаясь её обойти. Вот эта толстушка и визжала.

Парни переглянулись.

— Кхм, кажется, волей-неволей, но придётся познакомиться с этой компанией поближе, — пожал плечами вскочивший на ноги Фернан.

Они подросли вовремя. Ещё пару секунд — и толстушка разрыдалась бы: таким угрожающе медленным шагом рыженькая уже пошла на неё.

— Что происходит? — ледяным тоном спросил Эймери.

Ему понравилось, как рыженькая держит мечи: хорошая позиция для бойца, который одним-единственным жестом предостерегает противника, что на его любое движение будет выпад.

Рыженькая опустила мечи и с нескрываемым неудовольствием покосилась на парней. А толстушка воспользовалась моментом и, испуганно привизгивая на ходу, кинулась с места происшествия... Фернан мягко переспросил:

— Так что произошло? Почему вы подняли боевое оружие на студентку?

— Личные счёты, — буркнула рыженькая, разворачиваясь лицом к ним и вкладывая мечи в набедренные и наспинные ножны. Наспинные она слегка приподняла снизу, причём Эймери понравилось, как небрежно и привычно она это сделала. Рыженькая ему вообще нравилась. Сам из боевого рода, он любовался её отточенными движениями... И неожиданно подумал, что тоже не хотел бы обсуждать — даже с друзьями! — стать и внешность этой девушки.

— Это не ответ, — невозмутимо сказал Фернан.

— Я нарушила правила? — хмуро спросила рыженькая. — Ответ на ваш вопрос — нет. Не поднимала я против неё оружия. Только поугубить хотела. Пошутила, — сквозь зубы процедила она. — Так что не приставайте!

Рыженькая чётко развернулась и жёстким шагом направилась в сторону,

противоположную сбежавшей толстушке. Парни переглянулись и без лишних слов поспешили в деканат. Любопытство заело. Через полчаса они знали, что рыженькая угрожала сводной сестре той самой хорошенькой травницы, на которую запал Норман. Любопытство Эймери разгорелось больше. Есть ли связь между травницей и рыженькой? Может, они подруги? Или эта ссора не имела отношения к травнице? Фернан отмалчивался и то и дело морщился, словно о чём-то усиленно размышлял. Парни вернулись к бассейну и принялись нетерпеливо ожидать принца с занятий...

...Синд открыла дверь апартаментов, грустно думая о том, что сейчас придётся вымывать свою комнатку от присутствия ночных гостей. Но перед тем придётся снова осмотреть апартаменты и проверить, не грозит ли новая уборка.

Только ступила пару шагов, как услышала твёрдый стук каблуков. Сёстры дома? Опять прогуляли свои занятия?

— Явилась? — презрительно сказала Ивет, со злобой глядя на неё.

Синд удивилась: странно, вроде она ещё ни в чём не провинилась. Или сёстры что-то задумали, а она помешала? Или... Что она сделала не так? В уме закрутилось: уборка, стирка, глаженьё, мытьё полов и посуды... Что она сделала не то?.. Сердце застучало тревожно и быстро-быстро... Не успела додумать, как сестра подошла очень близко.

От хлёткой пощёчины Синд чуть не упала. Не оттого, что больно и сильно, — от неожиданности. Руки к лицу взметнуть не успела — голова мотнулась от другой пощёчины, а щёку обожгло остро заточенными ногтями. Второй удар оказался очень сильным. Внутри носа что-то больно хлопнуло... Но сестру не остановило даже, что теперь лицо сводной сестры защищено ладонями.

— Это тебе за меня, гадина! — приговаривала Ивет с каждым ударом. Синд вынужденно пятилась, уже не в силах закрыться полностью: приходилось оттирать кровь, бежавшую из носа и разбитой губы. — Это тебе за Лунет! Это тебе за то, что баронета увела, гадина! За то, что он сегодня пришёл и расспрашивал, как написать нашей матери официальное предложение, ты — гадина! Змею пригрели — мама правильно говорила! Кормим, одеваем, сдохнуть с голоду не даём! И чем ты нам отвечаешь на это?! Гадина!

— Иве-ет! — с гнусавым рёвом ворвалась в апартаменты Лунет и остановилась, мокрая от слёз. Когда до неё дошла ситуация в прихожей, она набычилась и решительно присоединилась к сестре.

...Разозлённая неприятным открытием (она нечаянно подсмотрела, как Лунет расписывается в ведомости у старосты травников), Мартина еле дождалась парней с их занятий. Сначала она заскочила в аудиторию магов-стихийников, потом Рик вызвал Александра — и только затем рыженькая воительница выпустила пар:

— Нет, вы представляете?! Синд не получает стипендии, хотя она ей положена! Знаете, кто получает вместо неё?! По личной доверенности! Эта белёсая мокрица — Лунет!

— Что-о?! — поразился и Александр.

— Вам не кажется, что пора разобраться, что происходит?! — крикнула Мартина. — Мы же, в конце концов, одна компания! Мы не собираемся выдавать её тайн, но мы можем хоть в чём-то помочь Синд! Слушайте, давайте сходим к ней и разберёмся раз и навсегда, что происходит!

— Но Мартина! В такие дела нельзя вмешиваться! — напомнил Бреки.

— Бреки, в такие — как раз можно и нужно! — рявкнула Мартина. — Вы, будущие мужчины, хоть раз смотрели на ноги Синд? Вы видели её ботинки, которые она так любовно

перетянула тонкой проволокой, да ещё сделала это красиво, переплела — типа, красоту наводила? Изящно получилось — да?! А Синд сделала это, чтобы не видно было, как отваливается подошва! Ей ходить не в чем, а вы говорите — нельзя вмешиваться?! Всё! Как хотите, а я побежала разбираться с этими двумя мокрицами!

— Подожди, я с тобой! — бросился следом Рик.

Остальные промолчали, догоняя рыженькую, которая летела, несмотря на всегдашний комплект боевого мага, утяжеляющий её.

...На этот раз она не спрыгнула, а выпала из окна на подставленное сплетение ветвей и листьев. Ветви спружинили, а потом медленно прогнулись, помогая безвольному телу осторожно съехать на землю. Кусты, привычные к магии Синд, и без неё поняли, что девушка должна быть спрятана.

Полежав немного, хрипло дыша ртом — нос распух и забит застывающей кровью, Синд перевернулась на живот. Мысли путались, но одна, упрямая, не давала совсем потерять сознание: «Мне бы только до леса добраться...» А до леса добираться — надо пройти каменный двор вокруг общежития. Тяжело. Но зато доберётся до лужайки при опушке!.. Чуть не заплакав от слабости в избитом теле, девушка напомнила себе, что плакать тоже нельзя: лопнувшую на лице кожу будет щипать от слёзной соли. «Ничего, — думала она сквозь пропадающие перед глазами и снова появляющиеся ветви калины. — Мне бы только до леса добраться. А там меня никто не найдёт, и до утра я успею...» Перед глазами снова потемнело. Что-то сегодня сёстры очень уж разозлились... Сдался им этот толстяк... Правда, он единственный отпрыск и наследник обширных земель... Но быть его женой... Старшие сёстры тоже дурёхи, если думают...

Синд напряглась, привстала на колени. Хватит ли сил на заклинание невидимости? Хотя бы на те несколько шагов, которые помогут ей пересечь двор общежития... Пересохшим ртом она прошептала, выталкивая слова, заклинание. Перед глазами помутнел свет фонаря, только что качавшийся маятником перед нею из-за постоянного головокружения. Девушка, цепляясь за ветви, сумела встать — и побрела к лесу. Как он был близко вчера, когда ей всего лишь хотелось спать! И как он сегодня далеко...

Ноги босые... Приятно идти по гладким каменным плитам, ступая горячими стопами по прохладному. Только вот сил маловато, и томит страх, как бы кто-нибудь из магов-стихийников не почувствовал в пространстве её заклинания...

Пройдя середину двора, девушка жадно, на остатках сознания потянулась всеми ощущениями к травам. Те откликнулись не сразу, но их сила, постепенно собирающаяся вокруг неё, окутала невидимой защитой, и Синд уже быстрее прошла последние несколько шагов до травянистой лужайки.

Здесь, на краю лужайки, травы были невысокими, но сильными. Синд вдохнула всей грудью их запахи и уже быстро зашагала к лесу, на ходу запахивая края разодранной рубашки и непроизвольно вздрагивая от влажного к ночи лесного холода.

Синяки к утру должны пройти. Вот с кровоподтёками на лице придётся поработать... Машинально она дошла до любимого места — до лесной поляны с высокими травами и села на колени. Закрыла глаза и принялась читать заклинания, время от времени поднимая руки, взывая к травам и деревьям... В полубессознательном состоянии она видела туманное разноцветное сияние, которым постепенно наполнялись травы вокруг неё, а потом тянулись к ней. Она наконец перестала отчётливо чувствовать боль во всём теле и сонно легла на склонившуюся рядом копну трав. Вскоре она спала, а травы, настроенные на неё, неспешно

продолжали лечить изувеченное тело.

...Норман сидел на бочке, выкаченной с катера, и смотрел на огни далёкого маяка, поблёскивающие на мелких волнах. В ногах устроилась сторожевая чёрная псина с пирса, которую он машинально поглаживал. Друзья сидели за спиной и тихо разговаривали о чём-то, а принц хмуро размышлял, нельзя ли отказаться от опрометчиво взятых на себя лекций по истории Архипелага. И кривился: нельзя. Он представитель короны. Ему не по рангу быть легкомысленным. А именно таковым выглядел бы его поступок: захотел — сделал, не понравилось — отказался. Нет уж. Взятся — тащи. Да и что такого тяжёлого? Две пары в неделю, а потом экзамен в сессию. Семестр закончится быстро, а там и отказаться можно будет... И забыть о той девчонке, что так хлопала на него глазами...

Настроение сидящих за спиной — изменилось. Он той же спиной почувал.

— Что? Что случилось? — Он быстро встал и обнаружил, что псины рядом нет.

— Норман, ты даже не заметил, — недовольно сказал Фернан. — Твой Звонарь (так зовут сторожевую псину за звучный басовитый лай) только что пробежал мимо нас.

— Он оглянулся, — заметил Эймери. — Надо бы пойти за ним. Вдруг случилось что-нибудь? О, слышите? Зовёт!

Эймери был отличным охотником — в собачьих интонациях толк знал. Ему поверили. Друзья поспешили на собачий «зов», не обратив внимания на бегающий свет во дворе одного из общежитий. Впрочем, общежитие было далековато отсюда, так что заметить тревожный свет факелов с берега было трудно.

Звонарь рыкнул и вдруг завыл. Сориентировавшись, Норман бросился напрямую на звук, на бегу сотворив огонь в ладони. Теперь бежать стало легче. Друзья ломались за ним с шелестом и треском, пока тоже не сообразили намагичить огонь.

Чёрное, будто провал в отсвечивающих травах, пятно он заметил первым. Быстро подбежал к замолкшей псине и увидел, что та выжидает над человеком, которого прячут травы. Приблизившись, Норман, раздвинув травы, присел на корточки, а потом выругался. Неужели этот белоголовый мальчишка настолько испугался наказания, что решил прятаться от него здесь, в лесу?! Но почему он не встаёт, заслышав приближение к нему со стороны? Поднеся огонёк в ладони и приглядевшись — из-за поскуливания Звонаря, принц увидел, что разорванная рубаха мальчишки темнеет пятнами.

Топот за спиной затих.

— Кто это? — с изумлением спросил Эймери.

— Пятый из той компашки, — проворчал Норман, поднимая беспомощное тело. — Надо отнести его в больницу, пусть травники поспособствуют исцелению собрата.

Уловив на себе взгляд, он обернулся. Фернан смотрел на него, будто хотел что-то сказать, но не решался. Наконец, словно специально выждав, пока принц сделает несколько шагов, Фернан сказал, почему-то улыбаясь:

— Ну тебя... Давай я его понесу. А то в больнице ещё скажут...

Что могут сказать в больнице университета, он не договорил, но Норман пожал плечами и осторожно переложил лёгонькое тело мальчишки-травника на его руки.

Сидевший на скамье у кабинета первой помощи Норман оглянулся на открывшуюся дверь. Вышел Фернан.

— Ну, что там с ним?

— Сильные ушибы, — с каким-то недоумением сказал друг. — Кровоподтёки.

— А, подрался? — задумчиво сказал Норман. — Чего удивляешься? С мальчишками это бывает. Понятно, почему в лес пошёл: травник, думал травами исцелиться. Молодец, вообще-то. Только уж очень его сильно побили. Кому успел дорогу перейти? — И остановился, встревожившись: — Лес давно проверяли?

— Недавно, — отозвался Эймери. — Если думаешь на нечисть, то зря. С кем-то другим у пацана были крутые разборки.

Они прошли коридор, спустились на первый этаж — и остановились на первых же шагах от лестницы. От дверей в больничной холл к ним мчалась всё та же четвёрка ребят. При виде принца с друзьями они затормозили так резко, что Норман поневоле забеспокоился, не свалились бы на скользком полу.

Четверо переглянулись, и рыженькая, отдышавшись, сказала:

— А мы хотели узнать... Ой, добрый вечер...

— Добрый, — пробурчал Норман, скрывая, что ему нравится их тревога за друга. — Здесь ваш травник. Живой. Только вот избитый. Вы знаете, кто его так?

Ребята снова переглянулись, а Фернан внезапно предложил:

— Норман, давай я это дело сам проконтролирую? Такого избиения и впрямь нельзя оставлять безнаказанным.

— Согласен. Начнёшь прямо сейчас?

— Конечно.

...Принц и светловолосый Эймери («Такой интересный! Правда ли, что он из боевого рода?») — подумала Мартина, поймав его взгляд напоследок) ушли.

Ребята стояли перед темноволосым Фернаном в абсолютной растерянности. Вот как ему всё объяснить? Мартина уже вздохнула и решила было сказать, что не надо ничего контролировать, но Фернан выручил их сам, предварительно посмотрев на своих удаляющихся друзей, словно оценивая расстояние:

— Так кто её избил?

— «Её»? Вы знаете? — поразился Александр.

— В аудитории я узнал её по обуви. Очень необычной. С какой-то плетённой поверх ботинка проволокой. Как зовут девочку?

— Синд, — с облегчением выдохнул Рик. — Что с нею? Как она себя чувствует?

— Спит. Принц нашёл её в лесу, где она пряталась и пыталась исцелить саму себя. Сейчас её обследовали наши целители. Сказали — если не тревожить её сон, большинство кровоподтёков сойдёт к утру. И так? Хотелось бы услышать ответ на вопрос: вы знаете, кто так поступил с нею?

— Это её старшие сёстры! Сводные! — выпалила Мартина. — Они постоянно шпыняют её, издеваются над нею, а она молчит. А когда сильно достают, говорит, что они хорошие! Всё равно хорошие! Мне кажется, её чем-то шантажируют! Сделали из неё настоящую рабыню! А сегодня я узнала, что они у неё ещё и стипендию отнимают! Наверное, заставили

подписать доверенность на получение!

— Именно это открытие вас возмутило тогда, на тропинке? — меланхолично спросил Фернан. — Это была одна из сестёр?

— Да!

— Будьте добры проводить меня к этим сёстрам.

Он даже слегка и церемонно поклонился Мартине, чтобы подчеркнуть свою просьбу. А парни отступили. И Мартина заметила интересную вещь: Фернан с ними вроде разговаривает спокойно и тихо, да и одет почти незаметно — во всё чёрное, кроме шейного платка синего цвета, но почему-то даже Александр, бывший ростом выше, рядом с ним выглядел каким-то маленьким и незначительным. Поколебавшись, Мартина встала с доверенным лицом его высочества (снова напомнила себе, чтобы не разговаривать с ним слишком простецки) и пошла рядом. Притихшие парни следовали позади. В короткой дороге Фернан только спросил Мартину, на каком курсе учатся старшие сёстры Синд.

В общежитие зашли через парадный вход, и Фернан сразу велел одному из стражников при вахте идти следом за дружной компанией на пятый этаж. Сначала Мартина подумала, что стражник нужен, потому что время позднее и сёстры Синд могут не открыть. Оказалось — для другого.

У апартаментов сестёр Фернан для начала приподнял бровь на роскошную дверь. Затем кивнул стражнику. Тот подошёл к двери и постучал. Ответил сварливый голос:

— Кто там?

Стражник откашлялся и солидно сказал:

— Доверенное лицо его высочества — лорд Фернан!

— Ага, сейчас! — отозвался другой голос. — Так мы и поверили, что доверенное лицо будет шляться поздно вечером по общежитиям! Не откроем!

Возмущённый стражник было открыл рот, но спокойный Фернан положил руку на его плечо — и тот отошёл в сторону. Фернан шагнул к двери и ткнул в неё пальцем.

Мартина ожидала, что от одного прикосновения дверь распахнётся.

Произошло всё гораздо страшней и неожиданней.

Дверь внезапно осыпалась прахом!

Забыв дышать, девушка резко вспомнила, что друзья принца — такие же маги-универсалы, как и сам его высочество. И то, что сейчас обыденно продемонстрировал Фернан-некромант, — это смерть деревянной панели, которая была дверью.

Сёстры, стоявшие близко к порогу: наверное, подслушивали? — сначала ойкнули, а потом с визгом убежали. Причина побега была ясна с одного взгляда: они переоделись ко сну... Возня и тревожные переклики свидетельствовали, что они готовятся встретить доверенное лицо принца в подобающей одежде.

Фернан перешагнул порог, запорошённый холмиками серой пыли, осмотрелся.

— Любопытно... — негромко проговорил он. — Замечательно живут наши студенты-второгодники, оказывается... — Пройдя ещё несколько шагов, присел на корточки. — Кровь. Били ногами? — Он провёл ладонью над полом, будто вслушиваясь в то, что слышно только ему. — Вот как... Интересно.

— Добрый вечер, лорд Фернан! — в два сладких голоса запели две скромно одетые барышни, и Мартина чуть не поперхнулась: сёстры Синд оделись чуть не в школьные формы! И выглядели такими застенчивыми! — Проходите, пожалуйста!

— Спасибо, — невозмутимо ответил Фернан. — Поговорим здесь. Не собираюсь

задерживаться. Из-за чего вы избили свою младшую сестру?

Обе девицы открыли рты — и снова захлопнули.

Мартина смотрела на них и соображала: не скажут! Не скажут ведь!

Как ни странно — сказали. Чуть вперёд выступила Ивет и, опустив голову, кукольным голоском невинной добродетели пролепетала:

— Лорд Фернан, она нас оскорбила! Так сильно, что мы не сдержались!

— Я не буду говорить о том, что светские барышни так себя не ведут, — бесстрастно сказал Фернан. — Не буду говорить о поведении, не подобающем для девочек из семьи, которая считается достопочтенной. Вы Ивет?

— Да, — прошептала старшая.

— Возьмите.

Мартина во все глаза смотрела, как Ивет приняла из его рук две какие-то карточки и с удивлением посмотрела на них, а потом на доверенное лицо принца.

— А что это? — осмелилась спросить Ивет.

А Лунет вытянула шею, стараясь разглядеть, что именно дали сестре.

— Это магические чёрные карты запретов. Вы взяли их в руки и теперь в течение трёх дней не имеете права посещать университет, а также не имеете права выходить из своих апартаментов. Более того... — Фернан, может, и не хотел делать паузы, но сделал, отчего следующие слова ожидалось даже Мартиной с опасливым вниманием — что уж говорить о сёстрах, которые тарацились на него с ужасом, как кролики на ядовитую змею. — Более того, если по истечении трёх дней на Студенческий архипелаг не приедет ваша мать, вы будете исключены из университета. Вы всё поняли?

— Но мы!.. — заныла Ивет.

— Ещё раз, — безучастно сказал Фернан. — Вы всё поняли?

— Да, лорд Фернан, — испуганно сказала Лунет, дёргая сестру за руку.

— Теперь решим ещё два вопроса. — Фернан огляделся. Следом за ним апартаменты оглядели и ребята из компании. Мартина вздохнула. — Покажите мне комнату вашей младшей сестры.

Сёстры переглянулись — и на лицах изобразилась паника. Мартина машинально положила руку на рукоять набедренного меча. Она видела пару раз эту жалкую каморку, знала, какова её обстановка, — и первая мысль сейчас: что эти дуры снова натворили там?

— Барышни.

И опять в голосе Фернана было лишь напоминание, но две сестры аж подпрыгнули и, пряча глаза, повели его и компанию в каморку. Та располагалась неподалёку — дверь в дверь с кухней. Лунет открыла дверь, не смея поднять глаз, и встала сбоку. Фернан снова шагнул лишь к порогу. Мартина выглянула из-за него и ахнула.

Они сбросили с койки постельное бельё и, кажется, растоптали его. Наверное, с кухни взяли все бутылочки с соусами и обляпали все стены, пол с тем же, естественно, постельным бельём разноцветными потёками и кляксами... Несмотря на увиденное, Мартине вдруг так захотелось, чтобы Синд немедленно пришла в себя! И чтобы открыла друзьям страшную правду: из-за чего так разъярились её старшие сёстры?! Какое оскорбление заставило их так изошрённо мстить младшей?!

Не оборачиваясь, Фернан щёлкнул пальцами. Мигом подбежал стражник.

— Второй этаж. Пустые комнаты есть? Или, лучше, — двухместные, в которых пока проживает только одна девушка?

Стражник ответил не сразу, замороженный уродливой абстракцией на стенах и погромом в комнатухе. Наконец, он даже встряхнул головой и ответил:

— Двухместных не осталось, но одноместная есть, правда, очень маленькая.

— Если бы не сёстры, Синд мало сидела бы в комнате, — неуверенно вмешалась Мартина. — Лес и библиотека — любимые места после занятий.

— Где её вещи?

В голосе Фернана наконец тоже прорезались эмоции — угрожающие. Мартина поняла его. Если только девицы скажут, что они порвали, сломали, изуродовали вещи младшей сестры, небо обеим покажется с овчинку! Поэтому она сама поспешно, подгоняемая плаксивым выражением лица Лунет, вмешалась:

— Они не знают, где вещи Синд! Я знаю.

— То есть она их прячет?

— Да. Я быстро, — пообещала Мартина и побежала на кухню.

Синд однажды проговорила, что на время вечеринок её каморка бывает занята бесцеремонными гостями и что поэтому приходится прятать вещи в другом, недоступном для них месте. По дороге Мартина прихватила знакомую ей холщовую котомку, валявшуюся у входной двери в уголке и оттого, видимо, не замеченную сёстрами. На кухне она подставила табурет и, поднявшись на него, пошарила на шкафу. Пальцы почти сразу наткнулись на свёртки, плотно отодвинутые к стене. Сказанное Синд оказалось правдой: она в самом деле прятала здесь свои немногие вещи и книги с тетрадами. Рик и Бреки, пошедшие за Мартиной, помогли ей: она передавала им вещи Синд, а они всё упрятавали в котомку. Девушка наконец даже улыбнуться смогла: хорошие у травников котомки! Вместительные!

Когда они вернулись к каморке Синд, стражник забрал котомку и поднял брови.

— Это всё?

Обернулся Фернан.

— В прихожей заберите её обувь.

Мгновенно кое-что вспомнив, Мартина помчалась в прихожую быстрее остальных. Неизвестно, что скажет Фернан, но девушке не хотелось, чтобы он увидел: та самая оригинальная проволочная плетёнка на ботинке Синд, по которой он узнал в мальчишке-травнике девушку, скрепляла подошву, которая вот-вот отвалится. Синд в его глазах и так совсем уж унижена, а зная её, Мартина прекрасно понимала, что подруга не хотела бы нового унижения. Ботинки она нашла не сразу: один валялся близко к полке с обувью, другой — прятался среди кучи других вещей. Мартина завернула обувь в непрозрачный пакетик и понеслась назад.

Кажется, за минуты её отсутствия произошло что-то очень интересное: сёстры стояли багрово-красные и сжимали кулачки, готовые разреветься. Александр при виде любопытства, которого Мартина и не скрывала, осторожно шагнул назад и прошептал, едва удерживая смех:

— Они это будут отмывать! И отстирывать! К утру! И ставить входную дверь за свой счёт! А Фернан завтра придёт проверить!

— В смысле — они будут это оттирать всю ночь?! — с весёлым ужасом спросила Мартина. — И стирать тоже?

— Ну да! Им же завтра не на занятия!

— Но почему к утру?!

— Порча университетского имущества!

Между тем Фернан всё тем же слегка нудным голосом сказал:

— И последнее. Лунет.

— Да, лорд Фернан, — дрожащим голосом отозвалась девица.

— Покажите мне доверенность, по которой вы получаете стипендию Синд.

Девица метнула в Мартину гневный взгляд, а потом проблеяла, уже преданно глядя на доверенное лицо его высочества:

— Я не помню, куда её положила! Можно, я найду её и отдам вам завтра?

Фернан сложил руки на груди.

— Времени у меня более чем достаточно, Лунет. Поищите, пожалуйста. Я — подожду. — И шагнул в сторону — предусмотрительно и заранее пропуская её мимо из комнаты Синд, и всем этим движением подчёркивая своё терпение.

Сёстры снова переглянулись — уже в самой настоящей панике. Мартина с удивлением заметила, как глаз Лунет задёргался в нервном тике. Что это она?

Ждать пришлось недолго. Лунет вышла из каморки и вернулась почти тотчас.

— Вот, — еле слышным шёпотом прошелестела она, протягивая лист Фернану.

Тот взял доверенность, мельком взглянул на неё и, ни одним движением не показав своего отношения к бумаге (отчего Мартина, сообразив, что с доверенностью нечисто, чуть не завопила: «Да что же там такое?!»), кивнул:

— Ивет, Лунет. Прощаюсь с вами. — И, сделав паузу, слегка улыбнулся: — До утра.

И вышел. А за ним — компания и стражник.

Они спустились уже на два этажа, когда Мартина не выдержала:

— Лорд Фернан, что не так с этой бумагой?!

Он остановился и удивлённо взглянул на неё:

— Почему вы решили, что с бумагой не всё в порядке?

— Вы забрали её, — осторожно сказал Бреки. — Было бы всё в порядке, оставили бы.

Фернан только хмыкнул — правда, вполне доброжелательно, но так и не сказал ничего конкретного.

У выхода из общежития он только было вежливо распрощался с компанией, как Мартина, поколебавшись, спросила:

— Лорд Фернан, скажите, пожалуйста, а как нам теперь быть с Синд? Ну, принц Норман думает, что она травник, а не травница... Ну, вы меня поняли...

— На ваше усмотрение.

— Я это спрашиваю к чему, — осторожно сказала Мартина. — Нужно ли Синд носить парик и далее?

Фернан внимательно осмотрел компанию и спокойно сказал:

— Я бы предпочёл, чтобы вы решили эту проблему сами. До свидания.

И ушёл.

Мартина посмотрела ему вслед и решила: «Он прав. Мы это заварили — нам и решать, что делать дальше!»

А ребята дождались стражника с вахты, который взял ключ от новой комнаты для Синд, и пошли вместе с ним. Комнатушка оказалась и в самом деле крошечной. Но Мартина радостно улыбнулась, представив, как обрадуется Синд, когда поймёт, что комнатка отдельная! Пока ребята переставляли кровать, которая стояла «вверх тормашками», ближе к окну, а потом вытаскивали из шкафа матрас и подушки, Мартина быстро поставила котомку

Синд на стул, обувь на полочку. А когда кровать была водружена на определённое парнями место, девушка быстро перестелила её.

Вся компания встала на пороге комнаты и осмотрела её.

Заглянувший стражник одобрительно покачал головой и закрыл дверь.

— Идите спать. Скажете потом своей подруге, что ключ она может взять на вахте.

Компания высыпала на двор общежития.

— Поздно уже, — со вздохом заметил Александр. — Ну и вечерок у нас был.

— Пора по своим общежитиям, — сказал Рик. — Теперь за Синд можно не беспокоиться. Завтра сбегает к ней навестить.

Парни проводили Мартину до общежития боевых магов. И она постояла у окна в коридорчике-предбаннике при фойе, не заходя на свою вахту и выжидая, когда ребята исчезнут из вида. После чего тенью выскользнула из здания и, придерживаясь теневой же стороны, быстрыми перебежками добралась до университетской больницы.

У стены больницы она задрала голову. Второй этаж. Как проскочить мимо охраны? Магия не поможет: здесь все охранники из магов. Засекут сразу. Залезть на крышу и оттуда спуститься? А если окно закрыто?

Вздыхнув, Мартина поразмышляла: а может, ей и так разрешат войти в больницу? Без десанта на второй этаж? Ну, если попросить? Пожала плечами и решительно пошла ко входу. Поднявшись на освещённое крыльцо, она замедлила шаг. Нет. Она пришла слишком поздно для посещений. Если целителей не встретит прямо в холле, охрана не пропустит дальше входа.

И девушка вернулась к зданию с той стороны, где располагалась палата Синд. Светились лишь окна первого этажа — и то не все. И фонарей здесь было мало. Может, поэтому Мартина не сразу заметила, что нужное окно не просто темнеет из-за потушенного света, но чернеет самым настоящим провалом открытых рам. А когда дошло, что это значит, девушка подбежала близко к стене.

Вовремя. Классически скрученная и перевязанная узлами простыня вывалилась из открытого окна.

— Синд! — радостно зашипела Мартина. — Я здесь! Спускайся! Подхватчу!

Смутный силуэт показался в оконном проёме. Замер.

Решив, что девушка не расслышала, Мартина огляделась и снова зашипела:

— Синд, это Мартина! Спускайся!

Кажется, фигура на подоконнике кивнула. Но в любом случае вскоре с карниза свесились ноги, а потом фигура в смутно белом сначала медленно, а потом слишком быстро съехала вниз. Мартина сообразила сразу: руки у Синд ещё слабые! Подскочила к простынному жгуту и успела поймать девушку, помочь встать на ноги.

— Зачем сбегашь?

— Мне тут плохо, — прошептала в ответ Синд. — Поможешь дойти до леса?

— Тебе же всякие мази наложили, — с недоумением сказала Мартина, разглядывая на ней белую больничную рубашку и того же цвета штаны. — Тебя здесь лечат!

— Мартина, среди трав я быстрее излечусь — правда-правда! Только помоги мне дойти до леса. Там одна полянка есть. Отведёшь меня и иди в общежитие спать.

— Ага, обрадовалась — в общежитие, — проворчала Мартина, подставляя девушке своё плечо. — Посижу рядом с тобой до утра. Тебе теперь домой, к сёстрам, возвращаться нельзя. Когда в себя придёшь — всё расскажу, а то пойдёшь ещё по привычке к ним. Синд, ты не

представляешь, сколько всего сегодня было!

— А как я оказалась в больнице? — слабо спросила Синд.

— Тебя нашёл в лесу принц Норман.

— Что...

— Точно-точно! Он вместе с друзьями нашёл тебя и принёс в больницу. Только учти: он всё ещё думает, что ты парень. Он нам так и сказал — ваш травник... Синд, да ты не бойся опираться на меня — я сильная.

— Я — тоже, — выдохнула Синд.

— Долго ещё до твоей поляны?

— Нам надо свернуть с тропы и пройти во-он туда. Эту поляну какой-то травник спрятал от других за защитой. А я нашла её, увидела сверху, с обрыва. Если что-то почувствуешь — не пускает, скажи. Это и есть защита.

Когда они добрались до поляны, Мартина недоумённо огляделась. Полная луна ярко освещала этот участок леса. То, что Синд назвала поляной, оказалось уголком и впрямь свободным от деревьев, но трава здесь была — с головой укрывала!

Синд объяснила, что надо сделать, и Мартина пригнула волну трав, на которую Синд и легла. Постояв рядом, Мартина вынула меч и, усмехаясь самой себе: это Синд хорошо в лесу, а ей, боевому магу, подавай открытые местности! — села рядом, насторожённо прислушиваясь к лесным шорохам и шелесту. Некоторое время она боялась, что Синд замёрзнет, съёжится от холода: всё-таки не солнечный день, — но девушка как легла, так и не шевелилась. И Мартина опёрлась на густую стену трав за спиной и минуты всё ещё боролась со сном... Но в этом месте, может, благодаря магической защите, было тихо и спокойно. И странное тепло поднималось от земли, которое и усыпило бдительность будущего боевого мага. Скоро обе девушки спали: одна — лёжа на травах, которые исподволь и незаметно исцеляли её; другая — держась за меч, полулёжа на травах, мягко державших её...

...Норман, прежде чем заснуть, долго ворочался на постели, то сбрасывая одеяло, то снова накрываясь им. Наконец не выдержал, встал и открыл окно. Свежий воздух обвеял его разгорячённое лицо, и он опёрся на подоконник, глядя на лунную ночь и не видя её... Единственный вопрос сейчас очень раздражал его: почему до второй лекции у первого курса должно пройти ещё целых три дня? И вообще... Почему важную лекцию по истории Архипелага читают в университете всего два раза в неделю?

Обе проснулись очень рано. Как-то так получилось, что вместе открыли глаза и вместе же засмеялись: спали-то, приткнувшись друг к дружке, чуть не утонув в упругой и ароматной копне трав. Это утренняя прохлада заставила искать тепла. А проснулись, потому что над ними радостно голосила какая-то счастливая птаха, хотя солнце ещё бродило где-то и лесные тени были глубоко тёмные-зелёные, почти чёрные.

— Как ты? — спросила Мартина, глядя на бледное лицо подруги.

Синд осторожно села и, прислушиваясь к себе, пожалала плечами.

— Как будто выздоравливаю после болезни. — И потрогала разбитую вчера губу. Под пальцами вчерашней царапины не чувствуется, правда, опухлость всё ещё ощущается. — Мартина, а как я выгляжу?

— Как выздоравливающая, но на паре, если пойдёшь, всё можно свалить на бессонную ночь. Ну, румяна-то для тебя нетрудно будет достать, а если что, не забудь про иллюзорную маску — на один час хватит, потом снова наложишь, — сказала подруга и фыркнула, после чего с огромным любопытством спросила: — А за что они тебя вчера? Так сильно! А ещё, Синд... Мы не опоздаем?

Синд плавно провела по травам рукой, прислушалась и сказала:

— Первая пара в половине девятого. Сейчас полпятого.

— Что?! — ужаснулась Мартина и снова засмеялась. — Я ещё никогда так рано не просыпалась! Ну и ну! А ведь выпалась...

— А у травников самое время для сбора некоторых трав, — задумчиво сказал Синд и пригладила взлохмаченные волосы, а Мартина сняла с её белых прядей застрявшие травинки. — Вчера, пока меня не было, приходил баронет Вустер, чтобы сделать мне официальное предложение. В общезитии его встретила Ивет. За это.

— Поня-атно, — протянула Мартина. И с новым любопытством спросила: — А это кто? Ну, баронет Вустер? Какой он из себя?

— Ты его видела, когда приходила с Александром. Полный такой юноша.

Мартина озадаченно поморгала, глядя на спокойную Синд, и расхохоталась.

— Синд! Ты неподражаема! Полный юноша! И это про того толстяка?! Да на нём слой жира, как желе, трясутся!.. — Снова задумалась и снова пожалала плечами: — Ты прости, Синд, но мы с Александром видели, как он тебя тогда унижал. С чего это он тебя замуж?

— Вот именно, что ты была не одна, а с Александром, — вздохнула девушка. — Вустер решил, что у меня знакомства в высшем свете, а значит, такая жена ему подойдёт.

— А... ты бы вышла за него?

— Нет, конечно! Сама? Никогда! Да и мачеха никогда не разрешит, — Синд даже удивилась, и Мартина заметно успокоилась. — Теперь ты, Мартина. Что произошло вчера?

— Вчера произошло страшное стихийное бедствие для твоих сестёр, — торжественно провозгласила Мартина. — У него имеется красивое имя — Фернан. Но, прежде чем я расскажу про него... Тебе не кажется, что сначала было бы здорово сообразить, как тебе быть дальше? Может, мы пойдём к опушке, а я по дороге всё расскажу? А там уже тебе легче будет решать, куда идти: в больницу или в новую комнату.

— Ты права, — сказала Синд, обеспокоенно глядя на больничную одежду. — Я и так запачкала зеленую штаны, а ведь они белого цвета.

Встав, они отряхнулись и неспешно зашагали к опушке. Повела Синд: она знала этот лес как свои пять пальцев и пообещала вывести подругу прямо к кампусу. Так что, пока шли до нужного места, Мартина успела рассказать всё. А когда между деревьями показались здания общежитий, она спросила:

— Что будешь делать?

— Не знаю... — со вздохом сказала девушка, приглядываясь к дворам кампуса, полутреннему пустынным. — Столько проблем... С главной проблемой туго — придётся дожидаться, пока не приедет мачеха. А вот с мелкими разобраться бы надо. Во-первых, как мне дойти до общежития в этой одежке и пустят ли меня в общежитие в таком виде? Во-вторых, парика у меня нет. Точней, он есть, но в таком состоянии... Если его уже не выкинули. Иллюзию постоянно поддерживать тоже не смогу: на неё нужен концентрат внимания и сил, а часто отвлекаться на неё — себе дороже, особенно на лабораторных работах. Ой, я ведь обещала сегодня привести нашу группу на поляну...

— Но в первую очередь — одежда, — задумчиво сказала Мартина, глядя на сонные даже отсюда общежития. — Твоя осталась в больнице? Прости, но, когда я забирала твои вещи, я поняла, что у тебя одежды — раз-два и обчёлся.

Синд не стала возражать, только тихонько вздохнула. И тогда Мартина насупилась.

— Синд, прости.

— За что?

— Есть и моя вина в том, что тебя... обе сестры... — Мартина виновато покосилась на подругу. — Я у этой Лунет твою стипендию отобрала!

— Что?!

— Синд, давай так: я сейчас сбегая к себе, принесу жакет, чтобы тебе можно было дойти до общежития. Ты берёшь ключ и идёшь в свою новую комнату. А я бегу в больницу, чтобы предупредить, куда ты пропала. В общем, решаем проблемы по очереди. Ну что? Подождёшь меня?

— Конечно, — беспомощно глядя на подругу, отозвалась Синд.

— Пока меня ждёшь, подумай вот о чём: будешь ли ты для его высочества травницей или останешься травником. Подожди! — подняла она руку, едва Синд хотела возразить. — Это и впрямь надо решать именно сейчас. Иначе ты не сможешь ходить с нами, в компании. А как ты собираешься сдавать принцу экзамен? Осталось всего несколько месяцев, семестр — ещё немного и закончится сессией. Надо решать это быстро ещё и по той причине, что всё это может здорово запутаться. Ты разозлишь принца. А на экзамене предубеждённый преподаватель — сама понимаешь, что такое. Ну, я побежала!

Синд глядела вслед Мартине, быстро уносящейся от леса, и улыбка медленно исчезала, преобразуясь в горечь. Тяжело, когда приходится складывать губы определённым образом и насильно заставляя их изображать улыбку...

Из сумбурного рассказа подруги девушка пока вычленила два события: приезжает мачеха — и она, Синд, будет виноватой в том, что произошло... Земля под ногами покачнулась, пришлось сесть на землю...

Есть и хорошее. У неё теперь, если верить Мартине, будет собственная комната, а значит, можно будет наконец-то приносить в неё травы, сушить их, составлять сборы... А в это время... Синд с трудом заставила себя не разреветься. Нельзя. И потому что нос будет болеть, и потому что она, Синд, должна быть сильной. Она переживёт унижение, которому подвергнет её мачеха. Может, даже издевательства. Надо перетерпеть. Надо пережить. Лишь

бы остаться учиться здесь.

Травы словно поняли... Даже несчастный нос, всё ещё по ощущениям опухший, уловил волну запахов, пряных и сладких, горчащих, но ласкающих даже подпорченное обоняние. Синд прерывисто вздохнула и огляделась. А потом — повернула голову, а прямо перед тем же многострадальным носом — ромашка. Синд осторожно сняла раскрытую корзинку соцветия с выпуклым жёлтым холмиком серединки и бережно растёрла в ладонях. Вдохнула раз, другой... Сложно успокоиться сразу. Алхимикам легче: они готовят снадобья, которые угнетают... Но резкая ромашковая горечь всё же привела девушку в себя, а цветочные эфирные масла, кажется, чуть-чуть, но пробили заложенность разбитого носа. Синд машинально огляделась, машинально поднесла к носу ладонь с растёртой на ней ромашковой корзинкой — и замерла: перед нею покачивался жёсткий стебель календулы с ярко-оранжевым цветом. Странно: самая опушка, а травники не заметили?

Когда через полчаса Мартина вернулась, она засвистела от удивления: подруга бродила вокруг целой кучи травных и цветочных охапок, собирая ещё какой-то изысканный букет из длинных жёстких стеблей невзрачных белых и едва жёлтых цветов.

— Что это?

— Это тысячелистник, а это — зверобой.

— Нет, я поняла. Эти травы я знаю, но зачем они тебе? Никогда раньше я не видела тебя собирающей травы!

— Потому что мне некуда было собирать, — объяснила Синд. — Теперь, когда у меня есть своя комната, я собираюсь быть жадной-прежадной! — И засияла от счастья.

— Ну вот, а ты боялась идти к общежитию! — следом засмеялась Мартина. — Держи! Это мой старенький жакет, не бойся, если с ним что-то случится. В кармане, закрытом на пуговку, твоя стипендия. Купи себе обувь. А потом...

— Ты думаешь, что я здесь останусь? — с тревогой спросила Синд. Она натянула жакет и быстро засучила низ штанин. — После всего, что случилось?

— Синд, — кряхтя под грузом поднятых «веников», ответила Мартина, — не думай обо всём этом. Живи! И радуйся, когда случается что-то хорошее. Дерись, когда есть возможность. Спротивляйся, когда идут наперекор, но есть силы. Обращайся к друзьям, если не справляешься сама!

— Если бы всё было так просто, — вздохнула девушка, взваливая на плечо целую копну оставшихся «веников». И перехватила пронизательный взгляд Мартины. — Ты что?

— Знаешь, Синд, я пришла к выводу, что мне надо спасти тебя от разбойников, от похитителей, от пиратов, от страшной нечисти одного из островов Архипелага, потом от баронета Вустера, потом ещё раз напугать твоих сестёр, чтобы потом ты мне из благодарности рассказала, что же там у тебя такое непростое, что приходится подчиняться этим дурам! — Последнее Мартина произнесла угрожающе.

— Прости, Мартина, — еле слышно проговорила Синд. — Но лучше об этом никому не знать. Правда...

Даже травники всё ещё спали, когда они подошли к дверям общежития. Стражник, бывший при вчерашнем происшествии, узнал обеих и не только отдал ключ, но и помог девушкам донести собранные травы до комнаты. Открыв им дверь и оставив свою охапку прямо на столе, он попрощался и вышел. А Синд, приоткрыв рот, недоверчиво оглядела комнатку и всплеснула руками.

— Неужели это моя комната?!

— Да, теперь я понимаю, что такое комната травников, — пробормотала Мартина, только сейчас отмечая крючья по всем стенам и на потолках, а также полки для сушёных трав. — Слушай, а почему твоих сестёр поместили в общежитие для травников?

— Травников к старшему курсу остаётся очень мало. Из богатых семей сюда посылают мало. А в семьях среднего достатка родители не ждут, пока дети закончат полный курс. Для хорошего знания трав достаточно и первых трёх. Пятый и шестой курсы — это травничество сложное, уже близкое к алхимии. Оно настолько сложное, что даже те, кто хочет обучиться ему, не выдерживают. Поэтому в постепенно пустеющее общежитие и подселяют магов с общим магическим образованием.

Объясняя, Синд чуть не летала по комнатке, развешивая собранную добычу, время от времени взглядывая на Мартину, которая с улыбкой следила за ней. Синд понимала, что значит эта улыбка: подруга считает, что она, Синд, ожила!

— Ладно, ты тут обживайся, а я побежала к себе, — напомнила Мартина. — Скоро на первую пару, а я ещё не переделалась со вчерашнего. Да, я по дороге забежала в больницу, предупредила целителей насчёт тебя. Они велели передать тебе освобождение от занятий. Держи. И вот твои вещи из палаты. Я их сложила в пакет. Всё, я побежала.

Тихонько хлопнула дверь. Взглянув на старенькие настенные часы, оставшиеся, наверное, от последнего жильца, девушка взяла пакет Мартины. Выложив из него вещи, она невольно улыбнулась: где успела подруга раздобыть пачку печенья и бутылочку молока? С жадностью уплетая угощение, Синд чуть не засмеялась, представив, как подруга с мечом в руках отвоёвывает у кого-нибудь эти продукты. Чуть не давась с голоду, она доела печенье и запила его молоком. Пока ела, постоянно смотрела на часы. На часовую стрелку... Странное впечатление: думать о сёстрах, которые сидят несколькими этажами ниже и не смеют выйти, потому что... наказаны.

Поймав на язык последние капли молока из бутылочки, Синд глубоко вздохнула, глядя на пальцы слегка поднятой руки. Пальцы тряслись крупной дрожью. А девушка вспоминала слова крёстной: «Если будет совсем худо, ты знаешь, как совладать с собой». Повторяя эти слова, как заклинание, Синд смотрела, как твердеют пальцы.

Уже более спокойная, она выпотрошила пакет, вывалив на стол вещи, принесённые Мартиной из больницы. Рваная рубашка. Удастся ли зашить эти дыры от ворота донизу? Пуговиц не хватает — отлетели, да там и остались. Штаны ещё крепкие. Обувь... Стипендию Синд тратить не собиралась, пока не приедет мачеха.

Жаль, нельзя принести в комнату те вещи, которые она спрятала на опушке.

Когда они бывали на Тартаре, Синд всегда держалась второй. Позади кого-нибудь Если была возможность. Ведь в компании считалось, что она всего лишь травница. Несмотря ни на что. «Название, имя, определение, — учила крёстная, — многое значит в жизни. Если человек что-то назвал однажды каким-то именем, его трудно переубедить, что это имя — ложь!». Крёстная права. Принц решил, что Синд — мальчишка, и не узнал в мальчишке девушку-травницу, которая всего лишь надела парик и немного покрасила губы. Впрочем, что Норману до неё, а ей — до самоуверенного принца?

Снова взгляд на часы. Ещё минуты — даже не раздумий, а построения цепочки необходимых действий. После чего, как на автомате, быстро переделалась. Больничную одежду Синд аккуратно сложила на стуле, а сама влезла в привычные штаны, полочки рубахи связала узлом на груди — получилось что-то вроде болеро. Мысленно проверила себя. Да, болит. Но не настолько чтобы все три свободных дня отсиживаться в комнате.

Ничего, она успеет вернуться к часу, когда надо будет проводить свою группу на заветную полянку... Синд знала, что поступает безрассудно. Но чёрное распирало её изнутри, и его надо было выплеснуть. А утешение ждёт только в одном месте. И достаточно бросить на это место один взгляд, чтобы вытерпеть всё на свете.

Не забыть написать записку и оставить её на столе.

Дверь в комнату она не закрыла. Кому нужны травы и лохмотья, которым грош цена? Учебники тоже есть у всех — в здешней же библиотеке взяты...

Теперь в окно стало выпрыгивать легче.

Знакомые кусты приняли её сразу. Оглядевшись и убедившись, что никто из травников пока не появлялся во дворе, девушка быстро перебежала каменную мостовую и прыгнула в кусты. В обычное время она бы соблазнила друзей на новое путешествие, но друзья не должны знать, что существует другая Синд. Не покорная овца. Не друг и приятель. Нет, существует именно другая.

Быстро пройдя кустарники, она вышла на еле видимую в тени вековых дубов тропку, сделала два шага по ней, а затем тщательно отсчитала семь шагов влево. И очутилась перед кустом бересклета. Удлиненные зелёные листья не очень интересовали травников, в основном работающих с лекарственными растениями, а что уж говорить об изящных ягодках предостерегающе красного цвета под ядовито-розовыми «ладошками», которые травники за семь вёрст обходят... Вот под таким кустом Синд и спрятала то небольшое, что сумела утаить от мачехи, когда приехала на Студенческий архипелаг. Девушка встала на колени и вынула из травы под кустом свёрток. Быстрее, быстрее...

Уже опоясанная ремнями с оружием, хорошо пригнанными к её фигуре, — не учебными, а её собственными, Синд вытянула руку с мечом — подростковым, но для её руки удобным и сделанным когда-то отцом. Отцовский кинжал мизерикордия, фамильный, — вытянула в другую сторону. Замерла, прислушиваясь. Достаточно здорова для задуманного безумия. Фыркнула, когда поняла значение внутренней фразы.

Она устала. Устала притворяться. Устала быть той, кем её заставили быть. Если сейчас есть время стать на мгновения другой, а заодно проверить кое-что, что ей дорого, она использует это время!

До берега недалеко. До того обрыва, уже не однажды в одиночку опробованного, — тоже. Синд добежала до места быстро, не чувствуя ни боли в быстро уставших ногах, ни измученного движением тела. Адреналин кипел и не давал прочувствовать остаточную боль от недавнего избиения. Под одинокой сосной девушка подняла сук, обровняла его ножом, как короткий дротик. Взглянула на воду, кипящую страшным белым прибоем почти под ногами, и засмеялась. «Вот что меня излечит лучше всяких больниц! Ещё и вернуться успею!» Нашептала пару заклинаний и метнула заострённый сук далеко в воду. И прыгнула следом.

...На Студенческом архипелаге все маги. Даже те, кто без диплома.

Первым во сне вздрогнул Александр. Узы дружбы заставили золотистого дракона почувствовать тревогу сильно и отчётливо.

Потом застонал во сне Рик и нечаянно таким образом разбудил Бреки.

Мартина, которая мучилась без сна, хотя отчаянно желала поспать хотя бы час перед занятиями, внезапно подняла голову с подушки. Ей послышался странный зов.

...Норману не спалось. Он посчитал, что ночь слишком душная, а утро занудное. И сбросить напряжение можно только одним способом — устроить утреннюю пробежку по

берегу моря, где будет обдуть прохладным и свежим ветерком с моря, где неумолчный и бесконечный ропот прибоя будет успокаивать нервы — хотя какие нервы могут быть, если просто ночь бессонная?

Поздним вечером, когда уходивший «проконтролировать» Фернан вернулся и доложил, что всё в порядке и можно не беспокоиться, Эймери скептически сказал:

— Да она умрёт от счастья, если ты предложишь ей стать твоей девушкой!

— Вы о ком? — спросил Фернан, который попал в середину разговора.

— Да о той девчонке-травнице! — пренебрежительно сказал Эймери. — Норман сомневается, знакомиться ли с ней. Нашёл в чём сомневаться, Норман!.. Ладно бы ты выбрал какую-нибудь с гонором!.. А то — еле заметная тихоня. Такая и стука в дверь побоится! Тихая — тихая и есть.

— Ну, в тихом омуте, бывает, и черти водятся, — негромко заметил Фернан, чуть рассеянно улыбаясь Эймери.

— Ну вас, — проворчал принц. — Будете мне ещё в таком деле советы давать... Лучше поговорим об организации бала в честь посвящения в студенты.

— О, прекрасный повод познакомиться с дамой поближе! — ухмыльнулся Эймери.

— Кто о чём, а пьяница о бутылке! — сердито сказал Норман и шутливо замахнулся на друга, который иной раз раздражал его немилосердно.

— Вот! — патетически провозгласил Эймери. — Нет, вы посмотрите, до чего он дошёл! Замахнуться на меня?! — И, доверительно заглядывая в глаза, спросил: — Слушай, Норман, а может, подерёмся?.. Без оружия, на кулаках, а?

Подраться не удалось — вызвали в главный корпус. И Норман даже пожалел, что не согласился на драку, пока сам Эймери предлагал... Может, спалось бы легче...

...Берег был ровный вплоть до косы, над которой высился скальный обрыв. И здесь-то принц, совершавший традиционную утреннюю пробежку, внезапно застыл, едва не споткнувшись. С края обрыва взлетела в воздух, а затем вонзилась в волны маленькая, отсюда плохо различимая фигурка.

Когда фигурка врезалась в воду и пропала из виду, Норман выругался: скала была известна среди студенческой молодёжи как скала Слёз. Правда, давно это было. Старая история о двух романтических влюблённых, которых злые, несправедливо — конечно же! — родители лишили возможности всегда быть вместе и которые в порыве страсти решились остаться вместе навсегда, взявшись за руки и спрыгнув в бушующий прибой. Неужели о том, что эта скала — место безнадёжно влюблённых, до сих пор помнит кто-то ещё?! Неужели кто-то из современных студентов решился повторить, правда в одиночку, глупый протест против безжалостных родителей?!

Норман зарычал и бросился к берегу, стараясь рассмотреть, нет ли где тела и куда его, возможно, отнесло. Может, удастся спасти того дурачка или дурочку?!

Ближе к скале вздымалась каменная осыпь. Норман быстро проскочил гравийную мелочь и по валунам взобрался на самый верх. Взгляд на каёмку волн у берега. Чисто. Неясное ощущение заставило оглянуться на само море. На языке завертелось проклятие, вызывающее демонов. Белая голова отчётливо виднелась в серых волнах. Так же, как и неровная, быстро исчезающая линия, довольно очевидно указывающая направление пловца, сильными гребками идущего вперёд. Снова Тартар! Пацан не наигрался?!

Быстро спустившись, Норман сбросил спортивные туфли и помчался к воде, продолжая чертыхаться про себя и вслух. И вслух, хоть и с руганью, но восхищаясь сильным движением

ненормального травника по воде. Мальчишке — что, мало было, что его вчера до бессознательного состояния отлупили?! Или он так «красиво» хочет отомстить своей смертью тем, кто его избил? Типа, «поплачете вы у меня, пожалеете о том, что сделали»!

Нет, что-то здесь не вяжется...

Но, прыгнув в воду, Норман заставил себя думать уже не о том, почему белоголовый (безголовый, блин! Теперь Норман понимал Эймери, к месту и не к месту использующего это короткое, но ёмкое слово, не несущее никакой не то что магической, но и любой другой окраски, кроме эмоциональной!) травник на всех парах мчится куда не надо. Теперь принц думал только о том, что плывёт на Тартар безоружный. Последнее, правда, его мало смущало. Тартар — он и есть Тартар. С древних времён на нём битв было много. Найти оружие, пусть и старое, а то и старинное — не проблема. Норман сейчас вспоминал, в каких местах ближе к берегу он сможет найти хотя бы колющее или режущее оружие. А заодно прикидывал, чем может на первых порах заменить это оружие. И готовил те заклинания против нечисти, которые сможет наполнить силой, используя те немногие артефакты, которые при себе...

Знать бы заранее... На пробежку, блин, вышел! Пара колец, три браслета, кулон на цепочке, нож в ножнах на ремне... Ох, добраться бы до беглеца! Да добраться быстрее, чем нечисть... И намылить строптивому пацану голову так, чтобы той головы потом долго не отмыть... Выкинуть из университета! Пожалел, блин, на свою голову!

Боковым зрением уловил нечто чужеродное на безграничных в своей повторяемости одинаковых серых волнах. Бревно? Нет, слишком тонкое сбоку и прямое поверху, а мотается в волнах чуть не легкомысленно. Норман свернул с пути и подплыл к предмету. Доска. Сойдёт. Ухватившись за её более широкий конец, принц стремительно выкрикнул заклинание — и доска рванула вперёд, подобно разъярённой акуле. Держаться приходилось крепко: слетишь — доска не остановится. Но расслаблять руки Норман не собирался. Он собирался быть на берегу Тартара если не одновременно с травником-самоубийцей, то почти следом за ним. И не дать мальчишке перейти в разряд мертвецов.

...Фернан сидел на той самой скамье, на которой они вдвоём сидели вчера вечером рядом с бочкой Нормана. Эймери пытался рассуждать здраво, но получалось что-то нелепое.

— Он побежал. Но почему? Что-то увидел? А если нечисть с островных полигонов прорвалась? Нет, только позавчера оттуда вернулись охотники. Странно. Почему он нас не предупредил?

— Причина может быть только одна: Норману было некогда.

— Некогда? Предупредить нас? — поразился Эймери. — Не верю, чтобы такое могло быть! Не верю! А если он решил...

— Лорд Ферна-ан!!

— О, вчерашние детки, — прокомментировал Эймери, недовольный тем, что его перебили. Но, тем не менее, встающий со скамьи тоже обеспокоенным.

— У нас катер! — крикнул, не добежав, золотистый дракон. — Быстрее!

— О чём это он?.. — начал, поворачиваясь к другу, Эймери. И не поверил глазам: Фернана уже не было на месте. Он кинулся навстречу четвёрке ребят, а те затормаживали и тоже разворачивались.

Здраво рассудив, что всё равно рано или поздно узнает, что происходит, Эймери стартанул с места, сдержанно хваля себя за ежедневные пробежки в полной экипировке. Сейчас, будучи в лёгком вооружении, бежал он стремительно, так что вскоре догнал и

Фернана, и ребят.

Синд немного отнесло от привычного места на берегу, с которого она обычно делала первый шаг на остров. Волна, шедшая вокруг Тартара, была слишком сильна для девушки и для заговоренного ею «двигающегося спасательного круга» в лице соснового сучка. Деревяшка — на силе девичьих артефактов, конечно, волне сопротивлялась, как могла. Но вода — слишком огромная мощь для такого мелкого предмета, так что Синд вышла на берег с неудобного места. Там, где она раньше высаживалась сама или с ребятами с катера Александра, был плотный песок, на границе переходящий в мощённую булыжником дорогу, а здесь — сплошная тина, откуда приходилось с трудом тащить ноги.

Но Синд была настроена по-боевому. На сухое место она встала, уже держа в руках кинжал «милосердия» и свой детский меч. Последнее — несмотря на детскость по виду, довольно серьёзное оружие, если учесть толику магии, вложенную в него на силу и меткость удара. Кроме всего прочего, прежде чем взяться за оружие, ещё тяжело шагая по тине по пояс (внизу тина была гуще — сверху её уже разносило течением), она успела провести ладонями по лицу, чтобы снова «надеть растительную маску» на глаза. А на берегу, прополоскав в лужицах ноги, тяжёлые от тины, и буркнув простейшее заклинание, провела ладонями по бокам и бёдрам, высушив одежду. Теперь, насупившись, сощуренными глазами оглядела видимую ей местность, на которой так отлично в прошлый раз с ребятами «пошумели» бы, не будь здесь же принца с его друзьями.

Кроме того что Синд собиралась немного поразмяться, она, усмехаясь в душе, подумывала найти здесь парочку вещей — например, обувь. Или материал для неё. Судя по кромке берега, сюда, на остров, выбрасывало немало мусора. Если на студенческом острове девушка постеснялась бы мастерить из найденных ботинок что-то себе на ноги, то остров был богат на выброшенные предметы — сокровища для Синд.

Осторожно ставя босые ноги в подсохшие части илистого берега, девушка старательно прислушивалась и приглядывалась. До каменистой дороги, которая ещё в первое появление Синд удивила тем, что та пропадала в море, оставалось несколько шагов, когда за спиной что-то тяжело и влажно шмякнулось. Застыв от неожиданности, Синд резко обернулась. Ничего.

Постояв неподвижно и мысленно перечитав список нечисти Тартара, Синд быстро прошагала последние метры к дороге и тут же обернулась на следующий шлепок. Крепко сжимая меч и кинжал, она уже насторожённо следила, как чёрная илистая земля будто выплёвывает из себя смачные комья ила. Сначала редко. Затем «плевики» начали выскакивать довольно часто...

Синд воинственно шмыгнула носом и побежала по дороге к городу.

Этих — она не боялась. Големы. Встретилась с ними ещё в первое своё появление здесь. Знала, как с ними драться, чтобы они стали уязвимыми, чтобы рассыпались в прах. И знала: главное — не допускать их скопления вокруг себя, иначе — сомнут. Весом той грязи, из которой появляются.

Даже не приглядываясь, проскочила в знакомый переулок и сразу рванула к прибрежной улице. Первая важная вещь, которую она должна сделать на Тартаре, — посмотреть на одно здание, целёхонько ли оно. Нет, Синд прекрасно знала, что оно крепкое, но внутренняя тревога всегда гнала к нему посмотреть своими глазами, всё ли в порядке, и

успокоиться.

Побежала по улице. Первый дом, второй — из переулка между ними что-то метнулось, но уже за спиной бегущей. Третий! Жив и здоров домина! Остановилась отдышаться — и подпрыгнула на месте.

Лёгкий, вкрадчивый цокоток по каменистой дороге... Как будто стадо изящных козочек старинного города спокойно двигается к пастбищу, подгоняемое беспечным мальчишкой-козопасом... Не спуская глаз с длинных тощих тел, пока ещё почти прозрачных и неспешно приближающихся к ней, Синд боковым зрением напомнила себе, что стоит перед довольно длинным домом, а на противоположной стороне дороги — длинный каменный забор. Он, конечно, полуразрушен временем и войнами, но, чтобы забраться на него, это ещё надо подумать хорошенько. Расстояние до длинных тел позволило сделать это — подумать. И даже рассмотреть пару вариантов для побега через эту стену. И напомнить себе, что окружить её могут только с двух сторон. Синд присела на полусогнутых и ждала. Главное правило, преподанное отцом: только дурак мчится на превосходящего численностью врага. Умный выжидает. А в лучшем случае — бежит с места возможной драки. Последнего девушка не совсем понимала. Но принимала, зная, что ещё «маленькая» и что к житейской мудрости взрослых лучше прислушиваться.

... Доска врезалась в камень дороги на такой скорости, что с треском раскололась, взметнув в воздух несколько неровных веерных струй. Норман сам чуть не врезался носом в берег, не сообразив, что берег — вот он уже. Сыграла своё обманка, когда берег с поверхности воды кажется слишком далёким. Проехался животом по камням и быстро вскочил. Где травник? И сам себе усмехнулся. Травник травником, но расколота доска уже в руках, и воин, которого в Нормане воспитывали с раннего детства, уже вертит её, примериваясь, как использовать остатки плавсредства для потенциального боя.

А бой, кажется, предстоит вот-вот. Големы поднимались слева — хоть и медленно, но неумолимо одеваясь в грязевую «плоть». Почти человеческие фигуры, только плотные, раздутые, словно набитые грязью влажные мешки, и даже на первый взгляд тяжеленные, поднимались с колен, порыкивая и тянясь в сторону второго живого человека, появившегося на острове. Ходить пока не могли: ноги появлялись в последнюю очередь.

Пора бежать в город — искать там хоть какое оружие. Пусть это будет ещё одна доска, или на худой конец — кол, или... Норман прокрутил в уме знакомые места на Тартаре и ухмыльнулся. Он знает, какое оружие и где его искать! Мальчишка-травник наверняка побежал на ту же улицу, потому что та ему знакома. Что за бедовая голова?! А может, он дурачок блажененький? Но в первую встречу травник вёл себя довольно умно для малолетнего. Впрочем, какое малолетнее... Если взяли на первый курс — значит, как минимум, шестнадцать есть.

Размышляя таким образом и цепко приглядываясь к окружающему пространству, Норман бежал по дороге, как на пробежке, не торопясь. Поэтому сразу заметил, как из переулка между домами потянулись тощие тени — пока ещё прозрачные, но уже издающие характерный цокот. Козлоноги. Растут из камней, потому-то в первую очередь слышен стукоток копытцев, которых в бою надо опасаться, да ещё как! Его они пока не видят — их интересует первый живой, ворвавшийся в царство мёртвых и духов. Здесь, на Тартаре, даже птицы не селятся: живая плоть востребована всеми духами, явились ли они из самой земли, или из какого другого магического материала.

Норман, ближе к вытекающей из переулка цепочке козлоногов, отступил к зданиям с

теневой стороны, где его пока различить не могли. Знал, что его скоро обнаружат. Два варианта: обнаружат, когда услышат за собой порывивание грузно идущих по его следу големов, или — когда он сам покажется в их поле зрения. Где же травник?

Чуть не споткнулся, когда понял, что пробежал что-то нужное. Но что? Постоял, прислушиваясь к самому себе, и лишь затем обернулся. Ухмылка появилась против его воли. С балкончика второго этажа свисала цепь. Ничуть не сомневаясь, Норман вернулся к пройденному было балкону, положил на мостовую острый обломок доски и подпрыгнул. Веса его тела цепь не выдержала. Судя по ощущениям в ладонях, она была закреплена где-то в стене, и под весом тяжёлого тела вырвалась из старого крепления. Принц встряхнул её. Метра два с половиной. Неплохо. Прикинул вес по руке. Пропустил сквозь тело покрытого ржавчиной, но до сих пор хорошего металла поток силы, заставивший цепь на дневном свету чуть блеснуть бело-голубыми огоньками. Намотал половину длины на руку и нагнулся, не спуская глаз с дороги, за деревяшкой. К бою готов.

...Они столкнулись спинами, когда Синд пришлось обороняться сразу против двух стай козлоногов. Девушка, только что заставившая отпрянуть козлоногов из тех, что не спеша обошли её по обочинам дороги, от столкновения подпрыгнула с вскриком и едва не ударила мечом невольного напарника.

— Полегче! — крикнул Норман, увёртываясь от её оружия. И ударил цепью, метнув её впереди себя. Рухнул один из големов, мгновенно испаряясь прямо в воздухе: магическая сила цепи отбирала ту псевдожизнь, которая оживляла грязь. — Парень, ты вообще рехнулся или выборочно?!

— Кому какое дело?! — сразу обозлилась Синд. — Вас не просили идти за мной!

— Мальчишка, ты дурачок?! — рявкнул принц. — Случись что с тобой — обвинять не тебя будут, а университет, что не предпринял мер безопасности!

— Ничего со мной не случится!

— Самоуверенный такой?! А сейчас — что? Это и называется — не случилось ничего?

— Даже не появись вы, мне нетрудно было бы сбежать от них! И вообще — вы слишком много болтаете! — в сердцах крикнула Синд, которой было трудно одновременно отбиваться от нечисти и отвечать принцу так, чтобы он не догадался: она не мальчишка.

Она услышала за спиной недовольный рык: принц рассердился на её замечание? Но и переживать по этому поводу было некогда. Девушка чуть не плясала на месте, пытаясь не подпускать к себе козлоногов, юрких и стремительных, едва они обрели плоть. И дело было не только в том, что они могли убить одним взмахом тонких рук, вооружённых кистями с длиннейшими пальцами, которые и пальцами не назовёшь — сплошные когти. Помимо страшных когтей козлоноги обладали способностью, не дотрагиваясь, а лишь подойдя на определённое расстояние к человеку, рвать с него магические силы, подпитываясь ими, как отличным блюдом.

Но теперь козлоногам мешал обходить девушку принц, сражавшийся с нею рядом. Она вздохнула легче и с новыми силами (какое счастье — знать, что спина защищена!) принялась рубить ту нечисть, что подступала спереди. А время от времени девушка успевала и оборачиваться, чтобы помочь Норману, который воевал с двумя видами нечисти. Слышались резкое шуршание и свист оружия, увесистые шлепки валяющихся на мостовую големов и тонкое шипение исчезающих в воздухе козлоногов.

— Кто тебя учил бою?

— Папа!

— Родовое имя?

Синд от неожиданности замедлила движение.

— Не скажу!

— Я ведь всё равно узнаю! По спискам! И что такого я спросил? Ты должен гордиться тем, что у тебя такой замечательный отец!

— Я горжусь! Я очень им горжусь!

Со злости, что не может ответить на простенький вопрос, она вывернулась из-за его спины и смазанным, плохо уловимым движением меча и кинжала ударила сначала одного голема, потом — второго. Получивший передышку Норман велел:

— Пригнись!

Девушка успела вовремя: цепь свистнула в полном круге над их головами, очерчивая свободное пространство, которое теперь, пусть и на короткое время, принадлежало только им двоим. Спиной же Синд учуяла, как принц быстро согнулся, делая выпад вперёд.

— Так почему же? Почему ты не хочешь говорить имя своего отца? — Синд сморщилась от отчаяния: «Ну нельзя, ну пойми ты, что нельзя! Ты сразу поймёшь, что я девушка!» Но тут Норман добавил, словно догадавшись: — Боишься — он узнает, как безрассудно ты пользуешься его уроками?

— Да! — с облегчением: он сам придумал подходящую причину! — выкрикнула Синд.

— Что ты собирался делать на Тартаре?

— Всё, что собирался, сделал! — И рубанула по твари, хотевшей броситься исподтишка, снизу, из-под тонких ног собратьев.

— Тогда возвращаемся к берегу? — уверенно спросил Норман.

— Да!

...Катер мчался к Тартару на всех парах, как бывало и раньше, когда компания в огромной тайне покидала главный остров Студенческого архипелага. За рулём на этот раз встал не Александр, а более опытный Фернан. Едва катер отплыл от причала, Эймери немедленно укрыл судно и его пассажиров покровом невидимости. После чего обратился к золотистому дракону, уже зная, что именно он хозяин катера:

— Оружие на борту есть?

— Есть. Что вы предпочитаете? — медлительно, как обычно, спросил Александр.

— Вопрос лучше обратить к Фернану, — раздражённо сказал Эймери. — У меня как раз-то оружие есть на тамошнюю нечисть. А вот Фернан почти безоружен.

— Лорд Фернан, — робко обратилась к тому Мартина. — Какое оружие вы хотите?

Тот вздохнул.

— Любое. Я владею всеми видами.

— Какого дьявола вашего дружка потянуло на Тартар? — продолжал бушевать Эймери. — Теперь ещё и за Нормана переживай!

— А что случилось? — снова спросила Мартина.

Парням, Рику и Бреки, тоже хотелось узнать об этом, но оба сидели тихо, как мыши, — лишь бы не попадать лишний раз на глаза столь высокородным людям. Поэтому они были благодарны за вопрос храброй Мартине. А Эймери заглянул в вопрошающие глаза воительницы, как-то сразу смягчился и ответил:

— Его высочество пропал. Мы видели его следы на берегу, где он совершает утреннюю пробежку. Судя по следам, он вдруг, ни с того ни с сего, побежал в воду, а затем пропал. Поплавать захотелось? Его высочество — чистюля. И после пробежки идёт сразу в душ. И

только потом может позволить себе поплавать.

Парни, маги-стихийники, переглянулись. Мартина их прекрасно поняла. Мда. Точно — чистюля. Море тёплое. После бега искупаться в нём — самое то. Сколько раз они так делали, когда отрывались по полной, набегавшись на Тартаре до крутого пота!

Ох, как же там Синд...

Как будто услышав её мысли, обернулся от руля лорд Фернан. Коротким и почти незаметным движением головы он пригласил её подойти ближе. То есть она понадеялась, что правильно поняла его движение. Эймери тем временем отошёл к борту катера, приглядываясь к приближающемуся острову.

— Есть предположение, — не глядя на девушку, бесстрастно сказал Фернан, — что принц увидел, как Синд плывёт в сторону острова.

Мартина похолодела. Если Синд будет виновата в смерти или в ранении принца... Ужас... Страшно даже подумать, что будет, если оба останутся живы. Первое инстинктивное её движение после этого предположения — пойти в каюту и найти дополнительное оружие к тому, что уже есть у неё самой.

— Вы разрешите вас сопровождать? — раздался рядом невыносимо изысканный голос.

— Пожалуйста, — ответила Мартина, чуть не присев в книксене перед Эймери.

А уже в каюте он чуть раздражённо сказал:

— Мартина, пока мы в боевом походе, не перейти ли нам на «ты»? Удобней в экстремальной ситуации. Учтите, я не покушаюсь на панибратское отношение к вам. Просто на войне как на войне.

— Согласна, лорд Эймери, — отчеканила Мартина, а когда он недовольно хмыкнул, поправилась, потупившись, чтобы скрыть лукавую улыбку: — Согласна, просто Эймери.

Как ни странно, светловолосый красавчик словно и не заметил её уточнения, а со вздохом облегчения принялся вместе с нею изучать имеющееся в каюте оружие. Некоторое время Мартина опасалась, что он начнёт расспрашивать её о Синд, что придётся врать высокопоставленному лицу, но Эймери вдруг заинтересовался, что сейчас изучают на первом курсе боевых магов. Объяснил, что интересно сравнить то, что было, с тем, что сегодня. С помощью его наводящих вопросов девушка принялась рассказывать о себе и своих сокурсниках, не очень-то замечая, что Эймери не столько вслушивается в её ответы, сколько наслаждается звучанием её голоса, а заодно и самой воительницей.

...- Волна големов редет! Минут десять будет форы, пока они снова не попрут толпой! — крикнул Норман. — Попробуем пробиться к берегу?

— Каким образом?

— Атакуем всех, а в паузу бежим!

Синд для себя перевела слова Нормана так: если живые пойдут во внезапную атаку, это заставит нечисть чуть отойти, раздаться в стороны. И тогда — бегство до берега! Но что потом? Если големы не последуют за живыми в воду, то козлоноги раздумывать не будут. Хуже, что появление разбуженной ими нечисти пробудит нечисть и другого рода и типа. И ещё неизвестно, не полезет ли новая за ними в воду, потому что в воде будет чувствовать себя комфортно?

Но мечущиеся перед нею фигуры козлоногов будто и не уменьшались в количестве, а руки начали уставать, и девушка решила:

— Когда начнём?

— Немедля!

И они обрушились на големов и козлоногов такой шквал ударов, что нечисть от неожиданности и в самом деле отступила. Принц схватил Синд за руку, разворачивая к себе и таща её за собой. И вскоре оба изо всех мчались по дороге, буквально снося с неё редких здесь козлоногов из переулка и в небольшом числе добравшихся сюда големов.

Когда Синд поняла, какая мысль только что промелькнула в её и впрямь бедовой голове, она чуть не расхохоталась в голос: она вознесла молитву Мартине! За то, что та принесла ей в новую комнату печенье и молоко! Бледненько бы сейчас выглядела она, Синд, без такой дружеской поддержки!

Сухая дорога под высоким уже солнцем выглядела обнадеживающе. Теперь даже мысли о том, что берег может стать для них двоих ловушкой, забылись. Синд неслась рядом, стараясь, чтобы Норман не тащил её, тратя собственные силы. И поражалась: он чуть не летит! Он-то, только что дравшийся от души! Вот это тренированный!

— А что потом? — задыхаясь, на бегу спросила она.

Он, не прекращая бега, ударил цепью в сторону, сбивая голема, с мычащим рыканьем направлявшегося к ним. И лишь затем ответил:

— У берега есть лодка! Сможем добраться до неё — спасены!

Она промолчала, не желая заранее радоваться. Всё-таки даже принц допустил, что они могут и не добраться до спасительной в их положении лодки.

Блеяние слева. Синд вскинула меч, чиркнула по ещё невидимой тени козлонога. Почувствовала его исчезновение. Но одобрительное хмыканье тащившего её Нормана будто наполнило её силой. Хоть сейчас она его не раздражает!

— А где эта лодка?!

— Слева от мощёной дороги в море! Там есть разбитая пристань!

Пошевелив мозгами после небольшого недоумения, почему она с ребятами лодки этой в глаза не видела, Синд сообразила: принц и его приятели оставили лодку защищённой от чужих глаз заклинаниями невидимости. Правильно сделали: знала бы девушка раньше о судёнышке, она бы всю использовала его и ездила бы на Тартар чаще.

— Почему босиком?

— Что? — не сразу поняла Синд. И рассердилась: какое ему дело?! — Так удобней! — «И потому что ты помешал найти на острове хоть что-нибудь», — сердито подумала она.

— Ноги поранишь!

— Я травник! — напомнила она.

— Проблемный ты какой-то травник, — кажется, себе под нос пробормотал Норман, метко отхлёстывая всех близко попавших под цепь козлоногов или големов.

Синд даже слегка обиделась, что он не даёт ей кого-нибудь сбить.

— Непроблемных людей не бывает! — огрызнулась она, смачно врезав по тяжёлому телу голема.

Принц, не оборачиваясь к ней, предупредил:

— Слишком глубоко не бей! Поймает!

— Знаю!

И почти обиделась: «Он со мной, как с маленькой!» Но пробежка следующих метров дороги освежила мозги и заставила думать, и Синд чуть не пожалала плечами: «Со стороны-то, наверное, мой побег и в самом деле выглядит как дурацкая детская шалость...» Ударила мечом по голове вильнувшего к ней козлонога и со внезапным сочувствием и острой виной заметила, что у Нормана кровоточит рука, в которой он держит цепь. Его всё-таки ранили!

Когти-то у козлоногов — как ножи с длиннейшими лезвиями, пропорют мгновенно, махом.

...Рик первым увидел:

— Они бегут к берегу!

— Кто — они?! — поразился Эймери.

— За ними големы и козлоноги! Мартина! — Оба брата уже стояли у борта, подпрыгивая немедленно очутиться рядом с беглецами.

— Здесь! Куда они?! Почему не по дороге?! — заволновалась девушка, вглядываясь в еле видимую парочку беглецов.

— Они нас не видят! — крикнул из рубки катера Фернан. — Если будем кричать — пробудим другую нечисть! Готовы к такому?!

— Конечно! — И Мартина набрала было воздуха орать изо всех сил, но её дёрнул за рукав куртки Рик.

— Не кричи! Я пошлю элементаря предупредить её!

— Не понял! — с огромным недоумением сказал Эймери, а четвёрка ребят в ужасе замерла, сообразив, что наделал Рик. — Кого это — её?!

— Гори всё синим пламенем!! — завопила Мартина при виде той толпы, которая торопилась за лёгкой добычей из двух живых. — Рик, посылай элементаря!

Она, сама того не замечая, уже вынула оружие, собираясь немедленно, как только катер остановится на мелководье, прыгать за борт и бежать драться. Остановленный в своём удивлении, Эймери, заколдованный её решимостью, оставил попытки выяснить, кого же это — её! — пытались предупредить с помощью элементаря воздуха.

Рик тоже понял, что в этой ситуации не до изумления и, бросившись к борту катера, махом руки послал элементаря, которого до сих пор держал в резерве тайком ото всех — на всякий случай. Проследив полёт элементаря воздуха, он с облегчением убедился, что тот проник к Синд сверху, где его не могли достать козлоноги, что девушка дёрнула принца за руку, указывая на катер.

Теперь двое уверенно бежали по дороге к катеру, и братья-стихийники встали рядом, вызывая всех элементарей воды, которые только могли их услышать, и направляя их навстречу беглецам. Лишь элементаря воды могли помочь беглецам защититься не только от големов, но и от нечисти, обитавшей в воде, близко к острову.

Выпрыгнувший первым с катера Александр перекинулся прямо в воздухе. Он долетел до мчащейся к воде парочки, завис над нею со стороны Тартара, после чего одной волной выпущенного огня, яркого даже в дневном свете, освободил пространство вокруг двоих от преследователей.

— Оружие в ножны!

Повелительным интонациям Нормана мальчишка-травник повиновался беспрекословно. Точно боевой маг, приученный к командам. Едва меч и кинжал въехали в свои обиталища, как принц вытолкнул травника, не ожидавшего «подлянки», на поверхность воды. В следующую секунду он подхватил мальчишку, охнувшего, но не успевшего воспротивиться, на руки и буквально вбросил в воздух, к Александру, сам чуть не уйдя под воду от собственного сильного рывка.

Дракон как раз начал кружиться над ними.

— Хватайся! — одновременно с толчком кверху крикнул принц. И выругался, выплёвывая попавшую в рот воду.

Всё же не растерявшийся, травник моментально ухватился за подставленные лапы дракона, а через секунды очутился на палубе катера. Там его подхватили друзья и помогли встать на ноги.

Александр тем временем вернулся к принцу. И снова прогудел мощный огонь, отгоняющий козлоногов и остатки големов, которые вошли в воду лишь по колено, да и остановились, тараша белёсые бельма на воду, слишком опасную для их существования. Зато козлоноги не собирались оставлять желанную жертву в покое: несмотря на тощие тела, тонкие ноги с острыми копытцами и длинные конечности с иглами пальцев, они неожиданно легко ринулись вслед за принцем.

Золотистый дракон заложил вираж, давая беглецу возможность проплыть большее расстояние, после снова шарахнул огнём. Норман даже недовольно покосился на него: молодые драконы не умеют рационально расходовать силы на выброс пламени — только бы первокурсник не ослабел прямо в воздухе!

Внезапно в помощь золотистому дракону в козлоногов посыпались заговорённые стрелы магов-стихийников и рыжей воительницы, а с катера навстречу Норману прыгнул, кажется, Эймери. Но, прежде чем он доплыл до принца, тот заметил вокруг себя огромное скопление элементарей воды и воздуха, посланных ранее магами-стихийниками. Перейдя на магическое зрение, Норман быстрее и напряжённее задвигал руками и ногами, убираясь из опасной зоны, в которой начали появляться пока ещё ленивые на вид медузообразные существа.

Золотистый дракон заложил ещё один вираж над Норманом — низкий: наверное, хотел попробовать вытащить принца из воды, но отказался от этой затеи. То ли сам устал, то ли побоялся в суматохе поранить принца. Но и Эймери уже оказался рядом.

— Доплывёшь?

— Угу...

Ладонь друга скользнула по запястью Нормана, и он с благодарностью принял переход сил от Эймери, после чего рванул вперёд.

На катере им сбросили узкую металлическую лестничку-трап и помогли подняться. Норман рухнул на палубу, с облегчением прислонившись к борту. Драка с нечистью, а потом пробег по прибрежной улице Тартара, присовокупим к ним плавание до и после... Когда отдышался, огляделся: мальчишка-травник прятался за спинами друзей, не смея показаться на глаза. У... Шельмец.

Катер отошёл на безопасное расстояние от Тартара, пока Норман приходил в себя. Собравшись с силами, он встал и скомандовал:

— Фернан, застопори ход!

Нисколько не удивлённый, друг выполнил приказ. Только взглянул оценивающе на расстояние до Тартара. Но от нечисти они оторвались, а Норман хотел немедленно решить пару вопросов. По его кивку Эймери собрал всех на палубе. И принц оглядел спокойную Мартину; присевшего неподалёку прямо на пол Александра, который до сих пор задыхался, держась за грудь; близко к нему усевшихся магов-стихийников, которые были так похожи друг на друга, что ясно с первого взгляда — перед ним братья. А сразу за их спинами — травник, из-за которого и разыгралась вся эта катавасия.

Норман встал и, опершись бедром о борт, сказал, строго глядя на первокурсников:

— На первую пару вы уже опоздали. Пойдёте на вторую. Пришло время прояснить кое-какие вопросы (травник сразу съёжился), пока нет возможности сбежать от меня. Сними иллюзорную маску, травник! Кто ты? Почему кажешься знакомым?

Мальчишка молчал, не поднимая глаз. Норман только было открыл рот прикрикнуть на него, как решительная Мартина подошла к мальчишке и, протянув ему руку, помогла подняться. Затем положила ладонь на рукоять меча, сама удивлённо поглядывая на странный, необычный меч травника и на кинжал мизерикордия. Наконец рыжая воительница вскинула голову и вызывающе подбодрила мальчишку:

— Снимай! Драться будет — отобьёмся!

Эймери не выдержал и захохотал, и даже Фернан чуть улыбнулся.

Травник тихонько вздохнул, руками «омыл» лицо, снимая маску. Затем провёл ладонью по волосам, мгновенно потемневшим в темно-русые, и пальцем — по губам. Постоял, глядя вниз, — и поднял голову. Эймери охнул и замолчал.

Норман подумал, что устал больше, чем ощущал до сих пор.

— Это настоящее?

— Нет. Настоящая я — вот, — и травник повторил последние два действия, снимая иллюзорную маску с волос и с губ. — Меня зовут Синд.

— Зачем тебе надо было на Тартар?

— ...Просто так, — упрямо соврала девчонка.

— Дай слово, что больше на Тартар ни ногой!

— Не дам!

Переглянулись все. Даже друзья девчонки. Норман вздохнул.

— Ты же бегаешь туда не каждый день?

— Нет.

— Тогда это всё. Фернан, продолжим путь.

Он отвернулся к морю, слыша за собой постепенно стихающие шепотки: кажется, друзья девчонки уводили её в каюту. Подошёл Эймери, насупленный. Постоял, сказал:

— Девчонка ревёт.

— Это хорошо, — равнодушно сказал принц. — Бабы все на одно лицо: проревутся — забудут обо всём плохом, успокоятся. Пусть ревёт.

— Норман! — недовольно сказал Фернан. — Двигатель кашляет. Закройся!

— Закрылся, — угрюмо отозвался принц. Собрался с силами, чтобы те же силы не распускать. Закрыл исходящую от себя магию. Прислушался: двигатель и впрямь ещё пару раз чихнул, а потом снова заработал ровно.

— В ректорат сообщать будем? — осторожно спросил Эймери.

— Нет. Я навесил на неё сторожа, пока бежали на Тартаре. Как только она отплывёт от берега Студенческого архипелага метров двадцать, сторож вернёт её.

— Ты предусмотрительный.

— Приходится. Репутация заведения... — Он фыркнул, но фыркание получилось отнюдь не смешливым. — Если об университете слухи пойдут, что о безопасности здесь не беспокоятся, мы потеряем студентов. А кому нужны недоучки, которые попытаются обучаться дома? Да несчастных случаев будет гораздо больше, чем... — Он замолк, снова глядя на спокойное море, на удаляющийся остров.

— Интересно. Если она сама прыгнула в море... — задумчиво сказал Эймери.

— И что? — не поворачиваясь, спросил принц.

— Ты так и нашёл её — босой?

— Ну да. Она сказала... — Норман будто прислушался к чему-то, потом наморщился. — Дьяволы, а ведь она сказала ещё кое-что важное, но что? Ещё там, на острове... Ладно, может, потом вспомню.

...Им ещё и повезло, что попали в кампус во время второго часа пары. Тихо и пусто везде. Никто из посторонних, даже дежурные стражники на вахте, не обратил внимания на босые ноги Синд, когда друзья провели девушку в её новую комнатку. Провожать пошёл даже Александр, хоть и дышал до сих пор часто, надсадно откашливаясь. Уже в комнате Синд заставила его выпить пару глотков восстанавливающего и укрепляющего сбора из утренних трав. Друзья пообещали прибежать после пар — перед дополнительными. И ушли. Оставшись в одиночестве, Синд огляделась.

Друзья решили, что она плакала, потому что попалась и раскрыта. И утешали, что ничего особенного не произошло. Но принц Норман снова смотрел на неё теми же злыми глазами, какие она видела, свалившись перед ним на Тартаре через крышу. А не теми ласкающими, которые очаровали её, когда она пряталась в маске темно-русой травницы. Не осталось взгляда, от которого ей было тепло...

Что ж... Ей выбирать не приходится. Есть жизнь в вечной маске. И нет никакой возможности сбросить эту маску. Потому что приходится полагаться только на себя. Но она сделает то, что собирается сделать!

Синд изогнулась, присматриваясь к локтю, куда Норман прицепил ей сторожа. Ха... Ладно, если ему нравится думать, что он переиграл её, что она защищена, пусть так думает. И ей спокойней. Меньше презрительного внимания с его стороны.

А пока пора собраться с силами и приступить к тому, чего ради она здесь, в университете, появилась. К учёбе.

Спустя полчаса она сидела в библиотеке общежития травников, прямо на полу у стеллажа, и разбирала целую кучу учебников, которые ей могут понадобиться и которые для удобства она разложила вокруг себя. Библиотека травников имела книги те же, что и в центральном корпусе, разве что отличалась тем, что здесь не было редких и ценных изданий. Только копии. Но девушке пока было довольно и копий. Одновременно Синд выписывала названия тех книг, которые привлекли её внимание, хотя в списке нужных учебников их не было. Пригодится — судя по перечню статей в конце каждой. Зачитавшись, она даже вздрогнула, когда услышала требовательное:

— Синд! Ты здесь? Выходи! Мама приехала!

Ивет... Но ей же нельзя выходить из своих апартаментов! Чёрная карта не давала

сёстрам права свободно расхаживать по всему общежитию травников.

Мачеха приехала? Уже? Наверное, она сообщила в ректорат о своём приезде, поэтому чёрная карта для сестёр не действует?

Сердце застучало, пока девушка в спешке укладывала взятые со стеллажей книги на место, а потом, схватив громадную стопу отобранных, тащила её к столу библиотекаря. Здесь под сердитое шипение Ивет, глаза которой — вразрез со злостью на её лице — были опухшими от плача, Синд наскоро договорилась с библиотекарем, что забежит позже за книгами, которые запишут на неё, и побежала за бурчащей на ходу старшей сестрой на пятый этаж. Бежала за старшей сестрой — пустила бы та её вперёд! И быстро и привычно накидывала на себя тончайшее заклинание, превращающее её в смиренную сиротку, которую может обидеть всякий.

Мачеха встретила обеих в холле апартаментов. Заглушая рёв средней, Лунет, доносящийся из личной комнаты, и не здороваясь, мачеха сузила глаза на Синд, быстро присевшую в книксене, и рявкнула:

— Что за вид?! В чём ты себе позволяешь ходить?!

— Другого ничего нет, — торопливо вставила Синд в паузу, пока мачеха набирала воздуха, чтобы выпалить новые вопросы.

— Как это нет?! — Мачеха быстро подошла и дёрнула за узел на груди. Синд опустила голову. — С кем ты дралась, дрянь?!

Девушка глубоко вздохнула, взглянула на Ивет.

— Вчера сёстры решили, что я отбиваю у них женихов, и...

— Так причина только в этом? — остро посмотрела на неё мачеха. — Коротко и быстро: что произошло?

— Баронет Вустер увидел, что я общаюсь с представителем ковена Драконьих оборотней, и решил, что я подхожу ему в качестве жены. Всё.

— Сядь, — велела заинтересованная мачеха и указала в сторону кресел. — Теперь разберёмся. Где тебя увидел баронет? Откуда у тебя такие знакомства с драконами?

Через пять минут допроса мачеха кипела от ярости.

— И это мои дочери?! Дуры последние!! Сами подтолкнули тебя к баронету?! Сколько раз я им объясняла, что не на виду, только не на виду?! Дуры!! Знать бы заранее, что их нельзя оставлять без присмотра!! — злобно причитала она, бегая по просторному холлу, то и дело плюясь в сторону рыдающей Ивет и заламывая руки при звуках слезливых воплей из комнаты Лунет.

Синд, скромно съёжившись, сидела в кресле и старалась стать ещё меньше. Но главное было впереди, и она не знала, когда ещё можно будет вклиниться в крикливый монолог мачехи. Наконец та выдохлась. И девушка быстро попросила:

— Мадам, заберите меня домой!

— Что-о?! Из-за тебя вся эта заваруха, а ты теперь изображаешь смиренную овечку и требуешь оградить тебя от всех проблем?

— Нет, мадам, — успела вставить Синд.

— Что — нет?!

— Я всё равно не могу ходить в университет на занятия — просто не в чем, у меня даже обуви нет. Поэтому и прошу отправить меня домой. Ну, пожалуйста! — И Синд тоже заплакала — на этот раз искренне, вспомнив свои лохмотья, не поддающиеся починке.

Отплакавшись и попутно удивившись, что ей дали время на это, она вытерла слёзы.

— Та-ак, — тихо и угрожающе сказала мачеха. — Так эти две дуры не только подделали доверенность, но и не давали тебе тех денег, которые я присылала?

Девушка только помотала головой. Мачеха кинула взгляд на её босые ноги. Синд, даже не ведаясь на этот придирчиво внимательный взгляд, знала, что видит женщина: кожа расцарапанная, в синяках и в порезах, черноватых от засохшей крови.

— Где ты шляешься? Почему у тебя ноги в таком состоянии?

— Я учусь на факультете травников, мадам, и мне приходится часто бегать в лес за травами для практических занятий, — тоненьким голоском пролепетала Синд.

Мачеха, что-то соображая, некоторое время смотрела на покорную падчерицу, а потом взорвалась, как вулкан! Этот вулкан лавой пролился сначала в комнату Ивет, завизжавшей от ужаса, а потом к Лунет, взывшей от горя. Синд опомниться не успела, как перед нею грохнулась мягкая куча самых разнообразных вещей. Мачеха встала перед ней, уперев руки в бока.

— Руки у тебя из нужного места растут — переделаешь на себя! Тем более что ты худышка, а эти — зажрались! Обувь тебе дать не могу — размер у этих, как у крокодилов! Купишь на стипендию — последнюю тебе помогли забрать у Лунет, насколько я слышала! — Передохнув, мачеха снова рявкнула: — Почему ты раньше не сказала, как они с тобой обращаются?! Почему не написала?!

— Мадам, а вы бы поверили? — робко спросила девушка, изумлённо рассматривая кучу хорошо ей знакомой одежды: она столько раз её стирала и гладила!

— Конечно, не поверила бы! Но хоть приехала бы с тобой разобраться из-за твоего вранья — может, и увидела бы своими глазами! У, коровы... Так. Что теперь? — Мачеха, свалилась в кресло по соседству и устало выдохнула. — Скандал на всё королевство...

— Не будет никакого скандала, — спокойно, хоть и тихонько сказала Синд.

— Говори, — не глядя, велела мачеха. — Что хочешь за это?

— Можно, я буду жить сама по себе, а сёстры — сами по себе? Мне дали комнатку — я не буду мешать сёстрам, а они забудут про меня? — с надеждой спросила Синд. — Мне всего лишь хочется учиться, мадам! Пожалуйста! Мне нравится собирать травы, мне нравится читать книги и учиться травничеству!

— То есть заявления ты не будешь писать? — уточнила мачеха.

— Нет. — Девушка с надеждой взглянула на женщину, добавив: — Они же мои сёстры!

Когда спустя полчаса высшие официальные лица университета и мачеха с дочерьми засели в кабинете общежитского начальства, Синд при всех заявила, что не будет писать заявления на любимых сестёр. Принц, настолько скромно присутствовавший на разбирательстве, что его присутствие прошло мимо внимания мачехи, поднял бровь.

Девушка бросила на него взгляд мельком и снова отвела глаза.

— Да, — терпеливо ответила она на повторный вопрос. — Мы просто играли. Драка была шуточной. Была бы серьёзной, я бы не дала себя в обиду.

— Но... — начал было ректор, крепкий приземистый мужчина, — наши целители в больнице обнаружили, что ваши повреждения...

— Простите, что перебиваю. — Синд встала со стула и присела перед ректором. Мачеха ещё в апартаментах сестёр дала истинную клятву оставить её на Студенческом архипелаге в обмен на отсутствие необходимого для разбирательства заявления, и теперь девушка вела себя гораздо смелей. — Могу предложить вам спарринг, милорд. И тогда вы на практике убедитесь: всё сказанное мной о том, что я не дам себя в обиду, — правда.

Мужчины рассмеялись было, но утихли после подтверждения со стороны Нормана:

— Подтверждаю сказанное студенткой.

Углубленная в свои мысли и испуганная происходящим, угнетённо ожидая страшных последствий, мачеха даже после этих слов не поняла, что этот странный мужчина с некрасивым лицом — тот самый принц, которого обычно на парадных портретах рисуют, сильно льстя его внешности.

После клятвенных заверений старших сестёр, что они будут скромно вести себя и не пропускать занятий, их отпустили. Мачеха вышла из кабинета первой, стараясь держаться несправедливо обиженной героиней, за нею дочери — счастливые! Синд успела шепнуть им на ушко, что не собирается забирать их шмотки.

Когда из кабинета выходили мужчины, из дверей библиотеки, расположенной рядом, выглянул библиотекарь и заулыбался:

— Студентка Синд, вы не забыли, что собирались забрать отложенные книги?

Девушка оглянулась на остановившихся представителей высшего университетского начальства.

— Идите-идите, Синд, — доброжелательно кивнул ректор.

— Спасибо! — Синд присела перед ним в книксене и радостно побежала в библиотеку, не заметив, как после недолгого размышления за нею двинулся Норман, а с ним и его друзья.

Минут десять понадобилось, чтобы записать все взятые книги, и все десять минут девушка только не приплясывала от радости: она свободна! Свободна положить любую свою вещь, куда ей заблагорассудится! Свободна от глупого и издевательского внимания сестёр! Свободна от смирения, которое сёстры воспринимали как дозволение поступать с нею, как с нелюбимой куклой! Свободна, чтобы учиться в полную силу! Причём всему, что она захочет, потому что теперь некому будет доносить мачехе, чем она занимается!

Мачеха решила взять для сестёр наёмную домработницу из бедных студентов. Синд радовалась: с чужой девушкой сёстры не осмелятся поступать так, как с нею! Побоятся, что та нажалуется начальству. Но самое главное для неё, для Синд, — мачеха запретила своим дочерям бегать к Синд в комнату! Правда, девушка выговорила право навещать сводных сестёр. Пришлось: иначе бы мачеха не поверила в её любовь к сёстрам.

Библиотекарь положил тяжеленную стопу книг по травничеству на подставленные руки девушки и встревоженно спросил:

— Донесёшь? Может, не надо было брать сразу все?

— Мне в них нужно совсем немного. Я выпишу быстро и быстро верну, — пообещала сияющая девушка и повернулась к двери. И остановилась.

— Я помогу донести, — безучастно сказал Норман и снял книги с её рук.

— Лорд Норман? — удивился библиотекарь. — Добрый день!

— Мы подождём тебя здесь, — сказал Фернан, улыбаясь изумлённой Синд и кивая принцу. Эймери сразу прошёл в зал библиотеки.

Ни слова не сказав, Норман развернулся и пошёл к лестнице. Синд поспешила за ним. На первой же лестнице он спросил, не оглядываясь:

— Почему ты не написала заявления?

— Так надо, — спокойно ответила девушка. — Если бы написала, ничего хорошего бы не случилось. Сёстры остались бы в убеждении, что они правы, а в их несчастье виновата только я. Сейчас же им волей-неволей придётся учиться и зарабатывать репутацию обычных студенток. Девушка, которую наймёт мадам, будет еженедельно присылать мачехе письма с

подробным отчётом о том, как ведут себя Ивет и Лунет. Это тоже счастье, потому что не меня они будут ненавидеть и не мне говорить гадости. И я, наконец, смогу учиться, а не мыть полы и посуду до утра в таком виде, что любой может подойти ко мне и подставить ботинок, чтобы я отчистила пятно на нём. Буду учиться, а не спать на лекциях, — мечтательно вздохнула Синд.

— Как тогда, на моей первой лекции у вас? — задумчиво спросил Норман.

— Да, — просто сказал девушка.

— Си-инд!! — приветственно заорали из её комнаты и, ойкнув, зашикали друг на дружку при виде принца.

Тот кивнул всем, дошёл до стола, водрузил на его краешек книги и, мельком осмотревшись, вышел из комнаты. А ребята набросились на Синд с расспросами. Правда, их волновало не только то, что случилось в кабинете общежитского начальства.

— Синд, мы принесли много-много вкусенького! — подпрыгивала Мартина. — Слушай, как здорово — ты единственная, у кого есть своя комната, не считая Александра! Теперь мы можем не бояться приходить к тебе! А ещё мы принесли тебе...

— Подожди, Мартина! — засмеялся Рик. — Ты потом про еду расскажешь. Синд, как прошло разбирательство? Что решили? Тебя оставляют в этой комнате, или ты вернёшься к сёстрам, в их роскошные апартаменты?

Девушка хорошо помнила, как неуютно чувствовали себя маги-стихийники в апартаментах её сестёр-грубиянок, когда им приходилось прибегать, чтобы сообщить Синд об изменениях в расписании, например. Поэтому она усмехнулась:

— Обижаете, стихийники! А моя комната — чем не апартаменты? Сестёр нет — посмотрите только, какая свободная комната!

А потом они засели за стол, устроили студенческую пирушку из печенья и молока, а потом спохватившийся Александр вытащил кусок ветчины — и вдруг оказалось, что счастлива не только Синд! Теперь они всегда смогут вволю наболтаться, не боясь ничего и никого!

...Норман заглянул в библиотеку. Его приятели попрощались с библиотекарем травников и вышли следом за принцем. Фернан молчал, но Эймери был нетерпелив.

— Норман, ты ведь не зря пошёл с нею. Зачем? Хотел поговорить? Но вернулся очень уж быстро. Что случилось?

— В комнате её ждали друзья, — рассеянно ответил принц.

Некоторое время они шагали в молчании, пока Фернан не заметил:

— Почему ты взял книги? Ты хотел уйти сразу по окончании заседания, но выждал, пока она не выйдет с книгами. Девушка, конечно, странная и себе на уме... Но...

— Поэтому и остался, — буркнул Норман. — Я проверил книги, которые она взяла.

— Запомнил названия? — не поверил Эймери.

— Нет. Я проверил, что её заинтересовало в этих книгах. Она не слышала, что я вошёл в библиотеку сразу за нею. Она сказала, что в этих книгах ей нужно совсем немного, и это немногое она сможет быстро выписать и почти сразу вернуть книги. И мне стало любопытно, что же это. — Он замолчал, вспомнив, как поднимался по лестнице и украдкой провёл ладонью по корешкам книг, «вслушиваясь» в них в поисках следов: Синд, как многие студенты, пальцем вела по нужным ей строкам. — Для начала: я вам ещё не сказал, что она настоящий боевой маг. Думаете, в бою на Тартаре я только прикрывал её? Нет, она дралась наравне со мной. Теперь же я выяснил, что она очень интересуется некромантией. Во всех

этих книгах, которые она взяла, есть сведения о травах, которые используют при некромантских ритуалах. И мне это не очень нравится.

С одеждой разобрались быстро: с Синд сняли мерки, взяли один её ботинок, подошва которого ещё держалась без проволоки, и Мартина с добровольными телохранителями магами-стихийниками (чужая стипендия — охрана необходима!) умчалась в студенческую лавку. Синд и сама бы сгоняла, но — не босиком же... Пока она летала по своей комнатухе, разбираясь с собранными травами и приглядываясь, как их разложить и которую траву в каком месте сушить, Александр взял её оружие и внимательно его разглядывал.

— Синд, чьё оно?

— Моё. Кинжал — папин. А меч он мне сделал по руке года три назад.

— Твой отец воевал на архипелаге?

— Да, он был среди добровольцев.

— Хорошее оружие, — отметил Александр и больше ни о чём не спрашивал, почувствовав, что Синд говорить о войне не хочется.

А девушка заварила ему ещё укрепляющих трав и велела пить по два глотка через каждые две минуты, объяснив, что сбор будет лечить золотистого дракона с каждым глотком по-разному. Ведь травы отпускают в горячую воду не сразу все ценные вещества.

— Нам на лекции сказали, что это называется «вторичная экс-тракция». — Последнее слово Синд старательно выговорила по слогам и засмеялась. — Вот какие словечки я теперь знаю!

— Тебе самой ведь три дня дали на лечение? — привычно медлительно спросил Александр, помогая ей переставлять стол ближе к окну.

Теперь можно садиться вокруг стола сразу всей компанией — если по двое на один из трёх стульев, конечно. Стул слева почти упирался в кровать, справа — в тумбочку. Напротив, рядом с входной дверью высился двустворчатый одёжный шкаф, одно отделение которого занимали книги, взятые из библиотеки. И вся комнатуха уже пропахла характерным запахом жилища травника: постепенно увядающие травы и цветы источали такие сильные пряные запахи, настолько разнообразные, что даже золотистый дракон с удовольствием принюхивался к ним.

— Дали, — отозвалась девушка. — Но я не буду использовать разрешение. Сегодня мне нужно будет сходить со своей группой в лес — обещала сводить на одну отличную поляну! А завтра я начну ходить по расписанию. На все пары.

— Синд, но ведь ушибы не зажили? — осторожно спросил золотистый дракон.

— Главное, что их не видно, — сказала девушка. — Если бы синяки были видны, я бы ни за что не пошла. Жалеть будут, а я этого не люблю. А тут мышцы ещё болят, но выгляжу-то я здоровой. Ну да, устала немного после Тартара, но на травах быстро в себя приду. Александр, попробуй понять меня, — негромко сказала Синд. — Теперь, когда я получила независимость, я счастлива так, что не замечаю и не чувствую остаточной боли. Ты не представляешь, что это такое — быть свободной! Надо прожить два месяца так, как я, чтобы понять это в полной мере. Так что я собираюсь учиться! Для этого стоило вытерпеть побои от сестёр!

Парень улыбнулся её радости и потянулся к стакану с отваром.

Прибежали посланные в лавку, принесли одежду и обувь. Девушки выгнали парней

сторожить под дверью, и Синд быстро оделась в новёхонькие штаны, в блузку с коротким рукавом, влезла в удобные матерчатые полуботинки. Всё — тёмно-зелёного цвета, разве что по полю блузки разбежался мелкий жёлтый цветочек.

— Одёжка — как ты хотела, — сказала Мартина. — Синд, откуда ты знала, что в нашей лавке есть такое? Ты ведь буквально назвала то, что там висит!

— Так я бывала в этой лавке почти каждый день, — пожалала плечами девушка.

— Выбирала? — удивилась подруга. — Приглядывалась?

— Нет, что ты! Сёстры посылали!

— А-а, понятно. Эй, — высунулась рыжая воительница за дверь. — Заходите! Пьём чай и уходим! Не знаю, как Александр, — сказала она уже в комнате, — но со стихийниками мы через полчаса уходим на допспециальность.

— У меня то же самое, — сказал золотистый дракон. — Сегодня вообще день, когда пар мало только из-за дополнительных. Поэтому заняты все.

— А у нас доп будет к вечеру, — сказала Синд. — Поэтому я тоже уйду через полчаса, но в лес. Со своей группой. Нужны травы для лабораторного практикума.

— Синд, что теперь с нашими приключениями? — со вздохом спросила Мартина. — Мы теперь вообще никуда? Или... — Она победно оглядела всех. — Или выжидаем, когда всё утихнет — и!! Ка-ак сбежим!!

Все расхохотались. А Рик приподнял бровь и с притаённой хитринкой кивнул:

— Ребята, подготовка к посвящению в первокурсники! Как?

— Согласна! — обрадовалась Мартина. — С морокой подготовки будут заняты все. В эти дни можно будет сбежать, куда хотим и когда захотим! Но когда это будет... Си-инд, придумай что-нибудь!

И все четверо снова уставились на неё, как смотрели недавно, перед тем как она предложила снова сбежать на Тартар.

Девушка прекрасно понимала друзей. Они учились легко, были умней остальных на первом курсе: к работе с основами магии всех готовили дома. Они могли бы побыстрее закончить университет, но здесь, на островах, почувствовали себя детьми. Взять тех же стихийников: с раннего детства в море с отцом, оба невысокие, коренастые от тяжёлой работы — вырасти не смогли, хотя старше её, Синд. Здесь, на Студенческом архипелаге, они добивают детство в придуманных ею проказах и приключениях.

То же и с Александром: в клане Драконьих оборотней не больно забалуешь; судя по скупым рассказам золотистого дракона, ходить приходилось чуть не уставным шагом. А уж Мартина в своей семье, где каждый из старших побывал и не раз на архипелаге по тревоге, росла чуть не в военных условиях.

— Ну-у... может...

Девушка проговорила реплику медленно, лихорадочно раздумывая, что бы такое устроить на главном студенческом острове. И вдруг сообразила. Пытаясь удержать разъезжающиеся в хулиганской ухмылке губы, она прикусила их, но ухмылка прорвалась. И заулыбалась друзья, сообразив, что на кону новое приключение. Обрадованная Мартина затормошила подругу:

— Что придумала? Говори!

— Ребята, а слабо нам распутать заклинание на пляже для vip-персон?

Секунды на неё смотрели, прокручивая в уме сказанное: и в самом деле — пляж для vip-персон, где бывает только принц Норман с друзьями, демократично открыт для всех, кто

подберёт ключ к охраняющему его заклинанию! — и захохотали. Смеялся даже выдержанный Александр. Сидевший на подоконнике Рик хлопал себя по коленям, раскачиваясь от задорного смеха, а Бреки вообще сполз по стене — наверное, ноги ослабели. Мартина вскинула вверх кулак.

— Они придут, а мы там с мячиком носимся! Орём, вопим!! Ну и морды у них у всех будут! Синд! Ты молодец! Идея — класс!

— А что? Неплохо, — согласился золотистый дракон, вытирая смешливые слёзы. — Они там постоянно тусуются втроём и только на песке валяются, а мы им устроим настоящий пляж! С волейболом! И сказать нам ничего не смогут!

— Точно, — подхватил Рик. — Я согласен с Мартиной: идея — класс. Да и носы выпам утереть — ммм, конфетка, а не идея. Да и мы сами... — Он вдруг остановился. — Ха, Синд, а ведь... — Он улыбнулся, но уже удивлённо. — А ведь мы тоже будем выпами, если туда прорвёмся! Условие-то поставлено именно так?

— Так, — подтвердила Синд. — Теперь к делу. С чего начнём?

— Собираем информацию, — деловито сказала Мартина. — После дополнительных все, как только смогут, идут на пляж и втихую смотрят, что там за заклятия.

— Так не пойдёт, — возразил золотистый дракон. — А если мы все будем смотреть на одно и то же заклятие? Нет, надо распределить, кто на что смотрит.

— Мы берём на себя самую длинную часть забора, — сказал Рик. — Нас двое.

— Тогда я беру море — пролечу мимо, — подхватил Александр.

— Нам остаются две узкие части, — подытожила Мартина. — Синд, что возьмёшь?

— Ту часть, где вход на пляж. Только я буду позже всех, моё дополнительное в шесть.

Итак, собираемся у меня. Вахта пропускает до девяти. Ключ я оставлю у стражников и скажу, кому можно давать. Не считая сестёр, народ у нас здесь спокойный, так что вахта возражать не будет. — И девушка снова обвела ребят смеющимся взглядом. — Утрём выпам носы?

— Утрём! — завопила Мартина, вприпрыжку обегая друзей и хлопая их по плечам.

На волне счастливого вдохновения Синд распрощалась с радостно взволнованными ребятами и принялась готовиться к походу в лес. Когда она вышла в вестибюль общежития, там её уже ждали двое из группы, а вместе с ними и староста. Последняя кивнула и напомнила:

— Синд, не забудь: я сегодня провожу тебя к твоему преподавателю дополнительной специализации.

— Не забуду, — спокойно сказала девушка, хотя дыхание у неё перехватило, а сердце зачастило дёргано и больно. Неужели... Неужели уже сегодня она будет учиться...

Присоединились ещё несколько травников, затем пришёл куратор группы, чтобы проследить за походом, и наконец вся группа была в сборе. Синд стало уже не до размышлений о личном. На ходу объясняя, как пройти к нужной поляне, она повела травников за собой в лес. Почти все взяли с собой стандартные карты: внимательно слушая Синд, травники отмечали те места, о которых она говорила, а куратор следил, все ли умеют ориентироваться на местности. Через пару минут Синд сообразила, что куратор Ольгерд, худенький мужчина лет сорока, седоволосый и невзрачный в своей тёмно-серой одежде, цепко и внимательно слушавший как её, так и студентов, в сущности незаметно провёл практическое занятие по ориентированию в лесу по карте, что немаловажно при такой профессии, как травничество. «Здорово, — уважительно подумала девушка. — Оказывается,

преподаватель тоже должен быть талантливым!» И с благодарностью вспомнила, что куратор Ольгерд не упрекнул её за то, что она успела так далеко и глубоко обследовать лес на главном острове Архипелага.

Как всегда в лесу бывает, время протекло незаметно и быстро. Ещё и лёгкий пикник устроили на берегу весело звенящего ключа!.. Нагруженные добычей, травники смеялись друг над дружкой, подсчитывая, кто сколько всего набрал: многие, сторбившись под грузом, тащили целые снопы на спине. Но — счастливые все! Этого добра теперь хватит на несколько лабораторных! Да и для себя останется — на всякий случай. А ещё были счастливы, потому что близко к общежитию многих таких трав не найдёшь, какие нашли на заветной полянке Синд.

Уже стемнело, когда добрались до общежития. Из разговоров по дороге Синд поняла: многие травники, особенно из тех, что живут в одной комнате, собираются снова побывать в местах, отмеченных теперь на их личных картах. Куратор Ольгерд тоже слышал студентов, но промолчал, и Синд успокоилась: значит — можно. У дверей в общежитие куратор Ольгерд остановил всех на минутку и сказал:

— Задержу ненадолго. Напомнить. Ходить пока только с картой — раз. Не в одиночку, — он остановил свой пронизывающий взгляд на Синд, — два. Не увлекаться и не забывать друг о друге — три. Всё. Можете ходить в любой уголок леса. До свидания.

— До свидания, куратор Ольгерд! — заголосили травники и ринулись к дверям общежития — быстрее в комнаты, потрошить и сортировать добычу!

— Синд! — окликнула девушку староста. До сих пор она молчала, поглядывая с улыбкой на остальных, хоть и сама была нагружена травами под завязку.

— Да, Лиза?

— Я буду ждать тебя здесь через полчаса. Хватит тебе времени собраться на доп?

— Конечно, хватит!

Староста кивнула и энергично зашагала к себе, бережно придерживая собранное.

А Синд умчалась в свою комнату, тоже счастливая: побывала в лесу, поделилась своими тайными местечками с группой, но ведь не всеми. Кое-что из тайников и для себя оставила. Настроение — во!

Через час настроения «во!» не осталось.

...Когда Фернан увидел, кто появился в подвальном зале главного корпуса университета, он даже сразу не понял: что здесь делает Синд? Здесь, в самом мрачном учебном помещении — на факультете некромантов? Девушка жалась рядом с другой студенткой, которая чувствовала здесь себя более уверенно и которая почти немедленно подвела Синд к одному из преподавателей факультета. Все трое негромко заговорили. Нисколько не смущаясь, Фернан подошёл ближе, благо его прикрывала колонна, а все трое подслушиваемых сначала сосредоточились на разговоре, а потом ещё и вторая девушка быстро распрощалась и ушла, а Синд осталась. Преподаватель провёл её в одну из учебных комнат, не закрыв за собой дверь, и Фернан, притулившись у косяка, беззастенчиво подслушал их разговор.

Подслушанное озадачило.

Поговорив с девушкой-травницей и объяснив ей основные принципы дополнительного обучения в одной из областей некромантии, преподаватель предложил ей подумать, прежде чем настаивать на учёбе именно здесь. Притихшая и явно впечатлённая, Синд тихонько пообещала подумать. Когда она, печально повесив голову, направилась к двери, Фернан

спокойно отошёл, а потом незамеченным (девушка сосредоточилась на своих мыслях) проследил за тем, как она вышла из университетского подвала, как прошла к центральному скверу перед главным корпусом и села на скамейку под склонившейся над нею елью.

Народу здесь было мало. Молодёжь в основном готовилась к предстоящему вечеру посвящения в студенты. Никто не мешал девушке думать, как, на первый взгляд, казалось. Фернан уже решил уйти, но увидел: Синд вздрогнула всем телом, ссутулилась и закрыла ладонями лицо.

...Норман впервые стоял перед зеркалом и вьедливо рассматривал себя. То и дело забываясь и не видя отражения, потому что мгновенно уходил в думы.

Друзья правы: несмотря на его непрезентабельную внешность, любая студентка, только помани он её, сразу бросится ему на шею. Лестно — считаться подружкой самого его высочества. Но со всеми этими девицами всё до прозрачности ясно: приманивает его внешнее положение, ну и богатство и сила — не в последнюю очередь. Ему в какой-то степени повезло: быть некрасивым, но обладающим. Хорошая компенсация. И есть возможность выбирать, потому что богат и может позволить себе взять будущую подружку жизни пусть из бедного семейства, но по душе, а не... Вот здесь и поджидает его тупик. Он-то выберет. А его?

Сколько поют менестрели о любви... Но есть ли она? Как её найти, если есть? То, что в песнях, это всего лишь сказка... Чужая... Откуда такая тоска у него, недавно уверенного во всём? Почему он не может даже мысли собрать, чтобы понять себя самого?

Неужели ему тоже суждена участь отца — жить в номинальном браке? Когда двое выполняют главное условие, порождая на свет ребёнка, наследника?

Синд тенью прошла мимо... Или колыхнулась штора, чьё движение в зеркале он уловил краем глаза? Странно, что Эймери сидит совсем близко, но не саркастичен, а молчит, словно не замечая состояния принца...

— Твоя Синд опять ревёт, — спокойно сказал, появляясь на пороге, Фернан.

— Она не моя.

— Хорошо. Просто. Синд опять ревёт.

— И что из этого? Чего от меня-то хочешь? Чтобы я бежал её утешать?

— Я думал, тебе будет интересным, почему она ревёт.

— И почему она ревёт? — безразлично спросил принц.

— В качестве дополнительной специализации она выбрала некромантическое зомбирование. Преподаватель спросил, знает ли она вообще о некромантии, как об учении. Она сказала, что нет. Тогда он объяснил, что придётся начинать с азов некромантии. Синд поинтересовалась, сколько времени займёт изучение азов. Услышав, что три года, согласилась подумать, заниматься ли всё-таки зомбированием или выбрать другую специализацию. Потом вышла и села в сквере плакать.

После долгого молчания первым очнулся Эймери. Обведя друзей недоумевающим взглядом, он пожал плечами и спросил:

— Что всё это значит? Я не понимаю даже, почему травница — и вдруг такой выбор?

Светловолосый Эймери всегда был для друзей палочкой-выручалочкой в проблемных ситуациях. Он умел ляпать наивные вопросы, не считая нужным думать, стоит ли об этом спрашивать... И сейчас он смотрел на друзей, кривился от попыток понять и снова спрашивал:

— Зомбирование... Какого дьявола ей это надо? Кого она хочет зомбировать? Мачеху?

Сестричек? Нет, я бы понял, если б это было дня два-три назад... Но... — И он просто развёл руками.

Теперь озадачился и Норман. Растерянный, ничего не понимающий, он всё-таки учуял какую-то угрозу в этом странном сообщении и попытался разобраться.

— Плачет. Ты уверен, что она плачет, узнав, что обучаться зомбированию долго?

— Уверен. Я подглядывал и видел её лицо во время разговора. Сначала оно было спокойным. А когда заговорили о времени, Синд напряглась.

— Ясно, — с пренебрежением сказал Норман. — Она решила, что ей покажут заклинания, расскажут, как происходят ритуалы, — и дело в шляпе: она знает зомбирование! Нашла, из-за чего реветь!

— Норман, ей всего семнадцать! — напомнил Фернан. — Она и правда могла так думать, но ведь так думает любой непосвящённый.

— Фернан, почему ты сказал — «ревела»? Обычно ты не злоупотребляешь просторечной лексикой.

— Слово «ревела» наиболее точно отражает её состояние, а я люблю точность. Это не было похоже на то, что выражается нейтрально стилистическим «рыдала». Синд именно ревела: как будто только что распростилась... с самой сокровенной мечтой? С тем, во что сильно верила?

— Пойти и спросить у неё самой, в чём дело, — предложил Эймери.

— Каким образом? — хмуро спросил Норман. — Типа: Синд, Фернан подслушал твой разговор о некромантии, и мы имеем к тебе парочку вопросов?

— Чудила ты, Норман! — высказал Эймери. — Идём гулять, встречаем её в сквере и ставим вопрос простенько: чего ревьешь, Синд? Простенько, — счёл он нужным объяснить, — поскольку мы ей вроде как несколько раз помогли, и теперь она нам вроде как подружка. — Заметив, что стоящий за спиной Нормана Фернан закатил глаза: «Ну ты даёшь!», Эймери снова пожал плечами и спросил сам: — И чё? Чё такого? Идём?

Норман всмотрелся в его лицо, пытаясь определить, не насмехается ли он. Но приятель, как ни странно, выглядел абсолютно серьёзным. И принц вдруг подумал: «А правда — и чё? Сходим, погуляем. Если её там нет, то и ладно. А если будет сидеть, вопрос и правда прозвучит законно». И уже вслух неохотно сказал:

— Ладно, пойдём.

Синд на скамье уже не было. И Норман так и не понял, плохо это или хорошо. Но на всякий случай они обошли все улицы кампуса, и принц усмехнулся, поняв, что он благодарен Синд за то, что из-за неё вышел погулять. Мысли хоть и не пришли в порядок, зато подышал свежим воздухом, и стало гораздо спокойней.

Присев на скамью, на которой, по словам Фернана, только что сидела Синд, принц оглядел приятелей и сухо сказал:

— Завтра едем на Тартар. Я вспомнил, что сказала Синд, когда мы были на острове. Она сказала: всё, что собиралась, она на Тартаре уже сделала. Я хочу знать, где она была и что именно сделала на острове.

...Собравшиеся у Синд в комнате друзья пили чай и с упоением рассказывали, какие именно заклятия сплетены в единое заклинание на участках пляжа, которые они посмотрели. Задание казалось легко выполнимым.

Синд грустно сказала:

— А я не успела свой участок посмотреть.

И замолчала, забывшись. Словно выпала из реальности, забыв, что нужно говорить с друзьями, что нужно разгадывать какую-то головоломку из сплетённых защитных заклинаний... И чуть не подпрыгнула, когда до неё дотронулись.

Мартина. Совсем рядом. И парни уже не сидят за столом, а стоят, сочувственно глядя. Рыжая воительница не стала ходить вокруг да около.

— Синд, что произошло? Мы уходили — ты прямо сияла! А сейчас какая-то потухшая. Идея с пляжем тебе кажется уже неинтересной?

Девушка помедлила немного, чувствуя себя виноватой, но улыбку на лице больше изображать не могла. Застывшие от напряжения мышцы лица не двигались. Не желали повиноваться.

— Простите. — Она глубоко вздохнула и обратилась к подруге. — Мартина, расскажи ещё раз, как лорд Фернан открывал дверь к моим сёстрам.

Мартине, наверное, хотелось спросить, зачем Синд слышать эту историю ещё раз, но не стала переспрашивать, а снова пересказала короткий эпизод военной экскурсии к апартаментам сводных сестёр Синд.

— Лорд Фернан — очень сильный некромант? — тяжело спросила Синд.

— Очень, — подтвердил Рик. — Я, конечно, в своей жизни некромантов видел мало, но чтобы одним касанием пальца превратить крепкую дубовую дверь в пыльную труху... Мне кажется, это очень сильно.

— Думаешь, он сильнее принца?

— Не знаю. — На этот раз в странный, но увлекательный разговор вступил Александр. — Говорят, принц Норман во всём превосходит своих друзей. И я слышал, что некромантией он начал заниматься ещё до университета.

— Тогда почему он только дрался рядом со мной, вместо того чтобы использовать...

Фразу она не договорила, но и так был понятен её смысл.

— Боевые некроманты во время своих действий стараются держаться подальше от живых, — снова объяснил Александр. — Посылаемые ими волны, снимающие с магических существ их псевдожизнь, могут коснуться живого. Тебя, например, — легко. А вернуть потом душу в тело — я слышал, один из самых трудных ритуалов в некромантии. Слишком много сил он забирает.

Друзья смотрели на неё в ожидании. Синд знала, чего они ждут. Оглядела свои собранные в комнатухе травы и вздохнула.

— Знаю... — почти прошептала она. — Вы посчитаете меня сумасшедшей. Но я на полном серьёзе весь последний час думаю вот о чём: сумею ли я на основе трав создать настолько мощное заклинание, чтобы ненадолго усыпить сильного некроманта?

— Тебе он так нужен? — спокойно спросила Мартина.

— Да. Так сильно нужен.

— Есть ещё один вариант, — жёстко сказала рыжая воительница. — Ты так нравишься принцу, что он, возможно, и сам согласится выполнить любое твоё желание.

— Ключевое слово — «возможно», — вздохнула Синд. — А мне нужна уверенность.

...Когда золотистый дракон дошёл до своего общежития, он от неожиданности встал на месте. Три чёрные фигуры шевельнулись, и на свет под фонарём вышел сам принц Норман. Он вежливо кивнул дракону.

— Уважаемый Александр. Не будете ли вы столь любезны одолжить нам на завтра свой катер? Обещаю вернуть его целым и в сохранности.

Солнце ещё не взошло, а по мелким волнам лениво плыли светло-серые клочья тумана, то и дело растягиваясь от невидимого ветерка. Самого острова не было видно: он будто ёжился в плотном тумане, который постепенно и оплывал клочьями к морю.

— Кто-нибудь вчера вызывал охотников? — нарушил общее молчание Норман, крепко держась за стойку над перилами катера и стараясь не дёргать плечами от предутренней влажной прохлады.

С выключенным мотором катер стоял уже несколько минут, чуть покачиваясь на воде, но, кроме свиста ветра и всплеска волн, три путешественника ничего не слышали. От главного острова Архипелага отъезжали под крики чаек. Но чем ближе к Тартару, тем тише становится вокруг. Что уж говорить о пространстве вокруг острова... Живности здесь нет и ещё долго не будет.

— Нет, никто не вызывал, — откликнулся Эймери, вставший рядом и тоже беспокойно вглядывавшийся вперёд. — Наблюдатели, наверное, сами отметили сильную активность нечисти, и охотники поехали к Тартару проверить. Ну и заодно...

— Сильно проверили, — прошептал Фернан, всматриваясь в лениво висящий близко перед ними и уже над ними белёсый туман. Туман настоящий: тёмные волосы Фернана поверху подмокли и отяжелели. — Сможем пройти по следам? Они же здесь всё выжгли...

— Дурак я, — пробормотал принц, насторожённо приглядываясь к острову. — Надо было сообразить, что охотники среагируют на энергетическое возмущение...

— Вчера мы не знали некоторых подробностей, — напомнил Фернан. И усмехнулся. — Хорошо ещё, к Тартару подошли с другой стороны: после тотальной чистки наблюдатели просматривают остров довольно пристально. Наверное, и сейчас за ним приглядывают.

— Тогда бояться нечего, — негромко заявил Эймери. — Если такой туман, значит, они от твари следа не оставили. Быстро пройдем, посмотрим — и дёру, пока не спохватились.

— Где причал устроим, Эймери? Ты лучше нас все острова знаешь, — тревожно спросил Фернан. — Мы ведь с другой стороны: если что — на мель сядем.

— Смотри чуть налево — видишь, темнеет, как гора? Это остатки крепости. Рули к ним. Там лестница обвалилась — к ней удобно причалить катер.

— А лестница не рухнет?

— Нет, она металлическая. Её вбило в берег. Я смотрел, правда, давно, но пару штормов она уже пережила. Ага... Вот она. Фернан, давай к ней.

Вскоре все трое с оглядкой поднялись по искорёженным пролётам металлической лестницы и уверились, что она и впрямь очень крепкая. Выбрались прямо в руины крепости, стараясь держаться ближе друг к другу. Здесь, на Тартаре, движения воздуха не ощущалось вообще. Туман стоял подвешенной в воздух серой рванью. Но был так лёгок, что, когда проходили мимо, он шевелился, будто лохмы потревоженной старой паутины. Если учесть, что шли в разрушенном здании: между огромными колоннами, в узких переходах из помещения в помещение, по пустому пространству залов, заваленных битым камнем, — то никто не насмешничал, когда то один, то другой шарахался от колыхания неустойчивого туманного рванья. Норману велели не высовываться и идти строго между телохранителями. Ворчать он не стал, но оружия из рук не выпустил.

Перебравшись из крепости на двор, с трудом сориентировались и нашли дорогу в город,

а там — вышли на первую улицу. Огляделись. Не столько увидели, сколько вспомнили, что дорога проходит в камне, между рядами зданий.

— Дойдём до тамошней дороги в воду? — невольно перешёл на шёпот Эймери. — Чтобы начать искать оттуда, или вспомнишь без того, где был тот дом?

— Мне бы к той улице — дом вспомню, — откликнулся Норман. — Ты карту Тартара опять-таки лучше нас знаешь — сумеешь провести?

Светловолосый боевой маг нахмурился, уставившись в камень дороги, потом поднял голову. Глаза рассредоточенные — вспоминает.

— Минут пятнадцать до начала улицы, если через город.

— Веди.

Стараясь не шуметь, хоть и прекрасно зная и понимая, что не добитая и зашуганная охотниками нечисть некоторое время не посмеет подняться наверх, в город, они быстро прошли одну улицу, свернули на другую. Тишина раздражала, потому что заставляла постоянно быть настороже. Ближе к месту, где произошла основная чистка, — там, где вчера высадилась Синд, а за нею подошли все остальные, наконец послышался первый живой звук — шелест ветра между стенами, шорох ссыпаемого с камней песка.

— Пришли, — сказал Эймери. — Это начало той улицы, но с другой стороны. Как будем искать и что именно?

— Я шёл впритык за нею, — тихо начал рассуждать принц. — Обогнал големов. Когда козлоноги окружили её, её следы дальше того места, где она стояла, не просматривались. Значит, она всего лишь шла по дороге. И остановилась.

— Может, наврала? — с недоумением спросил Эймери. — Про то, что она что-то сделала? Может, она и не собиралась что-то сделать? А вдруг то, что она оказалась на острове, и есть её дело? Дурость какая-то...

— Дойдём до места — посмотрим, почему она стояла там, — сказал Фернан, встряхивая мокрыми волосами и раздражённо морщась от их неприятного прикосновения к коже. — Давайте побыстрее. Нам ещё обратно, — ненужно напомнил он.

Но друзья поняли его: Фернан был специалистом по «проникающему» обзору. И он просто хотел оглядеться там, где стояла Синд, чтобы убедиться, что они ничего не упустили... Дошли быстро — и не из-за того, что торопились: туман с приближением солнца оседал, и не подвигаешься — так замёрзнешь от влажного холода, которым постепенно, но неуклонно пропитывалась одежда.

— Здесь, — сказал Норман, остановившись. — Она стояла на дороге и дралась с козлоногами. Две стаи выходили из переулков по обе стороны дороги.

— Отойдите, — скомандовал Фернан. — Метра три мне хватит.

Едва они оставили его на дороге, Фернан мягко, без дёрганья сел прямо на неё. Скрестив ноги, с прямой спиной, лицом к концу дороги, утопавшей в море, он сидел легко, и лишь его руки подсказывали, что он не просто отдыхает. Руки, вроде безвольно обвисшие по бокам, пальцами упирались в камень дороги... Друзья знали, что он сидит с закрытыми глазами. Но внимательно приглядывались к нему, особенно когда его левая рука начала подниматься — и указала на здание напротив. А потом рука начала опускаться, но это было обманом: не поднимая головы, поднимался сам Фернан.

— Она смотрела на это здание — с очень сильным чувством.

— Мы быстро? — загорелся Эймери.

И Норман был очень благодарен ему: он и сам хотел бы посмотреть, что там, в этом

здании, ради которого девчонка переплыла пролив между островами. Но в личном любопытстве не хотелось признаваться.

— Я поведу, — предупредил Фернан, мельком оглядывая их обоих. — И мне бы хотелось, чтобы вы были начеку. Я пока не умею одновременно идти по остаткам визуального наблюдения и прислушиваться.

— Иди-иди, посторожим, — нетерпеливо сказал Эймери, глаза которого сияли нескрываемым любопытством.

Спустя минуты они снова оказались в развалинах здания, правда, на этот раз сохранившегося получше, чем крепость. Первым нашёл искомое, как ни странно, Норман. Едва Фернан завёл их во второе помещение, по виду похожее на залу, по центру разделённую рядом колонн, принц резко остановился и вскинул голову.

— Фернан, остановись... Я нашёл. И тоже вижу, что она была здесь не раз. Не мешайте мне: я чувствую смесь некромантской магии и магии фейной. Гремучая смесь. — А когда друзья качнулись к нему, чтобы возразить, Норман повелительно сказал: — Фернан, ты прекрасно знаешь, что только я смогу взять это.

И друзьям пришлось отойти и только с тревогой смотреть, как принц подходит к обломкам одной из колонн, как встаёт на колени, вдумчиво «оглаживает» воздух, а потом ладонью проверяет раскрошенные плитки у основания колонны. Был один момент, когда они невольно подались вперёд: принц было поднял руку и вдруг, охнув, отшатнулся, будто его ударили. Но он успел поднять руку чуть за спину, снова предупреждая не подходить. Замер... То ли выжидал, то ли пережидал боль...

— Что случилось, Норман? — тихо спросил Фернан.

— Тут заклинание с таким маленьким узлом на плетении, что не разглядел. Стукнуло немного.

Затем уже уверенно Норман сунул руку в едва заметную трещину и вынул нечто похожее на тряпичный свёрток.

— Что там? — с любопытством спросил Эймери.

Принц поднялся вместе с предметом и кивнул, разрешая подойти.

Друзья присоединились к нему.

Норман, держа небольшой свёрток на ладони, осторожно развернул одну тряпицу, затем другую. Под ними оказалась небольшая коричневая шкатулка с чёрным узором рун. Или кусок тщательно обработанного дерева, потому что прорези или хотя бы намёка на крышку друзья не нашли. Обуреваемый любопытством, Эймери чуть не подпрыгивал:

— Ну? Ну что там?!

Принц и Фернан переглянулись, и оба на небольшом расстоянии от шкатулки поставили над нею ладони, будто прикрывая от дождя. Сначала Норман, затем — Фернан. Вид у обоих был, как будто они прислушиваются к чему-то еле слышному.

— Медальон. Военный. Стандартный, — несколько озадаченно сказал наконец Норман. — Обычный оберег. Близок к талисману.

— Зачем ей... — начал было Фернан.

Но оба снова переглянулись.

— Зомбирование. Спрятала на острове медальон. Часто появляется здесь проверить его сохранность. Не доверяет оставлять на главном острове Архипелага, — снова перечислил Норман. И оглянулся на Эймери. — Ну-ка, иди сюда. Ладонь сверху над ладонью Фернана. Вот так. Фернан?

— Мужчина. Беловолосый. На руках девочка. Смеются.

— Она сказала, что боевой магии её учил отец, — размышляя, протянул Норман. — А теперь она не хочет говорить об отце, но ищет способы узнать об определённой области некромантии. О зомбировании. По-моему, всё более чем прозрачно. Вопрос только — кто это сделал?

Друзья переглянулись. Ответ тоже лежал на поверхности.

...Синд проснулась внезапно, словно её окликнули. Окликнули резко и требовательно. Вскочив, она села на кровати. Сердце постукивало беспокойно, но не слишком торопясь... Что случилось? Повернулась к окну: предметами обстановки обзавестись пока не успела. За стеклом, слегка прикрытым лёгким покрывалом с кровати же (второй этаж — Синд ещё не привыкла, всё казалось, что в окно могут заглянуть), видно, что солнце ещё не взошло, но уже готовится появиться. Сама себя не понимая, девушка быстро оделась, сполоснула лицо в углу у рукомойника и выскочила за дверь.

На улицу уже привычно прыгнула с карниза коридорного окна. Огляделась. Куда её позвали? Потянуло к морю. Она взглянула на небо. Гора, чёрная от леса, обросшего её, по краям затеплилась от встающего солнца. Но девушка чувствовала: не лес зовёт её, как однажды было. Её тянет именно к морю. И Синд побежала, руководствуясь только внутренним зовом, который до сих пор слышала.

Удивляясь сама себе, повернула не в сторону пляжа, как ожидала: разговор-то с друзьями был о местечке для вип-персон, и она некоторое время бега предполагала, что они могут там её ждать — с утра-то пораньше. Хотя и были сомнения.

Через несколько минут поняла, что бежит к причалу, где у Александра стоит катер. И, лишь прибежав к забору, который огораживал причал для небольших личных судов, поняла, что надо ждать. А вот как поняла — сколько ни думала, не сообразила. Но, осмотревшись, отошла немного по дороге от места катерной стоянки и села на дорожный бордюр — ногами на насыпь. Отсюда отлично просматривалось море.

Сначала отыскивала взглядом остров Тартар. Обычно она видела его чёрным пятном, едва вздымающимся в море. Но сегодня он был почему-то бело-серым. Додумалась, что это туман, и приготовилась ждать неизвестно чего. Воспоминания в этом спокойном состоянии не замедлили явиться в полной красе. Когда друзья узнали, что у неё появилось желание усыпить и похитить некроманта, они заспорили о том, возможно ли такое чисто теоретически. Синд постаралась выглядеть умиротворённой, чтобы они не поняли, что она слушает их на полном серьёзе, примериваясь к суждениям. А вдруг?.. Но Мартине больше нравилась идея, что принц оказывает Синд явные знаки внимания, а значит, лучше попросить его о помощи, если таковая Синд требуется... Про себя Синд только пожимала плечами: принца она раздражает — и это только в лучшем случае, но помалкивала... И ни один из друзей не спросил, зачем нужно похищать некроманта. Девушка чуть не плакала: друзья терпеливо ожидали, когда она сама доверится им.

Знакомый силуэт небольшого судна показался с другой стороны катерного причала. Удивлённая, Синд решила, что ошиблась. Александр славился крепчайшим сном, что неудивительно при тех тренировках, на которые он ходил. Наверное, такой же катер есть ещё у кого-то... Судёнышко скрылось за забором, и Синд снова уставилась на остров, белеющий туманной дымкой, забывшись в тяжёлых думах...

Что-то стукнуло совсем рядом, и девушка подняла голову. И встала на ноги, сжав кулачки. Навстречу ей шли трое. Вот впереди идущий будто споткнулся — увидел её.

Она что — должна была ждать именно их?

— Откуда ты здесь взялась? — удивился светловолосый Эймери, первым заговорив с нею. — Не думал, что травники могут вставать так рано.

— Меня позвали, — немедленно ответила Синд, с тревогой глядя на всех троих и стараясь не останавливать взгляд на принце Нормане.

Среди магов такие слова не удивляли. Но Синд вдруг заметила странную вещь: принц смотрел на неё не просто недовольно, но как-то напряжённо... Почему? Чем он так недоволен? Неожиданно Норман едва заметно вскинул голову и протянул девушке руку. Поколебавшись, Синд нерешительно сжала его ладонь. Вот теперь его вздох облегчения был заметен и даже очень. Странно... Что происходит? Почему улыбаются его друзья?

Додумать не дали. Норман крепко сжал её ладонь и повёл девушку за собой так властно, словно боялся, что не успеет довести. Они молча шли по пустынной дороге от причала — его телохранители-друзья позади. Здесь было ещё темно от теней, которые давал лес на обрыве, вздымавшемся над морем.

Они привели её в сквер неподалёку от главного корпуса университета. Две скамейки стояли друг напротив друга. На одну уселись Норман с Синд, на другую — его друзья. Норман помолчал, будто решая, каким образом начать серьёзный разговор, а потом вынул из кармана куртки свёрток, который Синд немедленно узнала.

Катер с другой стороны от причала. Свёрток на ладони принца.

— Чей это медальон?

— Папин.

— Почему ты его прячешь?

Синд задохнулась от прерывистого вдоха и закрыла лицо руками, но не заплакала. Надо продышаться. Надо прийти в себя. Теперь она никуда не денется. Теперь она сможет рассказать — и понадеяться на помощь!.. Убрала ладони от загоревшегося лица.

— В нём папина душа. Над папой ледяной колдун провёл ритуал экзорцизма, вывел его душу из тела и заключил её в медальон. Папа сейчас в вегетативном состоянии, потому что душа не может вернуться в его тело. Его тело сторожит моя крёстная, чтобы мачеха не смогла его уничтожить, как безнадёжного больного. Крёстная притворяется, что не понимает, что с ним, и постоянно сидит рядом как сиделка.

Она выпалила это разом и с тревогой взглянула на Нормана: поверил ли? Принц же взглянул на верхушки деревьев в сквере, которые медленно зазолотились от поднявшегося солнца, и сказал:

— Рассказывай всё.

Девушка поколебалась, а потом забрала у него шкатулку, нежно погладила её.

— Когда мне было двенадцать, папу попросили приехать на север, в ледяные земли, где живёт его друг. Они познакомились в один из призывов на Студенческий архипелаг и были однополчанами. Друг оказался в последней стадии страшной болезни, которую навёл на него один из тамошних ледяных магов. И этот друг попросил, чтобы после его смерти папа позаботился о его вдове и дочерях. Он находился при смерти, и папа пообещал. После смерти друга папа некоторое время жил на севере, в доме этого друга. Вдова много плакала и всё говорила, что мечтает уехать с севера, но это очень трудно, потому что уехать нельзя без веской причины на то. Ледяных колдунов мало, и они неохотно расстаются со своими адептами. И вдова переживала за своих дочерей, что они пропадут в землях ледяных колдунов, потому что у них способности очень маленькие, а таким тяжело устроиться в

жизни. И папа договорился, что женится на ней фиктивно. Договор был такой: он помогает ей сбежать с земель ледяных колдунов, а она в благодарность помогает с нашим разваливающимся поместьем. Папа, вообще-то, даже на это не соглашался. Хотел просто привезти её — и всё. А когда он её привёз... — Синд опустила голову. — Когда он привёз их, он вдруг сам заболел. Не сразу, конечно, а как-то потихоньку начал слабеть, всё слабел и слабел... И мачеха начала ухаживать за ним. И он был ей очень благодарен и не мог напомнить о договоре. Он очень добрый, мой папа, — помолчав, добавила Синд. — Сначала я ничего не понимала. Сёстры жили в лучших апартаментах наверху, я жила в каморке на первом этаже. Но меня это устраивало: окна выходили в сад, часто приходила крёстная, которая учила меня травничеству. В первые дни, когда мачеха с сёстрами поселилась у нас, папа продолжал заниматься со мной боевой магией, но через несколько месяцев мачеха вмешалась в нашу учёбу. Она сказала, что девушке не пристало заниматься боевой магией. А потом папа и сам не смог обучать меня. Он начал задыхаться. Крёстная пыталась войти к нему, когда он слёг, но мачеха непустила её. Сказала, что у постели больного мужа должна сидеть его законная жена, а не малознакомая женщина из соседнего поместья.

...Норман слушал и будто видел.

События в доме происходили исподтишка. К своему четырнадцатилетию Синд обнаружила, что старых, проверенных слуг в доме почти не осталось, а она, вместо травничества и боевой магии, изучает курс кройки и шитья, причём факультативом к нему — ремонт швейных изделий. Правда, изучает тогда, когда появляется время, свободное от работы в апартаментах сводных сестёр.

А потом мачеха сумела устроить сестёр в университет, воспользовавшись тем, что девушки теперь носят фамилию старинного рода. И Синд очутилась на кухне, где стала помощником всех тех, кому не хватало для работы собственных рук. Кухонная прислуга не стеснялась всю использовать безропотную девчонку. Безропотную, потому что Синд жила в каждодневном напряжении постоянного шантажа. Мачеха велела запомнить раз и навсегда: если с кухни на Синд будет хоть одна жалоба, девочка неделю не будет видеть отца. Новые слуги, как на кухне, так и по дому, не знали, что Синд — дочь хозяина, и в угоду мачехе, заметив, как хозяйка этому радуется, наговаривали на девчонку в своё удовольствие: и ленивая-то она, и нерадивая...

За полгода до отъезда девушки в университет слуги стали более внимательны к ней. Крёстная всё-таки прорвалась в дом, в который её нагло не пускали, и попыталась устроить скандал. Охранники выпроводили возмущённую женщину из поместья, но зато теперь хоть слуги знали, кто такая Синд. И уже не только не третировали несчастную девочку, как раньше, но и давали ей свободное время на свои дела. И девушка принялась вспоминать уроки отца, тренируясь почти каждый день. И повторять старые уроки крёстной, к которой не смела сбежать: в заложниках всегда оставался уже совсем плохо соображающий отец.

Поместье мачеха и впрямь восстановила: ведь теперь она готовила будущее своих дочерей, а чтобы выдать замуж этих девиц, приданое требовалось немалое. Но в первую очередь мачеха занялась домом и хозяйственным подворьем. Сад, на который она пока ещё не обратила своё внимание, ранним утром принадлежал Синд. Девушка не высypалась, но к поступлению в университет, о чём ей всегда напоминали отец и крёстная, ей хотелось быть подготовленной.

Новый скандал разразился, когда Синд пришла пора ехать учиться. Побеспокоилась крёстная, узнав от болтливых слуг, что первую учебную неделю Синд провела в доме как ни

в чём не бывало. Крёстная обратилась к местным властям с просьбой вмешаться. И девушку сумели отправить учиться.

К тому времени Синд научилась втихомолку проникать в комнату отца через окно и сидела рядом с ним, не узнающим её, пока не слышала шагов или голоса мачехи. И однажды попала в ситуацию, о которой слышала множество раз, но которую никогда не думала примерять к себе.

В тот день, незадолго перед отъездом, была ветреная погода. Девушке, уже привычно влезшей в отцовскую комнату, пришлось закрыть окно на щеколду, чтобы рама не хлопнула от сквозняка. А шаги и крикливый голос мачехи раздались так неожиданно близко! Почти у самой двери в комнату! И Синд банально нырнула под кровать, на которой лежал больной отец.

Она слышала всё. И слова мачехи, что больной мужчина на кровати сыграл свою роль в её жизни и теперь ей уже не нужен. И монотонный голос ледяного колдуна, проводившего ритуал экзорцизма. И его предупреждение, что он сам не сумеет вернуть вырванную с места душу в то же тело. И что сделать это только сможет некромант, специализирующийся на зомбировании. И пренебрежительный ответ мачехи, заявившей, что возвращения души и не понадобится.

А потом ледяной колдун, как впоследствии выяснилось, приехавший в гости по приглашению, ушёл. И Синд смогла проследить, куда мачеха прячет медальон с заключённой в него душой отца. Проследила — и похитила. Девушка спрятала его среди своих немногих вещей, когда собиралась на Студенческий архипелаг. А оглядевшись на островах, спрятала его на самом страшном острове, какой только смогла найти. Спрятала туда, где, думала, никто не сможет догадаться его искать.

Крёстная не знает. Она думает, что мачеха сживает отца со свету. Мачеха пока тоже не решается убить отца физически. Потому что пока ещё есть возможность оперировать его именем во время своих делишек. А он, в таком состоянии, сейчас ей не мешает, что бы она ни задумала.

— Вот и всё, — сказала Синд и откашлялась: охрипла к концу рассказа. — Теперь вы нашли медальон, и я совсем не понимаю, что мне делать дальше.

Она сидела в компании этих взрослых для неё мужчин и умоляюще смотрела на них: помогут? А вдруг? Ведь не зря же они поехали на Тартар? Не зря разыскали папин боевой медальон?.. Почему же молчит этот мужчина, который ей так нравится и который сильнее остальных двоих вместе взятых? Синд облизала губы и попросила:

— Лорд Норман, пожалуйста...

Он глянул искоса — привычно сквозь космы нерасчёсанных тёмных волос, свисающих ему на глаза. Только хотел сказать что-то, как девушка испугалась, что принц скажет что-то непоправимое, и вцепилась в его руку, глядя ему прямо в серые глаза:

— Лорд Норман, только не отказывайте мне в помощи! Пожалуйста! Я не знаю, что делать! Не знаю, к кому обратиться, чтобы помогли! Да, я маленькая дурочка, я попадаю в истории, но я сделаю всё, что вы скажете! Лишь бы папа вернулся! Пожалуйста!

Договорив и замерев в ожидании ответа, Синд внезапно почувствовала: что-то изменилось. Как-то легче стали смотреть телохранители-друзья принца. Нет, даже с каким-то облегчением? Причём смотреть стали не на неё, на Синд, а именно на лорда Нормана — теперь она не могла его иначе называть. Даже как-то... с улыбкой?

— Норман, бросай дурака валять, — негромко сказал Эймери. — Девушка сама тебя просит... Да и дело раскрутить можно самим. Э-э... Чтобы деликатно.

— Да-да, — поспешно подтвердила Синд. — Чтобы мачеха не узнала!

— Ладно. — Странно, но, кажется, лорд Норман не решил, а именно решился. — Ты сама сказала, что сделаешь всё, что я скажу...

Синд снова замерла — теперь уже от страха: неужели он потребует с неё чего-то... такого? Запретного?

— Не пугай девчонку, — снова недовольно сказал принцу светловолосый Эймери. — Она уже себе каких только страхов ни придумала.

— Я не придумала, — пискнула Синд, положив на колени руки, которые тряслись так, что она не знала, куда их спрятать.

— Синд, — решительно вмешался Фернан. — Я хотел бы попросить тебя быть подругой его высочества на время университетского бала.

Лорд Норман упрямо наклонил голову, тоже сложив руки на коленях и глядя вниз. Девушка быстро положила ладошку на сгиб его руки.

— Да, ваше высочество, я согласна. Конечно. Если надо... — уже неуверенно и вопросительно произнесла она, ничего не понимая: он угрюмо оглянулся на неё, даже не посмотрев — просто повернул голову в её сторону.

На Эймери, почему-то сердитого, она взглянула с удивлением: промелькнуло мгновение, когда Синд показалось — он хочет стукнуть принца. Наконец лорд Норман взглянул на неё.

— Никаких «ваших высочеств», если ты будешь изображать мою девушку. Мы уже перешли с тобой на «ты». Ясно?

— Ясно, — прошептала Синд, постепенно освобождаясь от страхов. Кажется, и в самом деле появился просвет в этой стороне её жизни? Больше она не будет бояться за отца? И пообещала, уже улыбаясь: — Я буду делать, как скажете. Как скажешь. — И добавила, чтобы он поверил: — Как скажешь, Норман. — И вдруг снова испугалась: — Только вот... Мачеха

узнает ведь, что мы...

— Синд, приходи сегодня вечером к этому скверу — со своей компанией, — сказал Фернан. — Мы сделаем всё так, что мачеха узнает, но ничего тебе сделать не сможет.

— Вы не понимаете, Фернан... — Девушка задумалась, как ему объяснить. — Когда я сюда привезла папин медальон, мне пришлось... Ну, с сёстрами, — она вздохнула, глядя на них и не находя слов.

— Синд, ты притворялась, общаясь с сёстрами, потому что боялась: мачеха убьёт отца, если ты будешь им прекословить? — спросил Фернан.

— Да! — выдохнула она.

Норман положил ладонь на её руку, кивнул.

— Не бойся. Вечером сделаем так, что сёстрам будет не до тебя. А сейчас пойдём. Проводим тебя до общежития. Кстати, каким образом ты из него исчезаешь? — И он улыбнулся. — Если это не очередная тайна, конечно.

— На втором этаже, на лестнице, есть окно. Выпрыгиваю.

— Вот в чём дело...

Он встал и предложил ей руку. Чуть выглянув из-за него, она увидела, что шкатулку он крепко держит другой рукой, успокоилась и робко положила пальцы на его локоть. Его друзья встали и снова пошли позади, негромко переговариваясь.

Так, с мужчиной под руку, ей ходить почти не доводилось. Было в воспоминаниях детства только, как она ходила с отцом. У принца Нормана были очень сильные руки — она это почувствовала сразу, как только споткнулась от неловкости пару раз. Он сразу так прижимал её ладонь к себе, что она чувствовала его жёстко напряжённые мышцы.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он.

— Рядом с вами... с тобой... мне хочется не идти, а подпрыгивать! — сказала она и засмеялась. — А ещё болтать всякие глупости!

— Начинай. Времени у нас много, — немного удивлённо сказал принц.

— А девушкам принца можно говорить глупости? — заинтересовавшись, спросила она. — Мне кажется, вашим... твоим девушкам надо быть такими умными-умными, чтобы ходить рядом с... тобой!

— Необязательно, — хмыкнул он. — Главное, чтобы девушка мне нравилась.

— А я нравлюсь? — немедленно спросила она, и Норман поперхнулся.

Подумав, он ответил:

— Ну, пока ты была мальчишкой, мне хотелось отлупить тебя пару раз, но теперь... — Он помедлил и поправился: — Пока — мне этого не хочется. Значит, нравишься.

Она заметила, что он хотел ещё что-то сказать. Нет, даже спросить. Но почему-то промолчал. Но ведь глупости он ей разрешил говорить? И она воспользовалась этим разрешением на всю катушку:

— А почему принцу нельзя говорить глупости?

— То есть?

— Ну, ты сейчас хотел что-то спросить, но не спросил, потому что побоялся спросить. Очень боишься выглядеть глупым? Почему принцу нельзя? Мы же вдвоём? Твои друзья не слышат! Спроси!

— Я тебе нравлюсь? — засмеялся принц. — Вот мой глупый вопрос.

— Нравишься! — заявила Синд. — Сначала ты был очень злой — когда гнался за мной на Тартаре. А потом ты посмотрел на меня перед лекцией, а у тебя глаза — серые-серые!

— И что? — не понял принц. — Что в этом цвете глаз?

— Я поняла, что ты не был злым, — сказала Синд. — Точней, ты был злым. Но ты злился, потому что переживал за мальчишку-травника. Ты испугался за него. — И улыбнулась. — Это хорошо, что ты разрешил мне быть глупой. Болтать можно про всё!

— Поправлю немного, — усмехнулся принц. — Я тебе разрешил говорить глупости, но не быть глупой. Да и не похоже, что ты такая.

— Крёстная говорила — жизнь учит. — Она улыбнулась снова ему, ощущая себя всё более и более легкомысленной и свободной в общении. И сама же удивлённо сказала: — Рядом с тобой я чувствую себя... совсем маленькой? Мне смеяться хочется.

— Это эйфория. Пройдёт скоро. Задачку ты мне задала довольно сложную. Но веры, что всё будет хорошо, лишать тебя не хочется.

— Ты — не лишишь. Ты сильный.

Они оставили её за кустами калины, прикрытая которыми, она взобралась по стене общежития к окну и влезла на подоконник. Принц и его друзья-телохранители помахали ей на прощанье и ушли.

...На второй паре Синд и компания привычно сидели на последнем ряду.

— Вчера ко мне пришёл его высочество и попросил катер, — с удивлением рассказывал Александр. — Что мне было делать?.. Вернули в хорошем состоянии. Интересно, куда они ездили?

— Ребята, нас сегодня пригласили прийти вечером в сквер перед главным корпусом, — задумчиво сказала Синд. — Никто не в курсе, что там будет?

— Я в курсе, — отозвалась Мартина. — Там репетиция университетского бала будет. Эй, стихийники, это правда, что на праздник вы разгоните тучи, чтобы праздник прошёл на улице? В коридоре корпуса обсуждали.

— Правда, — подтвердил Рик.

— Та-ак, — протянул Александр. — Погулять к скверу пойдём. А что у нас с заклинанием вокруг пляжа?

— Я свою часть немного поняла, — поделилась Мартина. — Тут замешана боевая магия, но она вплетена в другие, и я никак не могу понять, как это расплести.

— Смотрите-ка! — обрадовался Бреки. — Вот тут, с краешку, я вижу вплетение стихийной магии. Похоже на стихию воды? Попробуем снять?

Они тихонько и злорадно похихикали в очередной раз, представив себе глаза нынешних випов пляжа. И последние минуты перед лекцией они, все пятеро, вдумчиво изучали часть заклинания, которое смогла «списать» с защиты пляжа рыжая воительница. А когда в аудиторию вошёл преподаватель, Синд с трудом удержалась от улыбки: да! Это будет здорово — раскрыть всё заклинание! Интересно, Норману понравится их стремление стать вип-персонами? Наверное, он будет ошарашен! Она вспомнила его глаза и вздохнула от переполняющих чувств, а потом её собственные глаза разгорелись. Она шаловливо прикусила губу, выждала, когда друзья сосредоточатся на лекции, склонилась над своей тетрадью. Ручкой на внутренней обложке тетради быстро нарисовала фигурку, а потом нагнулась к ней и быстро выдохнула только что придуманное заклинание.

...Всё утро Норману и его друзьям пришлось побегать, занимаясь организацией университетского бала, на который должны съехаться родители первокурсников. Университетское начальство возложило на плечи принца и его друзей безопасность мероприятия. Потом Эймери ушёл на разведку к охотникам — узнавать новости о Тартаре, а

Норман с Фернаном — в подвальную лабораторию некромантов. Шкатулку, всё ещё обёрнутую тряпками, поставили на стол.

— Начнём? — вздохнул Норман. — Итак, поверхностное заклинание, не дающее открыть шкатулку, фейное. Синд училась у крёстной — кажется, та из фей. Значит, верхнее заклинание делала сама Синд. Далее под ним сильное некромантское. Оно полностью скрывает саму шкатулку, не давая открыть её. Судя по всему, это почерк ледяной колдуньи. Они там, на севере, все этим немного балуются. Значит, мачеха обманула отца Синд: она не боялась ледяных колдунов севера. Она сама из них. И очень сильная. Правда, Синд как-то умудрилась вплести фейное заклинание защиты в её заклятие.

— Умная девочка, — рассеянно сказал Фернан: он уже сосредоточился на решении интересной задачи. — Норман, посмотри здесь. По-моему, я нашёл начало. Получится дёрнуть за эту ниточку?

— Смотри, осторожней. Надо было сразу попросить Синд, чтобы она сняла собственное творение.

— Она слишком верит, что ты силён, — усмехнулся Фернан. — Зачем разочаровывать девушку? Ничего. Распутаем и без неё. — И вдруг с великим изумлением поднял глаза. — Что это?

Норман тоже разогнулся от стола, на котором стояла шкатулка. Оглядевшись и задержав взгляд на искомом, поразился: по просторному залу подвальной лаборатории порхала белая бабочка! Откуда и каким образом в это мрачное помещение залетела беззаботная гостья? И студенты, и преподаватели поднимали головы и следили за её игривым полётом, невольно улыбаясь. А бабочка порхала так легкомысленно! И будто разглядывала необычное помещение в поисках кого-то... И внезапно мягко слетела к Норману и уселась на его кисть. Раздвинула крылышки, словно спрашивая, можно ли, а затем чинно сложила их: «Я нашла себе место отдохнуть!»

Окружающие зааплодировали, радостно и весело переключаясь.

Норман пожал плечами — и вдруг сообразил. С трудом удержался от дурацкой улыбки. Но Фернан успел перехватить его душевное движение, пригляделся к бабочке.

— Синд привет передаёт? — негромко спросил он.

— Кажется... — пробормотал Норман, склоняясь перед загадочной шкатулкой.

И вдруг выпрямился, впрочем, постаравшись не потревожить крылатую гостью.

— Что-то вспомнил? — спросил Фернан.

— Дьяволы... На посвящение в первокурсники мы послали приглашения родителям студентов... Как обычно. А вдруг мачеха Синд решится проверить её отца? Точней — его душу, заточённую в медальон? Вдруг, поняв, что шкатулки с медальоном нет, она испугается и в панике убьёт мужа?

— Не думаю, — медленно сказал Фернан. — Синд сказала, что у постели отца сидит прорвавшаяся в дом крёстная. Если она его сторожит, то на ближайшее время он в безопасности. Но для нас это стимул. Тем более что она всё равно приедет к празднику.

Норман взглянул на бабочку. Та плавно раскрыла крылья и осторожно переместилась к его пальцам. Такая хрупкая, такая беспечная...

...По дороге к подвалу, в котором Норман и Фернан занимались шкатулкой, Эймери старался как можно дольше задержаться на пути. Он не любил помещения с некромантами. Эта область магии его не то что пугала. Она была для него слишком мрачной и не совсем понятной. Светловолосый боевой маг предпочитал хорошую рубку, пусть даже

тренировочную, а сейчас — тем более. Побывав у охотников и наблюдателей за островами-полигонами, он горько сожалел, что придётся сидеть в подвале, рядом с друзьями, наблюдая за плохо понятными ему действиями, когда можно было бы остаться в одном из спортивных залов. Например, в этом, где как раз тренируются на коротких учебных мечах первокурсники. Уж здесь-то его привлекало многое, особенно приятные сердцу любого бойца звуки: командные возгласы преподавателей, азартное предупреждение бойцов: «En garde!», суховатый металлический лязг и перестук учебного оружия — вообще, атмосфера боевого задора.

Особенно, если у одного из первокурсников выбиваются вылезшие из-под тренировочной маски рыжеватые кудри. Безучастным к бою Мартины Эймери оставался лишь несколько минут. Испросив позволения преподавателя, он натянул учебную маску и решительно подошёл к девушке. Боевая магиня приветственно вскинула меч, встречая нового противника — маска Эймери не позволяла ей разглядеть нового бойца.

Учебный бой был короток, но не закончился, а перешёл в затяжной поединок, ставший для первокурсников показательным, потому что напротив бойцов встал преподаватель и начал довольно ехидно комментировать манеру боя как студентки, так и молодого преподавателя. Вскоре хохотали не только студенты, но и спарринг-партнёры, из-за смешливой слабости прекратившие бой.

Эймери, как мужчина, первым снял маску и поклонился противнице.

— О, — удивлённо сказала Мартина. — Я как-то не ожидала... — И оглянулась на преподавателя, который разгонял студентов на следующие поединки.

— И это замечательно, — самодовольно сказал Эймери. — Знай ты, что против тебя я, смогла ли ты продержаться бы столько времени?

— Проверим? — с немедленным вызовом сказала рыженькая воительница, тут же снова надевая маску. — До первого укола?

— А-а... — начал было Эймери, обернувшись в поисках часов. — А, ладно.

Остававшийся при них дежурный преподаватель по боевой магии подошёл ближе. Противники встали в начальную позицию.

Преподаватель кивнул и отступил от противников.

Мартина с боевым воплем бросилась на Эймери. Тот с улыбкой отшатнулся в сторону, «учтиво» пропуская её мимо себя. Обозлённая его пренебрежением рыжая воительница ринулась на него уже с настоящим напором. Полностью уходя в поединок, Эймери краем ощущения уловил, что остальные студенты горячо сожалеют, что не могут накинуться на него кучей малой. Ведь Мартина издала такой азартный вопль! И уже про себя усмехнулся: «Ну нет — общаться на этом уровне будем только мы с нею!»

...Третьей парой у травников был практикум «Магические приёмы и методы использования сушёных трав в лечении ран». Когда Синд вместе с группой вошла в кабинет, в помещение заглянул студент-старшекурсник.

— Это первый курс, травники?

— Первый! Первый! — закричали травники от столов.

— После четвёртой пары ждём вас в спортзале. Явка строго обязательна!

— Зачем? — заволновались первокурсники.

— Будем готовить младшие курсы к празднику — учить вас танцам! — улыбнулся старшекурсник и исчез в коридоре.

А травники возмущённо взвыли: на свободное время после пар рассчитывали многие. А

кто-то и вообще не хотел учиться никчёмному занятию, как считали многие. Синд вспомнила сказанное старшекурсником про все курсы и засмеялась, мысленно увидев вытянутые от неожиданной новости лица братьев-стихийников — Рика и Бреки.

А в целом, Синд как-то плохо представляла себе посвящение в студенты и своё участие в празднике. Пусть её пригласил сам принц, но что это будет? Почему Норману нужна подруга на это время? Заподозрив, что здесь какая-то закавыка, девушка принялась думать, у кого бы спросить о празднике. Но размышления вскоре свернули на другое. На более насущное. Деньги. А поворотом к этим мыслям стало небольшое сожаление, что не воспользовалась гневом мачехи и не взяла что-нибудь из нарядов сестёр. В этом мачеха права: из тех роскошных тканей Синд могла бы легко пошить себе замечательные платья! Затем мысленно подсчитала, сколько у неё денег из стипендии остаётся до следующей, после чего пришлось соображать, что из съедобных кореньев можно надёргать в лесу для подготовки в общей кухне второго этажа общежития...

— Си-инд! Ау! — Кто-то подёргал её за рукав блузки и засмеялся. — Очнись, Синд!

— Ой, Лиза! — удивилась девушка при виде старосты группы.

— Ага, Лиза, — насмешливо подтвердила староста. — Задумалась, да? Извини уж, отвлекаю. Распишись вот здесь и здесь. — И Лиза протянула Синд какую-то официальную бумагу. — По решению сверху (она ткнула пальцем вверх, кажется намекая на руководство университета), с сегодняшнего дня ты будешь бесплатно питаться в студенческой столовке. Сейчас ты опоздала на обед. Но после этой пары мы с тобой идём в столовую, чтобы забрать оттуда твой сухой паёк. Рада?

— Конечно!

День странным образом оказался богат на разные приятные происшествия.

По дороге в общежитие, с удовольствием ощущая тяжесть холщовой сумки, чьи лямки от веса сухого пайка ощутимо врезались в плечо, Синд повстречала сводных сестёр. Как будто они услышали её сожаление!

— Синд!

Они бросились к ней, как ни странно, с таким горячим ожиданием, что даже она, немного испуганная, поняла, что они чего-то очень хотят от неё.

— Добрый день, Ивет, Лунет!

— Добрый, добрый, — проворчала Ивет и, прихватив её за локоть, повела к скамье. — Синд, надо поговорить.

— Что случилось? — уже спокойней спросила девушка.

— Скоро праздник. Мама приедет, — вздохнула Лунет. — А у нас проблема.

Едва сестра сказала о проблеме в связи с праздником, Синд догадалась, в чём дело. И оказалась права. У сестёр нет вкуса. До её появления в университете они одевались кое-как. А с водворением Синд в их апартаменты они немедленно стали числиться среди весьма модно одевающихся девиц.

У сестёр была особенность: они не покупали одежду, глядя на себя в ней. Они покупали, бросаясь на цвет. Пусть они давно и переехали с северных земель, где так мало красок, где цвета часто кажутся размытыми и неяркими, но сёстры до сих пор жадно смотрели на самые яркие ткани — да ещё в сочетании «вырви глаз», и трудно было уговорить их выбирать одежду, более подходящую для них по цвету. Они хватали понравившееся и тащили домой, надевали, а потом начиналось!.. Слезы и причитания! Ругань и снова плач! А Синд приходилось либо что-то переделывать в покупках, либо бежать

в лавку менять одно на другое. Одна морочка с этими девицами!..

— Синд, помоги! — в один голос заплакали обе. — Та девчонка, которую мама нам нашла, в этом ничего не понимает! Она только убирается, а с одеждой возиться не хочет! Синд!! Мы тебе заплатим! Те две стипендии, которые за тебя брали!!

— Две стипендии? — задумчиво переспросила девушка.

Для сестёр эти две стипендии — мелочь. Для неё — огромное подспорье.

— А вы уже что-то купили?

— Купили! Как ты говорила — в тех же цветах, — быстро сказала Ивет. — Мы взяли ту одежду, которая у нас была, и пошли в лавку. И там набрали.

Последнее слово заставило Синд вздохнуть. С другой стороны, посидит ночью немножко, но деньги будут и на собственную одежду к празднику.

— А вы не обманете? — с сомнением спросила она, вспоминая недавнее прошлое.

— Нет, что ты! — обрадовалась Лунет. — Мы уже и деньги приготовили! Сразу отдадим! У нас ведь уже и кавалеры есть на вечерний бал! Синд, помоги!

— Ладно, — решила девушка. — Я забегу вечером, потому что у нас репетиция.

— Подождём!

Заручившись поддержкой младшей сестры, сёстры немедленно побежали в университет — кажется, к себе, на репетицию второго курса, а Синд поспешила в свою комнату. В общежитии пришлось немного заняться подготовкой, а в процессе проверить собранные травы и перевешать те, которые сушились у окна, на сквозняке, ближе к двери. То, чему на практике учила крёстная, теперь получило теоретическое обоснование на лекциях. И Синд уверенней использовала полученные сведения. За нею даже из кухни прибежали — так она увлеклась вознёй с травами. Чуть о поставленном на огонь не забыла!..

А потом прибежала Мартина — принесла пирогов: ей пришла посылка. И подружки уселись вдвоём за стол, и рыженькая воительница со смехом рассказала, как дралась в спарринге с самим Эймери.

— Теперь у меня есть друг-партнёр для бальных танцев, — сказала она. — Последний бой мы играли не на уколы, а на количество танцев. И ты знаешь, Синд... Если бои на уколы были не слишком серьёзными, то на танцы он так старался, так старался! Тебе не кажется, что это слишком — я ему проиграла шесть танцев! Ужас!

— Тебе не нравится эта идея?

— Нравится, — сказала, подумав, Мартина. — Мне не нравится, что я уступила! Но я ему ещё покажу! У нас будет ещё несколько спаррингов до бала.

— На что? — с любопытством спросила Синд.

— На то, кто будет платить за сладости на празднике!

К Синд прибежала девушка-студентка, которую мачеха наняла убираться в апартаментах сводных сестёр. Принесла ворох накупленного сёстрами тряпья и вывалила его на стол, поспешно очищенный от лишних предметов, а потом вынула из кармана деньги. Студентка посидела немного, отдыхая, а потом встала и усмехнулась:

— Ну и сестрички у тебя! И как ты их терпела до сих пор?

Только Синд начала разбираться с одеждой, одновременно размышляя об отце, чью душу пока сумела спасти и передать в сильные руки Нормана, как из открытого окна послышался дружный вопль нескольких человек:

— Синд! Си-инд!

Девушка кинулась к окну: вся компания в сборе! И крикнула:

— Сейчас выйду!

— Я забегу! — закричала Мартина. — Буду тебя торопить! А то провозишься!

— Как хочешь!

Синд лихорадочно разложила сестрины покупки стопкам на кровати. Ворвавшаяся в комнату Мартина удивлённо уставилась на вещи.

— Что это? Ты стала богатой и накупила всего?

— Нет, пообещала сёстрам помочь им с подготовкой к балу.

— Надеюсь, на этот раз небесплатно?

— Обещали заплатить две стипендии, — гордо сказала Синд. — И сразу отдали — вот! — и она показала деньги.

Её радость постепенно начала спадать, когда Мартина уже без улыбки взглянула на неё.

— Синд... Я, конечно, рада, что ты с деньгами, но эти... — Она задохнулась от возмущения. — Эти, которые себя называют твоими сёстрами... Мне самой хочется научиться хотя бы одному некромантскому проклятию, когда я вижу, что они делают с тобой!!

— Мартина, — растерялась девушка. — Я не понимаю!

— Они платят тебе твои же деньги, всего лишь вернули твою недополученную стипендию, а ты, которая будет сидеть с их одеждой целую ночь, всерьёз считаешь, что они благодетельствовали тебя!

— Ну и что? Вернули же! — расстроено сказала Синд. — А то бы я совсем без денег... А тут хоть так...

Рыженькая воительница посмотрела на неё, обняла и сказала:

— Забудь, что я тут наговорила. Прости. Собирайся. Нас ждут.

Синд быстро прошлась щёткой по коротким белым волосам и одёрнула блузку. Они вместе чинно спустились по лестнице. Когда подошли к входной двери общежития, Мартина быстро спросила:

— Синд, а у тебя есть платье на бал?

Девушка с недоумением воззрилась на неё.

— А разве... Бал ведь студенческий?

— Синд! — снова рассердилась рыжая воительница. — Для чего мы сейчас бежим на репетицию? Чтобы учиться танцевать! А танцевать будем парные танцы! Ты с принцем собираешься танцевать в этих штанах? Да и сёстры тебе принесли платья для переделки!

Синд вдруг рассмеялась, да так задорно, что Мартина не выдержала — улыбнулась.

— А мне нравится! Представь: все в парадных платьях — и выхожу я, чуть не в стареньких трениках!

Обе расхохотались в один голос. Но, отсмеявшись, Мартина вздохнула:

— Нам смешно, а каково будет Норману?

— Не переживай, Мартина, — тоже успокоившись, утешила её Синд. — Я же сказала, что у меня две стипендии! Бал будет завтра, так что всё я успеваю.

Они присоединились к своей компании и пошли чуть позади ребят.

Слушая их недовольные реплики: «Учиться танцам? В магическом университете?», девушки с улыбкой переглядывались. На улице было хорошо: уже зажигались магическим огнём фонари, и становилось по-вечернему уютно, а многоголосый гомон со всех сторон поднимал настроение и будто уже сейчас подготавливал к празднику.

— Теперь понятно, почему Норман пригласил тебя прийти с нами в сквер, — уже задумчиво сказала Мартина. — Первый курс будут учить танцам прямо там. Хорошо, что сквер большой. Плохо, что придут посмотреть с других курсов.

— И что? Ты не умеешь танцевать? — удивилась Синд.

— А ты — умеешь? — поразилась Мартина.

— До смерти мамы мы танцевали каждый день. У нас была музыкальная шкатулка, мы включали её, она играла, а мама показывала фигуры, — негромко сказала девушка. — Мы танцевали, а ещё она меня учила манерам. Когда пришлось прятаться от Нормана в маске травника, больше всего я боялась, как бы не сесть перед ним в книксене или в реверансе — машинально. Это мама приучила: какой-нибудь мужчина в дом — обязательно надо приветствовать его поклоном.

— А как... умерла твоя мама? — неуверенно спросила рыженькая воительница.

— Наше поместье находится на материковой части, очень близко к Студенческому архипелагу, — объяснила Синд. — Поэтому папа часто уходил на призыв короля, когда здесь нечисть выбиралась на поверхность. Но однажды папа ушёл на острова, а нечисть вылезла ещё и около берега. Когда крёстная сумела очистить своё поместье от нашествия чудовищ, она примчалась к нам и успела спасти меня. Мама погибла, защищая всех: меня, прислугу, которая не умела с такими справляться... — Синд наклонила голову, некоторое время словно разглядывая землю под ногами. — Ну вот... Но я запомнила всё, чему она меня учила. Так что — танцевать я умею.

— Вот как... — со вздохом сказала Мартина. — Значит, папа у тебя из боевых магов?

— Да. Когда мама умерла, он решил, что девять лет — подходящий возраст, чтобы начать учить боевой магии. Детским мечом, а сейчас учебным, я немного умею драться.

— Хм... Немного, — уже усмехнулась рыженькая воительница. — Я бы сказала — с тобой в поединке надо быть очень осторожной.

Синд наконец обратила внимание, что народу вокруг слишком много даже для общего сбора первого курса.

— Мартина, откуда столько народу?

— После общей репетиции первого курса будет час танцев для закрепления навыков! — Мартина рассмеялась. — Поэтому за репетицией будут следить не только преподаватели, но и студенты старших курсов. У некоторых старшекурсников до сих пор нет пары на бал, они будут искать себе партнёров среди младшекурсников. Я даже рада, что Эймери сегодня будет со мной. Когда я ему сказала, что, возможно, мне могут предложить вариант лучше,

чем его боевая особа, он так смешно важничал, сказав, что выше него мне не найти. Сноб! — фыркнула Мартина, уже хихикая. — Как будто мне нужно именно это!

— А он тебе нравится? — с любопытством спросила Синд.

— Конечно! Он пока не продул мне ни одного боя. Вру... Один продул. Когда увидел, что я обозлилась.

— Внимательный, — сказала Синд.

— А по-моему, снисходительный, — сказала рыженькая воительница. — Если он ещё раз специально это сделает, я его стукну.

Когда они появились в громадном сквере, присоединившихся старшекурсников оказалось так много, что всех волей-неволей вывели к площади перед главным корпусом университета. Минут пятнадцать ушло на то, чтобы выстроить первый курс перед небольшим крыльцом, на котором ждали начала репетиции преподаватели танцев — с кафедры шаманов. А потом... Синд сама с трудом удерживалась от хихиканья: так смешно было! Как будто очень странный смотр военных частей! Настоящий парад, в котором многолюдные ряды выполняли одинаковые движения! Но какие движения!

Рик и Бреки оказались по обе стороны от Синд и в панике смотрели не столько на крыльцо, сколько на девушку, старательно повторяя за нею, благо движения, показываемые с крыльца, она знала отлично и время от времени одобрительно кивала им. Несмотря на то что оба нервничали, танцевали они хорошо: Синд про себя решила, что по-другому и быть не может — для магов, привыкших работать с такими пластичными стихиями, как ветер и вода. Мартине было легче: боевая магиня привыкла запоминать движения, так что сейчас она почти не танцевала, а двигалась с азартом, как в быстром бою, резко, но так увлечённо, что Синд пару раз обменялась с нею боевым приветом — вскидывая кулак в воздух. Александр, серьёзный, как всегда, отличник до мозга костей, заучивал движения строго-настрого — и точка в точку. И смотреть на него было приятно.

А потом начался тот самый час, который назывался очень серьёзно — час для закрепления танцевальных навыков. Взмыленные преподаватели с кафедры шаманов ушли успокаиваться. Первокурсники растерянно застыли на своих местах, а потом к ним, приглянувшимся на репетиции, постепенно начали подходить зрители-старшекурсники.

Место между крыльцом, на котором начал усаживаться студенческий оркестр, и рядами первого курса быстро опустело. Это и была танцплощадка. Сообразив это, вся толпа вместе с учениками отступила к кустам сквера.

Компания быстро сбилась в кучку.

— Ой, что-то я... — начал было Рик.

— Эй, привет! — сказала незнакомая девушка, хрупкая и быстрая, вынырнувшая из тени высокого шиповника, возле которого и стояла компания. Незнакомка шагнула к Рiku и протянула ему руку. — Меня зовут Глория. У тебя есть девушка на университетский бал? Нет? Мне понравилось, как ты танцуешь. Я с третьего курса. Маг воды. Идём? У нас есть час, чтобы привыкнуть друг к другу.

Рик растерянно обернулся к своим.

— Иди-иди, — шёпотом подбодрила его Синд.

— Ну, братан, ты даёшь, — шёпотом же заметил Бреки, похлопывая его по плечу.

— Меня зовут Рик, — неловко сказал Рик и предложил девушке руку.

А когда пара ушла к крыльцу, Мартина не смогла сдержать изумления:

— Ничего себе — шустрый какой! Раз — и нашёл себе!

— По-моему, нашли его, а не он, — сказал Бреки. — Он бы ни за что не пошёл искать себе девушку, топтался бы себе в сторонке. Синд, не обижайся, но он к тебе клеился, пока не увидел, что милорд Норман... Ну... Это...

— А почему я должна обижаться? — сказала девушка. — Рик хороший. Не будь всё так сложно, я бы сама предложила ему быть моей парой на балу.

— Та-ак... — грозно сказала Мартина. — Это тут чего у тебя сложного? Мне-то казалось, что наоборот — всё начинает упрощаться!

— Девушки, успокойтесь, — велел Александр, — а то я опять устрою похищение красавиц. Обоих. Внеочередное.

Синд только улыбнулась. Не рассказывать же при всех, что ей очень хочется, чтобы принц не только выбрал её подругой на бал, но и...

Девушка задумалась, рассеянно глядя на быстродвигающуюся толпу, в которой студенты окликали друг друга, смеялись, что-то говорили... Нет, ничего не упрощалось. Пусть будет несколько лет учёбы в университете, и она будет почти каждый день видеть Нормана. Но что дальше? Ну, вернётся она домой, будет жить с мачехой — наверняка опять прислугой... Синд не верила, что отца можно вернуть. И это личное неверие её пугало. Она спасла его душу, но вернётся ли сам человек, которого она любила всей душой? Принц сильный. Но захочет ли он заниматься её личными делами?.. Столько всего надо обдумать... И всё обдумываемое не хотело сходиться воедино. Разные нити. Она, Синд, вроде и в центре, вроде и держит кончики нитей, но все они рвут её в разные стороны... А чего хочется ей самой?.. Девушка вздохнула: ей хочется танцевать с Норманом! Наверное, это легкомысленно?..

Между тем площадь перед университетским корпусом осветилась гирляндами разноцветных магических шаров. Пусть сегодня ещё не праздник, но сил магов огня хватало, чтобы устроить всем предпраздничное настроение. Вскоре грянул и университетский оркестр, но на площадке для танцев пока никого не было. То ли стеснялись, то ли были какие-то ещё правила... Но и в самой Синд росло что-то необычное: музыка плывущего вальса, оживлённо переговаривающиеся девушки и юноши, яркие огни — всё дышало предвкушением чуда!

— Синд, — недовольно и повелительно сказали сбоку. — Иди за мной!

На Синд, ошеломлённую резким контрастом между мечтами и реальностью, словно надвинулась пытящая гора, на которую ошеломлённо уставились и ребята — не только сама девушка. Александр хотел было что-то сказать, но вопросительно взглянул на Синд. А та, безмерно удивлённая, всё же пришла в себя и спросила:

— Баронет Вустер? Почему я должна идти за вами?

— Ты будешь моей парой на университетском балу, — сам удивлённо ответил баронет. — Разве непонятно? Ну, хватит мешкать, идём.

И он, кряхтя от натуги, развернулся полным телом от Синд, даже не предложив ей руки. Несколько даже испуганная его самоуверенностью, не то что озадаченная, девушка немного помялась, прежде чем снова заговорить.

— Баронет, простите, но я никуда с вами не иду, — сказала девушка.

— Даже не поздоровался, — в сторону сказала Мартина.

— Вас никто не спрашивал, — пропыхтел баронет, боком обернувшись к рыжей воительнице и единственно с опаской поглядывая на Александра. — И вас совершенно не касается то, что я делаю.

— Но меня касается всё, что происходит с Синд! Она моя подруга! — заявила Мартина, воинственно положив руку на рукоять учебного меча, с которым никогда не расставалась.

— Остановитесь, — тихо скомандовала Синд. — Баронет, вам придётся найти другую пару. Я с вами не пойду. Простите.

— Ещё прощения просишь! — буркнул Бреки.

— Синд, я второй раз не повторяю... — начал было Вустер, но не выдержал, вмешался золотистый дракон.

— Баронет Вустер, будьте добры отойти от нас, — довольно раздражённо сказал он.

Толстяк повернулся к компании лицом. Кажется, до него начало доходить, что дело не так просто, как он ожидал. Некоторое время он разглядывал ребят, а потом с претензией спросил:

— Почему Синд не может быть моей парой на балу?

— Потому что девушка пообещала мне это раньше, — тихо ответили за его спиной.

Толстяк снова не спеша развернулся. И остолбенел.

— Добрый вечер всем. Синд, прошу, — обратился уже к девушке Норман, учтиво склонил голову и подал ей руку.

Девушка с радостью приняла его приглашение и почти пробежала мимо ошарашенного баронета. Тут же промелькнул Эймери, и Синд услышала его задорное:

— Добрый вечер, леди и господа! Мартина, выглядишь очаровательно!

«Господа» (Синд с трудом удержалась от улыбки, вспомнив, что там ещё и Бреки) вразной, но радостно поздоровались с Эймери. Синд как-то мельком подумала, что уж их компании точно не придётся рыскать по балам в одиночку после такого внимания со стороны принца и его друга; правда, ещё озаботилась, найдёт ли себе подругу Бреки... А потом взглянула на профиль Нормана, вспыхивающий в праздничных огнях, вздохнула от счастья и немедленно подумала о другом.

— А где Фернан? — спросила она, пока принц спокойно шёл в расступающейся перед ними толпе студентов, ведя её за собой, но стараясь, чтобы она была рядом.

— Он рядом с оркестром. Будет ли позволительно спросить, почему он тебя интересуется?

— Эймери будет танцевать с Мартиной. А Фернан? Он танцевать не будет? Почему?

— Фернан обручён, — улыбаясь её наивным, но озабоченным расспросам (поняла Синд), сказал Норман. — Его невеста ждёт, когда он окончит последний частный курс.

— Как это?

— Его приставили ко мне телохранителем и приятелем, — объяснил Норман. — Пока мы, все трое, включая Эймери, не закончим одновременно последнего курса, никто из нас жениться не может. Учёба должна быть отделена от семейной жизни. Таково условие в традиции королей, передающееся из поколения в поколение. Мы можем обручиться. Но обзаводиться семьёй нельзя, пока не докажем свою состоятельность в умении пользоваться магией, а значит, быть защитниками страны. Звучит пафосно, но так оно и есть на самом деле.

— И когда заканчивается ваша частная учёба?

— Осталось два года.

— А почему его невеста не приедет на праздник?

— Она приедет, — терпеливо сказал Норман. — Но ведь сегодня не праздник? Праздник будет завтра. Ещё вопросы? — Он насмешливо улыбнулся.

А Синд, радуясь, что темно, а в мелькании огней не видно, как она покраснела, так и не решилась спросить, что с отцовским медальоном, разгадана ли плетёнка заклинаний, устроенная мачехой. Да ещё вдруг увидела, что уже не идёт, а стоит — посредине той самой площадки, определённой для танцев. На площадке никто не танцевал, и как-то опять неожиданно она поняла, что даже здесь танцы открывает его высочество.

Девушка испуганно оглянулась на всех, никого не различая в весело играющих повсюду разноцветных огоньках. Но принц уже стоял лицом к ней — совсем как отец, когда приглашал её танцевать в гостиной! И тогда Синд с облегчением присела перед Норманом, жалея в душе, что не послушалась Мартины и сразу не побежала в лавку за платьем: ведь сейчас можно было, соблюдая этикет, приподнять платье и присесть по всем правилам. Но вокруг уже зааплодировали даже этому небольшому реверансу. Синд выдохнула, разогнулась и шагнула к Норману, который тоже поднял голову из ответного короткого поклона. Он мягко обхватил её талию, и Синд с предвкушением положила ладонь на его плечо...

Студенты весело хлынули на площадку.

Но Синд уже ничего не видела и не слышала. Впервые после поездки отца на север она танцевала с мужчиной, впервые снова ощущала сильные руки, которые не дадут ей споткнуться, а уверенно и сильно ведут, и как это чудесно — опираться на крепкую ладонь за спиной! А смотреть в глаза, взгляд которых не отрывается от неё самой... Волшебное...

Час танцевальной практики промчался быстро. Пролетел. Исчез в мгновение — обиделась Синд, когда принц отвёл её снова к собравшимся у сквера друзьям. Друзей теперь было вдвое больше: каждый из ребят был с парой — правда, Эймери при виде принца немедленно распростился с Мартиной, а пока он уходил и оглядывался, они оба посылали друг другу воздушные поцелуи... И Синд иззавидовалась до слёз: Норман не оглянулся!

Сначала провожали травников — одна из девушек, теперь уже официальная пара на завтрашний университетский бал Бреки, студентка третьего курса, тоже была травницей — Синд сразу решила, что она ей чем-то знакома. Потом численно той же толпой провожали магов воды и воздуха — числом троих. И опять той же толпой брели к общежитию драконов — совершенно обалдевший, Александр тем не менее вежливо держал под руку прелестную огненноволосую девушку-второкурсницу. Так, толпами, зачарованными друг другом, ходили долго, чуть не до полуночи. Пока Мартина с Синд не заявили, что они уже исчерпали все темы сегодняшнего потрясающего вечера, а завтра, между прочим, занятий никто не отменял. И, между прочим так, лекцию по истории Архипелага — тоже, а читает её для первокурсников (остальные лишь завистливо вздохнули) сам принц Норман!

Пришлось разойтись, хотя, как предчувствовала Синд, заснуть будет трудно.

...Норман быстро вошёл по ступеням на крыльцо, где музыканты уже разошлись. Не оглядываясь, спросил:

— Эймери, Фернана видел?

— Видел. Идёт за нами.

— Фернан? Что скажет разведка?

— Мачеха приедет завтра утром. Рано. Очень рано.

— Тогда?.. Сделаем?

— Когда собираемся?

— Прямо сейчас. Машина у меня на ходу.

— А ты не нервничаешь?

— Нервничаю. Но уже собрал заклинание спокойствия. Машина в дороге не будет

нуждаться в ремонте. Если ты это имел в виду.

— Это. Что с собой берём? Оружие? Отмечаться у охраны будем?

— Будем. Мы же не на острова.

— Норман, а как с канцлером? Он только что приехал. Может, стоит его ознакомить с делом?

— Я не знаю сил и возможностей мачехи в качестве ледяной колдуньи. Если что-то выйдет из круга всех посвящённых в эту историю, не уверен, что сможем справиться с последствиями.

— Я согласен, — быстро сказал Эймери. — Чем меньше народу знает об этом, тем легче.

Парни быстро обговорили необходимые детали скорого путешествия и направились к своему общежитию.

...Собираясь спать, Синд сняла с постели покрывало и вдруг застыла. Она вспомнила то, что очень не хотелось вспоминать. Танцевать с Норманом — просто сказка. Но пару раз её что-то задевало в тех зрителях, которые бывали рядом... Теперь это вспомнилось очень ясно. Сёстры. Они были со своими парами, но не танцевали — в те быстрые секунды, когда их замечала Синд. В темноте и блистающем свете многого не разглядишь, но теперь именно тревога заставила девушку застыть на месте. Они видели, что она целый час танцует с принцем! Стало страшно...

Она машинально сложила покрывало, оставила его на стуле, потом почти бездумно подошла к двери из своей комнаты. И, постояв немного у неё, не то прислушиваясь, не то раздумывая (сама не поняла), закрыла её не только на ключ, но и на стерегущее заклинание, подкреплённое несколькими травами-сторожами.

На подоконнике стояла банка с плющом, принесённым из леса. Казалось бы, всего лишь неприхотливый букетик из трёх веточек с изысканно вырезанными листьями. Но один лист был слегка приподнят Синд перед сном — с упором на стакан, прикрытый тонким металлическим кружком. Девушка знала, что сможет выспаться, если применить одну хитрость: лучший, самый глубокий сон — всегда до полуночи, главное — успеть заснуть хоть на несколько минут до двенадцати, а потом спать уже не так хочется. Сёстры «научили»... Легла она в двенадцатом часу. Задуманные два часа прошли. Ветка плюща за это время выросла на необходимое расстояние — и сбросила со стакана крышку. Сухой, жестяной звук сразу разбудил девушку.

Глаза открыла будто сразу в день — только на улице, огороженный от неё самой плотными шторами. Зажгла все магические огни и принялась за работу, благо успела стол на середину комнаты передвинуть заранее. А поскольку, когда ещё только разглядывала принесённые вещи, в уме уже сложился нужный образ, то начала сразу: ножницы в руки — и поехали! Работы не так уж много — всего лишь несколько штрихов переделки: убрать слишком стянутый пояс, из-за которого будут выпирать слои жира; расслабить платье, чтобы было слегка свободным, распустив швы для приталивания, и добавить несколько декоративных полосок, чтобы зрительно аляповатость расцветки не бросалась в глаза. Как всегда, немного пожалела, что приходится заниматься такой работой в университете, где все маги. А то бы навела заклинание на платье и на наряды — гуляйте, сёстры, красивые и в лучших нарядах, которые вам так идут!

А сегодня днём, сразу после третьей пары, она пойдёт в университетскую лавку и купит себе платье для бала!..

И чуть сникла, продолжая почти машинально вдевать нитку в иглу, вспомнив: перед сном она испугалась, как бы сёстры не напакостили ей. Могут запросто сказать мачехе, которая завтра приедет, что она целый час танцевала только с принцем. А мачеха не любит, когда младшую выделяют люди статусом выше, как сказал бы папа...

Долгий вздох прорвался сразу, едва вспомнился отец: она так и не осмелилась спросить Нормана, сумел ли он понять, распутать то заклинание, которое держит отцовскую душу в западне, не позволяя вернуться в ещё живое тело... Норман. Новое воспоминание — и Синд виновато, но улыбнулась. Как всё сложно!.. Как сложно... Надо думать о папе, а хочется вспоминать руки Нормана! Его глаза и улыбку... Почему она сначала решила, что он злой? Ах да! Принц и правда был злым, когда увидел на запретном острове студента-первокурсника и испугался за него. Она улыбнулась... Когда она думала о Нормане, будто всем телом опиралась на его сильную ладонь и ничего не боялась.

Ночная тишина, в которой не слышно звуков ни с улицы — шторы занавешены, ни кругом в здании — наверное, кроме неё самой и стражников на вахте, все спят... Тонкая, какая-то прозрачная, уводящая не в сон, а в странное ощущение выхода в другое время... Работая механически, Синд нечаянно выронила небольшие ножницы, которые звякнули о металлические пуговицы платья... Девушка застыла, слушая серебристое эхо постепенно пропадающих звуков...

...Шкатулка, стоявшая в центре круглого стола, доиграла незатейливую мелодию и остановилась на заключительном клавишинном аккорде. Девочка сидела на стуле, подперев

подбородок ладошками, а локти уставив в стол. Она с наслаждением прислушивалась к звукам, которые звенели десятки раз в день, но никогда не приедались. Маленькая Синд улыбнулась, вспомнив, что мама и сегодня вечером будет с нею танцевать, обучая новым па...

Отложив иголку с ниткой и шитьё на стол, Синд встала со стула и огляделась. Память будто пролила на неё свои волны, и девушке так захотелось окунуться в прошлое! Так захотелось вернуться в ту самую гостиную, в которой всегда было много цветов! В светлую гостиную, в которой огромные окна всегда были распахнуты, чтобы в них проникал сладкий запах любимых мамой роз!.. И чтобы снова запела шкатулка ту самую песенку, и чтобы рядом оказался... Норман...

Смущённо улыбаясь, Синд подвинула стул к столу. Прошлась рядом со всеми стенами комнаты, ведя пальцами близко к ним, но не дотрагиваясь. Вернулась к столу. Теперь, что бы ни происходило в комнате, соседи слышать не будут.

Всё так же улыбаясь, Синд тихонько пропела любимую фразу — ту, что играла шкатулка. Закрыла глаза и медленно закружилась вокруг стола, то и дело дотрагиваясь до него, чтобы совсем не вылететь из реальности. И позволила памяти овладеть собой на некоторое время, чтобы можно было беспечно, как в детстве, танцевать...

Погружённая в реальность, которую воссоздавала в её личном пространстве магическая память, Синд не замечала ничего!

Память подсовывала видения домашних розовых кустов, привычных с детства... Первым на волшебство пробудившейся памяти откликнулся лес: медленной приливной волной травы и цветы плеснули на каменный двор общежития к закрытому пока окну. Они не ползли, а именно притекали, время от времени, словно пеной, всплёскивая на своём пути на поддерживающих их кустарниковых ветвях. Двор, чья каменная поверхность обычно слегка отсвечивала магический свет фонарей, в месте травяного прилива потемнел и сильно шевелился. Затем сила магической памяти коснулась калины, растущей под окнами... Ветвисто-травяная волна оплела согнувшиеся ветви и на этой жёсткой опоре скользнула подняться по стене. Окно открыто, пусть и зашторенное... Первые плети трав мягко и вкрадчиво вторглись в комнату, где танцевала девушка, с закрытыми глазами, под мелодию почти шёпотом...

А руки Синд, остановившейся на месте, начали сами по себе подниматься. Память властно смешала два чувства, два впечатления: от детских танцев далёкого прошлого — и недавнего, так много обещающего и такого запретного... Синд поднимала руки — положить их на плечи принца. В самооколдованном состоянии она ничуть не сомневалась, что Норман рядом. Ладони трепетно опустились на его плечи, она почувствовала его сильные руки на своей талии...

Травы торопливо собирались напротив девушки в фигуру, которую она видела с закрытыми глазами, которую ощущала чувственно...

...Норман, сидевший за рулём, вздрогнул вдруг всем телом так, что нечаянно чуть не послал машину в овраг, мимо которого тройца проезжала.

— Какого дьявола?! — вскрикнул, встрепенувшись и хватаясь за поручни, спокойно до сих пор сидевший и даже потихоньку задрёмывающий рядом Эймери. — Ты что? Засыпаешь? Останови!

— Успокойся, Эймери, — сухо сказал Фернан. — Ты криком его больше пугаешь...

— Сейчас, — недовольно, но и встревоженно сказал Норман, отъезжая от пропасти,

заросшей видимыми даже в темноте соснами.

Несколько минут они сидели в машине, а потом Эймери заявил, приглядываясь к принцу, чьи глаза слепо смотрели вперёд и который так и не шелохнулся:

— Или ты мне объясняешь, что за чертовщина сейчас была, или... — Он пригляделся и даже в сумрачном свете увидел странную улыбку Нормана. — Ты чего?

Но принц не ответил, и, приглядевшись, Эймери внезапно убедился, что Норман не просто выглядит отстранённым, но, кажется, оглох и ослеп на всё вокруг...

Из темноты заднего сиденья Фернан спокойно сказал:

— Он балдеет, как бы ты выразился, если бы понял это состояние.

— А с чего? — недоумевал Эймери.

— Ну, насколько я понимаю происходящее... Синд танцует сейчас с ним. Дай ему привыкнуть к этому впечатлению.

— Да пусть сколько угодно привыкает, — проворчал Эймери, изумлённо поглядывая на Нормана. — Только пусть и отсядет — я поведу... — И шёпотом добавил: — Фернан, а с чего это он должен привыкать?

— Нормана уже несколько раз пытались захомутать с помощью любовной магии, — тихо сказал Фернан, тоже слабо улыбаясь. — Вокруг него — множество оберегов от неё... Но впервые на нашей памяти девушка танцует, не только думая о нём, но и представляя его рядом с собой. Это особенно здорово, если учесть: он не поверил, что в него самого могут влюбиться. Но сейчас... Не знаю, что именно сейчас делает Синд, но она рядом с Норманом. А теперь и Норман рядом с нею... Это не просто любовная магия. Это магия настоящего чувства. Нам с тобой придётся быть очень осторожными, чтобы не спугнуть их обоих.

Они вышли из машины и вывели под руки принца, который ничего не слышал, поддавшись чувственно-травнической магии. Все его обереги были настроены улавливать и подавлять магию, направленную именно на него, но никак не против стихийной.

— Но ведь это опасно, — беспокойно пробормотал Эймери, вглядываясь в Нормана, который повиновался друзьям, словно послушный пьяный. — Его же так любой может поймать в западню. Ну, в таком состоянии...

— Поэтому ему и нужны рядом друзья, пока он не женился, — усмехнулся Фернан. — Ты же не думал, что придётся быть только телохранителем при Нормане? Или ты забыл, какие пункты договора подписывал, когда тебя официально назначили быть при Нормане?

— Если честно, то я его не читал, — ошеломлённо сказал Эймери, помогая усаживать Нормана на заднее сиденье, где тот будет под присмотром Фернана. — Вернусь — засяду изучать. До сих пор я думал, что достаточно охранять его от посягательств озабоченных дамочек и от влияния их магии... Но... Фернан, а как же принц будет жить дальше, когда женится? Без нас? Кто его будет защищать? Или этого состояния уже не будет?

— Нет, этого — уже не будет. Сейчас он сопротивляется её чувству, но в то же время заморожен им. Женившись, он будет спокоен, потому что обретёт гармонию в чувствах.

— Ты всё знаешь... — с некоторой завистью сказал Эймери.

— Мне пришлось изучить все материалы для телохранителя при Нормане, когда меня назначили его официальным другом, — вздохнул Фернан. — И не только при Нормане. Пришлось залезть в историю телохранителей при королях нашего государства, чтобы выяснить, что может ожидать меня в таком опасном деле. Поэтому я и учусь углублённо всем предметам, которые мне пригодятся.

— А почему ты мне раньше не сказал? — насутился Эймери.

— Вообще-то, я предполагал, что ты прочитал пункты договора, — улыбнулся Фернан. — Ну что? Кажется, Норман приходит в себя... Наверное, Синд больше не танцует... Норман, ты меня слышишь?

— Слышу... Что со мной...

— Всё нормально, — спокойно ответил Фернан. — Ни о чём не беспокойся. Сейчас придёшь в себя — сам всё поймёшь...

— Я видел Синд...

— Ты танцевал с нею? — невозмутимо спросил Фернан.

— Да. — Норман посидел ещё немного расслабленно, а затем даже внешне окреп и сел уже основательней. — Так. Что произошло?

— Мы думали у тебя узнать, — серьёзно, без тени насмешки сказал Фернан.

Эймери только покосился на него и снова уткнулся в дорогу перед машиной. Фернану лишь показалось — он проворчал: «Дипломат...»

...Синд остановилась с закрытыми глазами, едва дыша и уже начиная прислушиваться к внешнему миру. Почему у неё явственное ощущение, что она и в самом деле снова танцевала с Норманом? Почему до сих пор есть впечатление, что его рука продолжает крепко держать её за талию? Откуда этот странный холодный и сильный аромат трав и ночных цветов, который окутывает её так, словно она нечаянно пролила на пол и на себя редчайшие по изысканности духи?

Затаив дыхание, она нехотя открыла глаза и некоторое время потрясённо глядела на окружающие её травы, цветы и ветви кустов. Впрочем, они не только окружали. Вокруг неё самой сплелась настоящая беседка, которая её бережно поддерживала!

Машинально кинув взгляд на часы, Синд успокоила всполошённое дыхание: близко к четырём утра... Есть ещё время. А значит...

— Отпустите меня... — прошептала она. — Пожалуйста. У меня ещё работы много.

Мгновения тишины — и с еле слышным шелестом плети, мягко опутавшие её — поддерживая, принялись разворачиваться. Синд со странной радостью смотрела на шевеление трав и ветвей по комнате. Она не сердилась, что всё прекрасное, произошедшее с нею, оказалось всего лишь чудесным самообманом. Танцевать с Норманом — даже во сне удивительно хорошо! И закрыла ладошками рот: а ей-то казалось — они танцуют в громадной зале. В то время как весь танец происходил в крохотной комнатке. Ей казалось, они летят по прекрасному залу, украшенному розами, в то время как она всего лишь стояла у стола!..

— Вы не обижайтесь, — тихо сказала девушка травам и кустарниковым ветвям. — Но зря вы так меня... Хотя... Мне очень понравилось! Скрывать не буду! Это как сон, который кружит голову от счастья! Пока оставайтесь. Мне нравится, что вы пришли ко мне в гости. А я быстро закончу свои дела и провожу вас, — она улыбнулась, — как подобает хозяйке. Вы же подождёте?

И она снова принялась за шитьё — уже второго платья, то и дело поднимая голову и посмеиваясь от радости: кусты и травы по-своему решили распорядиться выделенным им временем и принялись украшать комнату, образуя странные, изящные, словно старинные завитки, рамы для окна, для двери и даже для часов на настенной полочке. Синд прекрасно понимала, что они выполняют потаённые её желания хоть чуть-чуть напомнить о доме. Но ей всё чудилось: они сами стараются обустроить её жилище и сделать его не той тесной коробкой с бедными предметами мебели, характерными для студенческой комнаты, а чем-то

иным, где хорошо и заниматься учёбой, и предаваться самым удивительным мечтам.

Повесив оба платья сестёр на единственную вешалку в шкафу, Синд осторожно прошла между травами, стараясь не наступить на них — на гостей! И, словно прячущийся заговорщик, выглянула во двор общежития. Гора с лесом, бывшая с этой стороны здания, легонько заалела с обеих сторон. Скоро рассвет. Пора прощаться с неожиданными гостями. Пока ни один травник не побежал за добычей в тот же лес.

Под ногами что-то шевельнулось. Синд, погасившая все магические огни с окончанием работы, пригляделась. Дикий плющ медленно поднимался к подоконнику, одновременно его плети снова мягко окружили девушку. Секунды — и Синд оказалась в кресле, а потом!.. Волна трав и ветвей стремглав выбросилась из окна — и хохочущую от изумления девушку понесло в лес! Она смеялась, вскрикивала от испуга, когда её слегка потряхивало в этом странном кресле — почти как на качелях! Ахала от какого-то невысказанного счастья и всё думала и думала о Нормане! Вот он! Вот он рядом! А может, он позади? Может его тоже несёт гигантской душистой волной где-то следом за нею?

Уже в лесу Синд не выдержала: ощущение присутствия Нормана было таким отчётливым! Она обернулась — и в древесных тенях (сердце стукнуло) мелькнула ещё одна тень, смутно человеческих очертаний...

...Норман, зажмурившись и вцепившись в спинку сиденья перед собой, зашептал что-то неразличимое, то и дело резко охая, а потом с каким-то облегчением смеясь. Несмотря на всё своё необычное состояние, принц выглядел странно счастливым. Уже испуганный этими неожиданностями, Эймери глянул в верхнее зеркальце.

— Что с ним опять?!

— С ним? С ним опять Синд! — Фернан уже не мог объяснять что-то конкретно: он только трясся от бесшумного смеха, закрывая глаза ладонью.

— Фернан, дьяволы! Надо что-то делать!

— Сейчас она успокоится — успокоится Норман. Тогда напомню ему о том, чтобы он закрылся от неё, — утешил друга Фернан. — Только вот... загвоздка есть. Захочет ли он закрываться? Вон какой счастливый. Ладно хоть — подъезжаем уже к их поместью...

...Вернулась Синд из леса с ранней добычей, набрав побольше тех трав, которые дают лучший сок именно в это время. Помня о том, что надо побыстрее и сок из них выжать, и успеть собраться выйти пораньше, чтобы добежать до сестёр — отдать им переделанные платья, она обратно, в общежитие, неслась так, что только пятки сверкали! На бегу здоровалась с теми травниками, которые спозаранку решили идти в лес и удивлённо окликали её: «Синд? Ты? Когда же ты спишь?»

Ну как им ответить, что эта эйфория, эта жадность к травам — оттого, что она дорвалась до любимого занятия, что теперь когда-то всего лишь увлечение теперь может быть поставлено на серьёзную основу? Она и не отвечала — лишь махала свободной рукой, и здоровалась, и смеялась!..

...Они сидели в машине, наблюдая, как мачеха, одетая так, словно собралась ехать сразу на посольский раут, а не в студенческое общежитие, величественно проходит между двумя рядами прислуги и садится в машину, дверцу которой придерживает...

— Неужели это дворецкий? — тихонько удивлялся Эймери. — Ну и замашки у дамочки! Она к этому привыкла? Или так хочется выглядеть достопочтенной?

— По рассказам Синд, я понял, что женщина очень богата, — задумчиво сказал Норман. — Но богатство ещё не значит... Фу-у... Уехала.

— Такое впечатление, — сказал Фернан чуть насмешливо, — что и вся прислуга вздохнула с облегчением.

— Как и мы, — скептически сказал Норман. — Ну что? Начинаем?

Они встали неподалёку от семейного поместья Синд. Вокруг было достаточно деревьев и кустов, чтобы спрятать под ними машину... Эймери негромко спросил, поглядывая на дорогу с клубившимися на ней облаками пыли:

— С чего начинаем? Норман, ты определил направляющие нити?

О последнем ему рассказал в дороге Фернан. Если душа ещё живущего, например в коме, человека не ушла навсегда, невидимые, тончайшие нити от неё могут привести к телу. Что, впрочем, справедливо и для мёртвого человека, чья душа по каким-либо причинам не смогла уйти в небытие. Норман в направляющих нитях души был специалистом высочайшего класса, поэтому главный спрос и был с него.

— Он не в доме. Надо объехать поместье и попробовать проникнуть в сад. Не знаю, почему сад, но чувствую — нити души тянут меня туда.

Эймери послушался и осторожно направил машину вокруг поместья. В дороге он пытался угадать, где же может быть помещён человек, лишённый души; человек, который не властен над самим собой, а полностью подчинён вздорной бабе, потому что та оказалась хитрей его. И Эймери благодарил бога, что ему так повезло — он смог встать рядом с тем, из-за кого ему волей-неволей, но придётся учиться магии и дальше.

В самом глухом углу, между лесом и поместьем, они оставили машину, припрятав её под огромным количеством сторожевых заклинаний. И не спеша вошли в сад.

Сначала показалось, что этот сад — продолжение леса, причём чащобного, настолько он был запущен. Продирались сквозь такие переплетения старых деревьев, что легче было бы распилить их, нежели попытаться отделить их друг от друга. Перескакивали такие мощные упавшие стволы, что те были соизмеримы лишь, может, с изгородью против чудовищ. А потом появилась тропа. Они вышли на неё как-то неожиданно — и замерли, прислушиваясь. Кусты здесь стояли плотной стеной — то есть за ними всё же в этом месте ухаживали. А может, не за ними ухаживали. Может, поддерживали в хорошем состоянии именно тропинку.

Трое парней стояли недолго. Норман первым перестал вслушиваться.

— Как Синд и сказала: тропа служит связью между двумя поместьями — её и крёстной. Наверное, эта крёстная ходит здесь, чтобы сидеть с телом её отца. Идём.

Он повёл их за собой, всё так же высоко держа голову — прислушиваясь к малейшему шороху, скрипу или треску. Пару раз все вздрогнули: резко и хрипло вскрикнула какая-то птица. Здесь, в этом тёмном глухом уголке, всё казалось угрожающим. Тем не менее, принц продолжал идти впереди — под внимательным надзором своих друзей-телохранителей... Если бы Норман не держал руки слегка приподнятыми, даже Фернан не разглядел бы тех нитей, о которых было сказано, — так понял Эймери. Но даже Фернан сильно напрягал глаза, чтобы увидеть то, чего легко и невесомо касается принц.

Как в самом настоящем лесу, перед ними внезапно расступились деревья. Они очутились на светлой маленькой полянке, на которой высилась чуть сторбившаяся избушка, чуть не вросшая в мшистую землю...

— Сторожка? — не выдержал Эймери. — Она выкинула его в сторожку? Даже не оставила дома?! — Он не мог подобрать слов, чтобы выразить своё возмущение.

— Стучим? — вопросительно взглянул на принца Фернан.

— Нет, не обязательно. — Принц подошёл к двум покосившимся ступеням и осторожно положил ладонь на что-то в воздухе.

И отошёл. Эймери сообразил, что он коснулся защитного заклинания. Или сторожа. Но настолько опять-таки тонкого... Разглядел ли Фернан? «Надо начать посещать все занятия по усилению проникающего взгляда», — решил раз и навсегда Эймери.

Дверь не заскрипела, как ожидалось. Хоть и открылась медленно, словно остерегаясь... Эймери забыл, как дышать... Прекрасная женщина, странно сияющая, с белыми косами, струящимися по груди, в длинном тёмно-зелёном платье, безо всяких украшений, не считая настоящей розы, сахарно-алым бархатом темнеющей на плече, внимательно оглядела пришельцев и присела перед Норманом:

— Доброе утро, ваше высочество! Рада видеть вас и ваших друзей.

— Доброго... — проговорил принц, не сводя с неё зачарованного взгляда.

Женщина помолчала немного. Улыбка, приветливая и умиротворяющая, постепенно погасла, потемнели глаза глубоко синего цвета. Женщина поклонилась:

— Войдите, господа. Дорога ваша была долгой. Я напою вас и накормлю, а потом вы расскажете, с чем прибыли. Прошу вас.

И с новым поклоном она отошла вглубь избушки, пропуская мимо себя всех троих.

Сразу после приглашения парни немедленно перегруппировались: перед принцем шагнул Эймери, позади — встал Фернан. Обычная ситуация, когда надо войти в незнакомое помещение. Норман привычно поморщился, но подчинился.

Вот только Эймери в дом войти не смог. Он наткнулся на невидимую силу, которая его не пропустила. Попробовав поднажать, он, по впечатлениям, слегка прогнул преграду, словно жёстко натянутую парусину, но проломить или порвать её не смог. Изумлённый, он попытался «увидеть» её, но всех его сил хватило лишь на видение некоего призрачного марева, блеснувшего раз и снова пропавшего.

— Дай я... — с удивлением сказал из-за спины принца Фернан.

Норман остановил его.

— Времени мало. — И спокойно перешагнул порог. Затем, обернувшись, подал руку сначала Эймери, а затем Фернану, переводя обоих.

Женщина, сиявшая слабым светом даже в полумраке сеней, лишь улыбнулась и пошла впереди. Она быстро поставила на стол посередине единственной комнаты поднос с лёгкой выпечкой и кувшин. В один из бокалов налила сок и поднесла принцу. Тот кивнул и спокойно выпил. Друзья взяли по печенью и остались у стола, а Норман, оставив бокал на столе, пошёл следом за крёстной Синд. Фею не узнать невозможно — хотя бы по тому сиянию, которое она распространяет вокруг себя и которое легко разглядит даже самый обычный человек. А у фей свои законы гостеприимства. Выполнить хотя бы часть из них — пройти проверку, хотя они кажутся примитивными. Норман проверку прошёл.

Фея, не представившись, что подсказало: визит будет коротким, — шагнула к занавесям-гобеленам, выцветшим от старости, и слегка откинула один из них, оглянувшись и тем безмолвно приглашая Нормана. Когда он подошёл ближе, она первой шагнула за гобелен. И, нисколько не сомневаясь, принц последовал за нею. Они очутились в небольшой комнатке, отделённой от основного помещения при помощи тех же гобеленов. Здесь из мебели была лишь кровать — скорее, даже старинная низкая лежанка, примыкающая к камину. Постель на ней была чистой и белой, отчего неподвижно лежащий здесь человек выглядел мертвенно серым.

Принц подошёл к кровати, пристально взгляделся в запавшие закрытые глаза когда-то сильного мужчины — сейчас почти мертвеца, а потом взглянул в сторону камина. Фея выжидательно следила за его действиями, не отходя от «порога».

— Я расскажу, — негромко сказал Норман, продолжая смотреть не на человека в постели, а на тень у камина, и фея тихо улыбнулась. — А вы только кивайте, если я буду прав. Феи ничего не понимают в некромантии, а тем более в некромагии или в экзорцизме. Их область — жизнь. Ваша жена — ледяная ведьма. Она привела экзорциста, тоже ледяного колдуна, и спрятала вашу душу в шкатулку — под стерегущее заклинание. Я прав? Именно это произошло?

Тень у камина колыхнулась. Фея, ставшая серьёзней, прошелестела от гобелена:

— Об этом я не знала. Мне казалось, эта женщина опоила его чем-то.

— Она пользовалась вашим именем, — продолжал Норман, — чтобы получить доступ не только к вашему имени, но и к нашему миру. У ледяных колдунов свои представления о мире, и они не совпадают с общечеловеческими. Если бы не Синд, никто бы ничего не

узнал. А отец Синд очень благороден. Поэтому принял на себя ношу помочь вдове и детям своего друга...

— Нет, не детям... — снова прошелестела фея.

На этот раз Норман обернулся.

— Сёстры Синд не дети его друга-однопольчанина?

— Нет. До него был обычный человек, за которого родители ей не разрешили выйти замуж. — Фея помолчала в нерешительности. — Но, кажется, она вышла за него, потому что её родители в одночасье погибли. История с тёмным пятном. Я не присматривалась к этой женщине, пока не узнала, что у её дочерей очень маленькие магические способности. Поэтому после смерти мужа она рвалась приехать сюда, в наш мир, где девушки с таким слабым талантом к магии не погибнут. Ледяные колдуны не любят полукровок. Муж её, человек, тоже прожил недолго. История запутанная.

— Значит... — Принц задумался и снова посмотрел на тень. — Я могу вернуть душу в тело, если вы последуете за мной.

— Ваше высочество... — Фея склонилась перед ним в поклоне.

Они вышли в комнату, где принца дожидались друзья.

Фея вздохнула и протянула Норману обычный воинский знак.

— Тень пойдёт за вами, если в ваших руках будет вот это. Я не спрашиваю, сумеете ли вы сделать то, что обещали. Вы сильный и уверенный. И вашей уверенности верю. Прежде чем уйдёте, хочу предупредить: вы прошли из леса сюда и никого не встретили, но эта женщина запустила в сад ледяных зверей. Будьте осторожны, уходя. И ещё. — Фея взяла с подоконника мешочек и протянула его Эймери. — Пожалуйста, положите эту вещь в комнате Синд. Это мой подарок крестнице — на празднества.

Норман несколько удивился (как и Эймери, впрочем), почему именно тот должен передать подарок Синд. Поэтому мимо его внимания прошло другое: подарок должен быть положен в комнате, а не передан. Но все трое распрощались с феей быстро и заторопились уйти, чтобы успеть до обеда в университет.

...Несмотря на возню с травами, Синд многое успела за утро.

Напевая и даже пританцовывая, она прикинула время и даже решила сама отнести чуть переделанные для сестёр платья в их апартаменты. Она пробежала со своего второго на их пятый и осторожно нажала ручку на новой двери. Улыбнулась. Новая дверь! Они всё-таки поставили! И тут же усмехнулась: сёстры так и не привыкли, что младшей сводной сестры нет в их апартаментах! Дверь не закрыта! Привыкли, что она закрывает... Она проскользнула в помещение и, повесив платья на спинки стульев, перенесла один стул к комнате-спальне Ивет, а второй — к Лунет. А шагая назад, рассеянно, по привычке, даже не думая, что делает, собрала с пола разбросанные вещи и разложила их по местам. Долго придётся сёстрам отвыкать от бесплатной прислуги!..

У порога оглянулась. Проверила замок, поняла, как он закрывается. Вышла, закрыла дверь и погладила отверстие замка, прошептав защитное заклинание. Щелчок раздался негромкий. Теперь никто из посторонних не сможет войти к сёстрам, пока они спят. А уж будить их Синд точно не собиралась. Слушать их новые жалобы на «помощницу», которую для них нашла мачеха? Не больно-то хочется.

И Синд побежала вниз, к себе. Надо ещё собраться на первую пару.

Дверь её комнаты была полуоткрыта. Но Синд не испугалась. На косяке «висело» предупреждение: «Синд! Не бойся! Это я здесь!!»

Она распахнула дверь и весело сказала:

— Доброе утро, Мартина!

— Доброе! — отозвалась рыженькая воительница, сидевшая на стуле у окна. — Ты где гуляла? У тебя было открыто — я и вошла.

— Что с ногами?

Мартина сидела на стуле не абы как, а упираясь в сиденье одной ногой и глядя пятку ладонью — явно морщась. От вопроса Синд хмыкнула.

— Травница, да?

— Конечно — спрашиваешь ещё. Что случилось?

— Не знаю, трещины по краям стопы пошли. Вроде незаметно, а боль раздражает. И стоять не всегда удобно: чуть не так ступила — трещины кровавят.

— Та-ак, признавайся! Где, по какому льду бегала босиком? Или где перестояла на холодном? Ну-ка, встань! — Синд нагнулась и ладонью от стопы рыженькой воительницы, будто прислушиваясь, провела до её талии, подержала. — Та-ак. Всё с вами ясно.

— Это не слишком серьёзно? — обеспокоилась Мартина.

— Драться сможешь и дальше! — засмеялась Синд. — Не пугайся. У тебя два выхода из положения. Оба лёгкие. Или бежишь в столовую и там договариваешься с поварами, чтобы они тебе дня три оставляли свежий укропчик — пожевать. Впрочем, можно договориться и с огородниками — будешь к ним бегать те же три дня. Или могу дать сушёного укропа, чтобы заваривать и пить отвар. Выбирай. Ты сильно простыла.

— Температуры нет, — подозрительно заметила Мартина. — И я ничего не чувствую.

— А этого не замечаешь, пока осложнения не начнутся. Это внутренняя простуда, — отозвалась Синд и открыла дверцу шкафа. — А пока могу дать смягчающую мазь на ромашке с лимоном. Не бойся — можешь намазать кожу прямо сейчас. Она хорошо впитывается, и уже к вечеру трещины кровоточить не будут, а ножки будут просто прелесть. Вот. Так где ты была вчера, после того как все разошлись?

— В спортзале, — призналась рыжая воительница. — У нас нет первой пары, поэтому я решила потренироваться ночью, чтобы Эймери снова меня не уел. А спортивной обуви не взяла. Сама знаешь, что туда без обуви не пускают. Ну и пошла — босиком.

— Разве вы с ним ещё не додрались? — удивилась Синд, фарфоровой ложечкой аккуратно переправляя мазь из большой крытой чашки в плоскую баночку. — Мне казалось, вы уже всё выяснили!

— Нет. Сегодня сразу после четвёртой пары ещё один поединок — помнишь, я говорила? На сладости. Если я проиграю, платит он.

— Странное условие — выигравший платит, — сказала Синд, быстро запихивая в сумку тетради.

— Так он это... типа меня поддразнить. Но я ему сегодня покажу! — пригрозила рыженькая воительница. — Пусть не думает, что я не в состоянии за себя платить!

— Но тебе придётся платить и за него!

— И что? Не видела, какой он тощий? Он же как девчонка — не ест, а только клюёт.

— Мне казалось, он такой тощий из-за тренировок. Берегись, Мартина! А вдруг он из тех, кто ест с удовольствием, но сам — про кого говорят, не в коня корм?

— Счастливый! Мне бы так! — с сожалением вздохнула Мартина.

— Глупая, — снисходительно сказала Синд. — А вдруг он присмотрелся к тебе по закону контраста? И учти: ты не пухлая, а просто слегка плотненькая! И что-то я вообще не

видела на факультете боевой магии тощих девушек!

Их занимательный разговор перебили. В дверь торопливо постучали, и Синд пригласила войти. Одновременно со стуком Мартина слетела со стула, на который снова было уселась, и уже с мечом в руках выжидала, кто появится на пороге. Синд улыбку спрятала: ей уже сказали — кто. Три веточки плюща, банку с которыми она поставила на небольшом выступе стены у двери, замагиченные на охрану — сторожили неплохо.

Так что, когда возбуждённые ребята ворвались в комнату, она сразу сказала:

— Привет! Доброе утро!

— Привет-привет! — азартно воскликнул Рик. — Девочки, мы разгадали! Ура нам!

— Ура! — деловито сказала Мартина, выдирая из его рук стопу бумаги. — Ну-ка, показывайте! Не держи так сильно — порвём!

— Это ты порвёшь — ишь, нетерпеливая! — добродушно сказал Александр. Золотистый дракон выглядел расслабленным и жутко довольным. Зато Бреки не шёл за ним, а подпрыгивал, не в силах сдержать радости! Ладно хоть дверь закрыли.

— Ух ты! — восхитился тем временем Рик, встав перед открытым шкафом. Бреки тут же примчался посмотреть, что интересного нашёл старший брат. — Вот это да! Синд, это у всех травников такое, да?

— Какое там у всех! — махнула рукой Синд, с улыбкой глядя, как братья рассматривают полку, забитую склянками. — У меня меньше всех. Пока, конечно. Ничего. Два месяца у сестёр я доберу быстро. Правда, мне посуды не хватает, придётся сегодня или завтра сбегать к стеклодувам.

— Ещё банок набрать? — ужаснулся Рик.

— Хм... Вчера, Бреки, ты вроде себе пару из травниц нашёл? Сбегайте к ней как-нибудь в гости и посмотрите, на что похож её одёжный шкаф, — усмехнулась Синд. — И потом... Кто бы говорил! У вас у самих вся комната как будто завалена камнями и всем, что вы притащили с берега, да и с самого моря.

— Но у тебя тут сушёные травы — всего лишь, — возразил Бреки. — А у нас талисманы и обереги. Мы делаем их заранее, чтобы потом не тратить время на поиски...

— Эй, травники и стихийники! — сказала Мартина. — Дракон сейчас от ваших разговоров заснёт! Думайте давайте, когда пойдём на пляж проверять, правильно ли мы расшифровали защитное заклинание.

— Хм... Заснёт... — проворчал Рик. — Подерись с ним — вот и не будет спать.

— Не здесь же! — фыркнула Мартина и с ног до головы оглядела Александра, изумлённого этим смелым и даже рискованным заявлением. — Вот выйдем погулять — тогда и посмотрим.

Пока друзья перебрасывались поддразнивающими репликами, Синд, прислушиваясь к ним и посмеиваясь, быстро надела все свои обереги, схватила сумку и напомнила:

— Ребята, опаздываем.

Они выбежали из комнаты, оживлённо переговариваясь. Синд обернулась, махнула рукой на дверь, «вбрасывая» в неё заклинание сторожа. Девушки спускались по лестнице позади всех, поэтому Мартина быстро спросила:

— Синд, что у тебя с платьями? Всё успеваешь?

— Сёстрам сделала — отнесла. После пар в лавке возьму ткань, быстро прошью её в «трубу», слегка приталю — вот и моё бальное платье. Как тебе эта идея?

— Точно успеешь?

— Конечно.

— Прости, Синд, за следующий вопрос, но что у тебя с обувью на бал?

— Ой... А, потом придумаю что-нибудь. У меня ведь целых две стипендии! Ты вот сама не забудь: баночка у тебя в сумке — ноги смазать.

Рыженькая воительница с сомнением покосилась на неё.

Перед тем как разбежаться по группам, на крыльце корпуса для первокурсников они остановились на минутку и быстро уговорились, что на пляж для випов пойдут после четвёртой пары. Мало ли у кого сколько пар.

— Девушек бы ещё своих взять, — мечтательно сказал Рик.

— А это не будет излишней наглостью? — скептически спросил Александр — и неожиданно мечтательно улыбнулся.

— Давайте так, — сказала Синд, посмеиваясь. — Сегодня без девушек, но завтра выходной для всех. Так что вряд ли сторожа на виповском пляже успеют поменять формулу заклинания. Успеете и проверить, всё ли нормально с расплетённым заклинанием, и похвастать перед своими девушками.

Все засмеялись и побежали по местам.

Встретиться собирались на второй паре — на общей лекции по «Основам магической безопасности». Третьей — вздохнула от предвкушения Синд — будет тоже общая, по истории Архипелага. И читает её Норман. «Ура!» — тихонько шепнула девушка, быстро проходя между столами к своему месту. Спустя минуту в кабинет вбежали две опаздывающие травницы, а следом появился преподаватель. Он сразу встал за небольшую кафедру и принялся выкликать по фамилиям присутствующих, после чего быстро устроил фронтальный опрос по домашним темам. Когда вся загнанная до состояния «ни вздохнуть, ни охнуть» группа «проснулась», он насмешливо велел открыть тетради и записать несколько заклинательных формул для лечения особой категории ран.

Синд было легко. Эйфория от странной энергичной ночи и раннего деятельного утра всё ещё бурлила и кипела внутри. Она легко сосредоточилась на теме урока, но брошенная Мартиной реплика застряла в душе, и вскоре урок будто отошёл в сторону... Туфли... Да, платье сшить легко из куска ткани... Но обувь не сошьёшь...

Или попробовать сшить? Нет, придумать она, Синд, горазда... Какие-нибудь, скажем, лёгкие тапочки с лентами вместо завязок — пойдёт, как оригинальные туфельки... Но хватит ли времени? Тратить денег на туфли, которые пригодятся лишь на один вечер, а потом сидеть без копейки... Ну хорошо, у неё есть подспорье — бесплатные обеды, которые она уже придумала забирать как сухой паёк, что в столовой разрешается. Да и братья-стихийники всегда помогут не голодать: оба любители сушёной рыбки...

Она глубоко вздохнула. И хочется, и колется... Норман... Надо думать о том, что на вечере будет Норман! А уж безденежье она переживёт. А ещё... Сёстры поняли, что всё же можно продолжать обращаться к младшей сестре — и Синд поможет. Значит, без работы она не останется. И будут деньги. Потому что сёстры соображают.

— ... Синд!

Девушка встрепенулась — и захлопала глазами: в кабинете никого! А потом почувствовала что-то странное вокруг себя, оглянулась и ахнула: она сидела словно в кресле — среди крепких рябиновых ветвей, оплетённых диким виноградом.

— Замечталась, Синд? — улыбнулся ей преподаватель, стоящий у её стола. — Пара закончена. Можешь идти на следующую. До свидания.

— До свидания, — пролепетала девушка, лихорадочно отпуская магические растения расплестись и исчезнуть и одновременно засовывая в сумку конспекты и обереги, сделанные на практикуме. Кажется, преподаватель решил, что замечталась она лишь под конец урока. Фу-ух... Пусть так думает! Она любит его уроки, и будет жаль, если он начнёт относиться к ней, как к лодырю.

Следующая пара на втором этаже. Девушка буквально взлетела по одной лестнице, прыгая через ступеньку, крутанулась на площадке с поддержкой за перила взлететь по другой. И резко остановилась, чуть не врезавшись в кого-то, когда ей внезапно преградили путь, схватив за локоть.

— Ой, извините... Я нечаянно... — суматошно заговорила Синд и подняла глаза. И замерла. Несмело улыбнулась.

— Синд... — тихо сказал Норман, а два его друга выглянули из-за его спины, кивнули девушке и обошли пару, спускаясь далее.

— Здравствуйте, — чуть дыша выдохнула Синд, жадно всматриваясь в его серые глаза и про себя уже только тихо умоляя, чтобы принц не отпускал её руку. У него сильные пальцы, сухие и горячие. И пусть мимо пробегают студенты и преподаватели, исподтишка, а кто — напрямую поглядывая на них...

— Мы на «ты», — покачал головой Норман и потянул её за собой — к витражному окну на лестничном пролёте. — На пару слов, а? Синд, ты ведь придёшь вовремя на церемонию посвящения в студенты?

— Конечно, — удивилась она. И хмыкнула. — Даже если бы попробовала опоздать, мне бы не дали этого сделать. Ребята придут за мной. И мы вместе пойдём на посвящение. Милорд... Ой... Норман, а вы... — Улыбка медленно таяла на губах. — Вы...

— Мы почти разгадали тайну твоей шкатулки, — серьёзно сказал принц, догадавшийся, о чём она хочет спросить. — Если будут какие-то открытия, ты узнаешь первой. Обещаю. Я о другом. Ты знаешь, что сегодня приезжает твоя мачеха?

— Знаю. Сёстры сказали.

— Тогда ничего больше говорить не буду. Кто предупреждён — вооружён, — улыбнулся принц и, приподняв её руку, поцеловал ладошку.

Синд только привычно начала садиться в книксене перед ним, как Норман кивнул ей и быстро спустился к ожидающим внизу друзьям... Стараясь, чтобы губы не слишком откровенно расползались в счастливой широченной улыбке, Синд пошла к лестнице — и снова столкнулась с кем-то, кто загородил ей дорогу.

— Баронет Вустер? Добрый день! — На этот раз Синд учтиво присела перед толстяком, вставшим на её пути.

— Добрый, — недовольно пробормотал баронет и с привычной для Синд претензией в голосе спросил: — Как это его высочество выбрал тебя своей парой на бал? Как ты с ним познакомилась? Или тебя познакомили?

— Нет, нас не познакомили, — вздохнула девушка, стараясь быть светски сдержанной и с трудом удерживаясь, чтобы не посмеяться. — Я упала на его высочество. Правда, падая, я не знала, что он принц Норман. Да и не думала, что он будет в месте моего падения.

— А почему ты упала? — удивился Вустер. — И как это вообще возможно — упасть на человека?

— Просто, — невозмутимо ответила Синд, уже пришедшая в себя как от неожиданного появления Нормана, а за ним баронета, так и от внезапного допроса. — Мы, наша компания,

играем в охотников. — Она улыбнулась его ошарашенному виду. — Вы не знали, что моя вторая специализация — боевая магия? Так что такие игры — лучшая практика для того, кто умеет не просто носить меч!

— Нет, не знал, — выдавил баронет и попятился, уступая ей дорогу. — Что ж, желаю вам хорошенько повеселиться на балу, Синд.

— Благодарю вас, баронет Вустер! — Она снова присела перед ним в хорошо выверенном, строго церемониальном реверансе, жёстко держа спину. И легко упорхнула в аудиторию, с изумлением припоминая его последнюю реплику: баронет обратился к ней на «вы»! Бывают же в жизни чудеса!

Свалившись на скамью, на которой уже сидела вся компания, Синд осторожно толкнула локтем руку Мартины и сказала:

— Я выбрала новую специализацию. Буду учиться дальше практической боевой магии, которой начинал учить меня отец! Нечего зря штаны просиживать и учиться тому, что в жизни вряд ли пригодится!

— Ура! — завопила рыженькая воительница и обняла Синд.

— А что случилось? — поинтересовались парни.

— А ничё! — гордо сказала Мартина. — Нашего полку прибыло! Теперь не только я буду гонять вас с мечами в поединках, но и Синд! Вы знаете, какую она специализацию выбрала? Ага! Будем лупить всех, кто попадётся под горячую руку! Ура Синд!

Далеко-далеко прозвенел звонок. Студенты притихли с приходом преподавателя и принялись строчить в тетради лекцию. А Синд опять писала вполуха и вполглаза, а сама будто летала, как летели события — вместе с нею и вокруг неё. Она чувствовала себя твёрдо стоящей на ногах только в одном вопросе — в учёбе. Но всё остальное было настолько зыбко! Шкатулка с медальоном отца, Норман, который был сегодня поразительно ласков с нею, хотя она даже не заметила его, чуть не сбила с ног, не ухвати он её за руку, придерживав на бегу. Но ведь он не рассердился...

— Ой... — шёпотом испугалась Синд и огляделась: не появились ли где травы или кусты.

— А мне нравится, — прошептала Мартина, поглядывая между собой и столешницей.

Синд откачнулась на спинку скамьи и заглянула: что там рассматривает рыженькая воительница? И шмыгнула носом, не зная, как реагировать... Розы росли из-под стола, и Мартина, то и дело наклоняясь, с удовольствием принюхивалась к их бархатным соцветиям.

...Парадно и богато одетая женщина, которая блистала драгоценностями и которую стражники легко узнали, мигом припомнив по множеству предыдущих скандалов, и пропустили в общежитие, неостановимым вихрем, словно молоденькая, промчалась по лестницам на пятый этаж и ворвалась в апартаменты дочерей. Маршевым шагом прошла до одной комнаты, распахнула дверь в неё и, встав на пороге, ткнула кулаки в бока. Затем, вдоволь налюбовавшись представшей её гневному взору картиной, перешла к другой комнате и снова встала на пороге в позе чуть не боевой магини.

Через минуту в апартаментах бушевала гроза!

Личная лаборатория принца, больше похожая на просторный кабинет, в подвальном зале факультета некромантов освещалась магическими огнями под потолком так мощно, что не скажешь — она находится глубоко под землёй. Сейчас в ней находились четверо: Норман, оба его друга и тень.

— Итак. — Норман, стоящий, как и телохранители, возле лабораторного стола, вздохнул и чуть повёл плечами: в самом начале ритуала возвращения души в тело в помещении, где проводится интро-экзорцизм, всегда становится не просто холодно, но промозгло. — У нас есть медальон с запертой в нём душой и остаточная эфирная энергия человека — его призрак. Чтобы отец Синд вернулся полноценным человеком, я должен распутать запирающее заклинание. Его формула готова. Если всё будет сделано правильно, призрак исчезнет, а человек в сторожке очнётся от странных сновидений, в которых он сейчас блуждает. Все всё поняли?

— Все, — откликнулся Эймери.

— Фернан, что с защитой?

— Лаборатория закрыта наглухо. Пока не закончишь с медальоном, информации отсюда ни на гран не выйдет.

Норман скользнул проникающим взглядом по стенам лаборатории. Кивнул. Оба друга остались рядом — с двух сторон от стола, на котором стояла только шкатулка в окружении нескольких зажжённых чёрных свечей. Свет светом, но и живой, не магический огонь тоже нужен. Принц осторожно положил руки на крышку шкатулки и, шёпотом читая первое заклинание из целой цепочки заготовленных, медленно открыл её. Медальон оказался в его руках — на одной ладони, сверху прикрытой другой. Пара секунд молчания — и Норман, закрыв глаза, заговорил уже в полный голос — монотонно, но чётко проговаривая слова. Телохранители следили за тенью.

Проговаривание не прерывалось ни на миг. Принц читал заклинания, не сбиваясь, в то время как друзья вдруг качнулись к столу, а потом с трудом выпрямились, когда огни свечей резко взлетели, а тень, жавшаяся в самом тёмном углу лаборатории, метнулась к столу и пропала в свечном кругу. Руки Нормана внезапно опустились — такое впечатление, что медальон в его руках отчётливо потяжелел. Он, всё так же монотонно проговаривая слова, сумел удержать медальон над столешницей. Вскоре его руки снова поднялись на нужную высоту — сначала с усилием, а потом чуть не дёрнулись от внезапной лёгкости. Норман, чьё лицо блестело от пота в свете огней, а голос уже начинал сипеть, мгновенно оборвал речитатив и открыл глаза. Некоторое время смотрел на медальон, словно не веря. А потом огляделся, освобождённо вздохнул и улыбнулся.

— Человек вернулся. Теперь фея сможет увести его в своё поместье и спрятать, пока он слаб. А уж когда он войдёт в силу, пусть решает сам, что делать с женой. Мы и так слишком сильно вмешались в дела отдельной семьи.

Друзья знали, что имеет в виду Норман: будучи, пусть и нескоро, правителем, который даже не будет фактически править, и сильным магом государства, он не имеет права вмешиваться в дела чужой семьи без просьбы со стороны глав семьи. Лично исправлять её будущие линии судьбы и жизни на уровне эгрегоров — это действие может негативно повлиять на судьбу его собственной семьи, пока Синд ему чужая, а также на дела целой страны.

— Ты скажешь об этом Синд? — спросил Фернан. — Ты обещал!

— Мачеха здесь, — задумчиво сказал Норман, снова вкладывая медальон в шкатулку и закрывая её. — Пока отец Синд слаб, неплохо бы, чтобы о нём никто не знал. Пока промолчу. Иначе она не сможет вести себя с мачехой как обычно. А мы не знаем, на что способна эта ведьма. Как только крёстная фея даст мне знать, что с отцом Синд всё хорошо, можно будет сказать. Пара ещё не кончилась?

— Ещё с полчаса есть, — сказал Эймери, во время ритуала машинально и до судорог вцепившийся в рукоять меча. — Успеем дойти до аудитории.

— Ага... — уже рассеянно сказал Норман, промакивая лицо салфетками. Он о чём-то усиленно размышлял, и друзья вопросительно поглядывали на него. Но наконец он встряхнулся, снова вздохнул и подошёл к одному из стеллажей лаборатории спрятать шкатулку — не только за прозрачной дверцей, но и под парой охранных заклинаний. Дело сделано, но рисковать предметами, которые теперь принадлежали только Синд, он не хотел.

Затем он взял свои конспекты для лекции, выждал, пока телохранители не уберут защиту со стен лаборатории, и первым вышел из неё. Пока он шёл впереди друзей, губы постепенно смягчались в усмешке. Наложённое ледяной колдуньей заклинание на медальон для него, после анализа, оказалось достаточно лёгким. Имеет ли он право просить за такое дело награду от Синд? И поднял брови, вздыхая: пока не расскажет, что всё получилось, — не имеет. Зато прошедшая ночь объяснила, как относится к нему Синд, — и это так восхитительно!.. Поймав себя на счастливой мальчишеской улыбке, Норман уже усмехнулся и деловито зашагал дальше.

Третья пара — это было испытание!

Для начала девушка всё-таки не выдержала. Когда первый курс вваливался в аудиторию, где Норман будет читать лекцию по истории Архипелага, она не пошла, как обычно, сразу к лестнице на свой ряд, а словно по инерции движения входящей толпы сначала прошла мимо стола лектора и кафедры и украдкой бросила на них по паре семечек, заговорённых только на принца.

В конце предыдущей пары она долго размышляла, как сказать Норману, что он ей очень нравится! Ведь так хочется, чтобы он знал! Вырастить розу? Эти цветы хоть и главные в любовной магии, но они очень капризные, когда их посылаешь специально. Это вылезают они сразу и щедро, когда не надо, но в направленной магии...

Покопавшись в памяти, Синд выудила из уроков крёстной воспоминание о древнем сильном афродизиаке — о цветах шиповника. Вот это подойдёт! Шиповник более послушен наговору травника-мага. Тем более, как все травницы университета, Синд носила часть своего набранного в лесу добра с собой, в оберегах и в самодельных украшениях, которые носят даже парни-травники. Правда, у парней это часто украшения поясов и холщовых

сумок, хотя многие не стесняются и более изысканных украшений, а девушки себе могут позволить и заколки, и браслеты — любую бижутерию, почти боевую, потому что, скажи кто, что вся эта бижутерия — дешёвка, травник или травница только усмехнутся... А потом — держись, обидчик!

Синд крутилась и так и этак: часто и взволнованно поглядывая под стол, да присматриваясь в тревоге к самому Норману, она еле успевала записывать за принцем: получилось ли? Пока Мартина не сказала ей снисходительно:

— Забудь! Мало ли... А если будет прорываться сильно — скажу тебе.

— Ага, мы тоже будем помогать, — сказал Рик, удивлённый активностью травнической магии Синд так же сильно, как и Александр и Бреки.

Синд покраснела. Хорошо, что братья-стихийники не очень хорошо соображают в травнической магии! Оба на предыдущей паре успели выпросить у девушки разрешения сорвать стебли выросших роз, чтобы на перемене сбегать к своим бальным парам. Вернулись — довольные! Выбравшие их девушки были в таком восторге! Мартина, выслушав радостных стихийников, подмигнула Синд: всё понятно! Роскошные цветы были подарены на виду у всех! А многие ли парни сообразили одарить свои пары таким заметным подарком? Вот девушки братьев и счастливы. А ведь не... Улыбка слетела с губ рыженькой воительницы, едва она логически додумалась до причины появления роз: а ведь роз и не было бы, не будь влюблена сама Синд... Синд покраснела ещё больше. Но, подумав, Мартина снизошла и обещала помогать с магическим проявлением чувства юной травницы... Правда, нетерпеливую возню и частое поглядывание подруги на принца Мартина тоже поняла по-своему.

Норман стремительно вошёл в аудиторию, сразу после того как её проверили Фернан и Эймери и остались ожидать его у стола.

Он привычно разложил бумаги с конспектами на столе, взял нужные для первого часа лекции и встал за кафедру. Локти привычно опёрлись на край кафедры — и Норман почувствовал, как что-то дотронулось до его запястий. Постаравшись не вздрогнуть от неожиданности: друзья пропустили что-то, обыскивая помещение? — принц опустил глаза вниз. А потом скосился на своих телохранителей. Те спрятали улыбки и уткнулись глазами в стол, у которого сидели. Они видели! И не предупредили!

Мысленно пожав плечами, Норман начал лекцию, стараясь не сбиваться при взгляде на две корявые веточки, которые деликатно оплетали его кисть, мгновенно покрываясь мелкими розовыми соцветиями, пахнущими так сладко!.. Правда, от этого аромата голова не кружилась, и мысли не путались, за что Норман был благодарен Синд. На него уже сделали несколько десятков покушений за время учёбы и преподавания, и многие из них он вспоминал с содроганием. Недоучившиеся студентки, старавшиеся заполучить принца в свои любовные сети, как правило, придумывали такие заклинания, что была пара случаев, после которых Норману было тошно во всех смыслах слова.

Но сейчас его губы лишь мягко трогала улыбка, когда он посматривал на изящный браслет на собственной кисти, от которого протянулась веточка к одному из пальцев для последнего штриха — для кольца. Он уже проверил: с первых учебных столов браслета не видно. И позволил шиповнику заканчивать свою работу.

Но после первого часа пары, за минуту до звонка на перемену-пятиминутку, Норман оглядел присутствующих и звучно сказал:

— Студентки Мартина и Синд, после этого часа будьте добры явиться на перемене в

лаборантскую при данной аудитории. — И, закрыв конспекты, спокойно подошёл к столу, от которого немедленно поднялись друзья — проверить небольшую лаборантскую комнату, часто использовавшуюся преподавателями для отдыха в перерыве между парами или в личные «окна».

Прозвенел далёкий звонок. Аудитория зашумела, зашелестела, а две подружки насторожённо спустились к лаборантской комнате, куда уже вошёл Норман.

— Добрый день, — приветствовал он, едва они появились на пороге.

— Добрый, — нестройно ответили девушки в один голос и переглянулись.

— Мартина, — обратился Норман к рыженькой воительнице, — у меня личная просьба. Если есть возможность, не могли бы вы побыть при вашей подруге в качестве телохранителя? Не постоянно. Время от времени. Вы подруги. И никто не будет удивляться, если все дни, пока здесь на празднествах присутствует мачеха Синд, вы будете рядом с подругой.

— Можно, — задумчиво сказала Мартина, кажется уже прикидывая, каким образом она всё сделает.

— Только сделать это надо ненавязчиво, чтобы никто не догадался, — напомнил принц.

— Конечно.

— Спасибо. Теперь мне нужна минута для беседы с вашей будущей подопечной, — сказал Норман, и Мартина, кивнув, вышла из лаборантской. Кажется, она решила, что принц оставляет Синд, чтобы дать ей свои наставления. Норман ещё услышал, пока дверь была открытой, как Эймери встречает Мартину каким-то вопросом...

Синд вопросительно смотрела на принца. Тот выждал, пока слегка хлопнет дверь в лаборантскую. Нет, конечно: место, где стояли оба, не просматривается со стороны двери в аудиторию, но... Дверь хлопнула, и Норман быстро поднял Синд под мышки и усадил её на стол. Она только ахнула — так быстро и сильно он это сделал.

Он насмешливо взглянул её в глаза и покрутил поднятой рукой, чтобы рукав пиджака слегка сполз. На свет показались шиповниковый браслет и нечто похожее на кольцо. Девушка вспыхнула и опустила глаза.

— Я... — тихо сказал Норман, и горло у него перехватило: примет ли она его странную благодарность? Вплотную шагнул к ней, ссутулившись сидящей на краешке стола, взялся за её плечи и крепко поцеловал её. А потом — ткнулся лбом в её лоб, с облегчением понимая, что девушка не протестует против такой неожиданности.

Секунда, другая... Застенчивые руки легли на его плечи. Она просто осторожно обняла его — и этот трепетный жест вызвал в нём гораздо большие чувства, чем смелые слова или действия, которые он так часто слышал и видел в своей жизни. Тёплые пальцы робко погладили его по лицу, а когда девушка спросила, её тёплое дыхание отдалось в его лицо, и почему-то это понравилось — как чувственный поцелуй.

— Ты не сердишься?

— За твой подарок? Нет. Спасибо.

— Пожалуйста.

Слова иногда могут так мало выразить, особенно если выразительно прикосновение... Как будто эхо отдалось — звонок, напоминающий о буднях, был услышан обоими. Оба вздохнули одновременно — и засмеялись, отпрянув друг от друга.

Синд убежала. Принц вышел следом — заканчивать лекцию по истории Архипелага.

Последнюю пару отменили — всё-таки сделали сокращённый день из-за праздника!

Обрадованные студенты покричали «ура!» и кинулись кто куда — головой в последние хлопоты перед назначенным часом торжества.

Синд и Мартина договорились сначала встретиться в лавке, чтобы рыженькая воительница помогла подруге с выбором ткани, а потом бежать всей компанией на пляж для вивов, чтобы убедиться, правильно ли разгадано охранное заклинание. Синд-то уже придумала, какую ткань взять, но сомневалась в выборе между двумя, которые нравились одинаково. Совет Мартины и должен был стать решающим...

Подходя к общежитию, на самом его пороге, Синд чуть не врезалась в резко распахнутую дверь, а потом её едва-едва не снесло с пути живым и весьма тяжеловесным снарядом — зарёванной Ивет.

Та было бросилась мимо сводной сестры, но в последнюю секунду заметила её.

— Си-инд!! — возрыдала она и бросилась девушке на шею.

Чувствительно шлёпнувшись спиной в дверь, которая, к её счастью, успела закрыться, Синд только и удержалась на ногах. Мгновение спустя девушка сумела успокоиться и осторожно снять с себя ревушую Ивет. С перепугу и от неожиданности погладив старшую сводную сестру по голове, по взлохмаченным волосам, Синд утешающе выговорила:

— Ну, Ивет, Ивет! Всё хорошо! Я рядом! Успокойся! Что случилось?

— Ужа-ас!! — проревела Ивет, тычась в её плечо и обливая его искренними слезами. — Мама приехала-а!!

Пораскинув мозгами, Синд постаралась не фыркать: сестре и без её пренебрежения плохо. Что ж... Всё как всегда. Мачеха привычно приехала без предупреждения и обнаружила в апартаментах сладко дрыхнувших дочерей, которые в этот момент должны были старательно учиться в учебном корпусе. Те-то ведь думали, что мать приедет к концу пар!.. А ведь, насколько понимала девушка мачеху, та страстно мечтала, чтобы дочери выучились хоть чему-то! Да что там — чему-то? Получили бы диплом об окончании — она была бы счастлива! Но как дочери могут его получить, если обе ленивы?.. Вот и взорвалась.

Синд даже улыбнулась тому, как хорошо она понимает и ситуацию, и мачеху. Но... Пора бы узнать, почему Ивет выскочила на улицу: она никогда бы не позволила себе удрать от матери, особенно будучи в таком непрезентабельном виде — обрёванной. Погладив сестру по всклокоченным волосам ещё раз, Синд спросила:

— Ивет, а почему ты убежала на улицу?

— Мама послала за тобой! — всхлипывая, пробормотала старшая сестра.

— Ивет... — Немного испугавшись сама, Синд лихорадочно продумала, что делать. Ведь она обещала Мартине и друзьям, что следующий час проведёт с ними. И сообразила. — Ивет, возвращайся в апартаменты и скажи мадам: я буду минуты через две-три. Мне надо срочно сдать книги в библиотеку общежития. Передай, что буду очень-очень быстро!

— Ладна-а!.. — проревела в последний раз Ивет, увидела кого-то направляющегося к ним — то есть к общежитию, вспомнила, в каком она виде, и юркнула за дверь.

Синд последовала за нею. В вестибюле сестры уже не было. Прислушавшись, Синд слышала удаляющийся наверх тяжёлый топот на одной из лестниц. И сама быстро взлетела на свой второй этаж. В комнате она швырнула сумку с тетрадями и книгами на стол. В руках очутилось маленькое зеркальце. Синд быстро провела над ним ладошкой. Поверхность зеркальца затуманилась, как от тёплого дыхания — девушка неудержимо улыбнулась, вспомнив, как она сидела на столе, а Норман стоял так близко, обнимая её!..

— Синд? — спросила удивлённая Мартина, появившаяся в зеркале. — Что случилось?

— Приехала мачеха! Меня зовут к ней, — торопливо сказала девушка. — Мартина, не надо меня сторожить — мачеха ничего мне не сделает. Вот только я не знаю, сколько она меня продержит. Поэтому идите к пляжу без меня и сами проверьте, сработает ли наше заклинание! А потом я попробую снова связаться с вами!

— Ты уверена, что тебя защищать не надо? — строго пожелала убедиться рыженькая воительница. — Может, прибегу всё-таки?

Синд представила, как она сидит на стуле, а за стулом с мечом наголо стоит Мартина, широко расставив ноги и недвусмысленно показывая, что готова для боя или драки. Чуть не рассмеялась вслух. И подтвердила:

— Спасибо, Мартина! Но, кажется, на этот раз я сама сумею отбиться!

— Удачи!

— Спасибо!

Синд быстро прервала связь, вынула было книги из холщовой сумки — и поняла, что оттягивает неприятный визит к мачехе. Постояла, собираясь с силами и настроем, и выбежала из своей комнаты... Чему быть — того не миновать! Так уж лучше побыстрее с этим справиться и забыть. Перепрыгивая ступеньку за ступенькой, девушка пыталась предугадать, что ещё могло разозлить мачеху. Почему она послала за нею? Или это уже привычка — по приезде обязательно строжить и младшую, падчерицу? И отказалась думать дальше: чем больше начинаешь размышлять, что могло заставить мачеху захотеть увидеть её, тем больше страхов появляется.

А особенно было жаль, что хотелось помечтать о Нормане, о его неожиданном, но таком милом поцелуе! Как он внезапно поднял её, чтобы усадить на стол! Какие сильные у него руки! А какое милое лицо! Почему она раньше считала, что у принца лицо некрасивое? Он так красив! Он так... сияющ!

С этой мечтательной улыбкой, видя перед внутренним взглядом Нормана, его ласковые глаза, она и вошла в апартаменты. И тут же насупилась: привычное выражение появилось само — при одном взгляде на разгромленные апартаменты. Неужели мачеха заставит её убираться в этих комнатах, где она утром, походя, уже разложила несколько поднятых с пола вещей на свои места?

— Синд! — воинственно сказала мачеха. — Пойдём-ка на кухню. Это единственное приличное место в этих комнатах, где мы можем с тобой поговорить. Идём!

И мачеха величественно прошла вперёд, а за нею порядком озадаченная Синд, успевшая услышать дружный рёв старших сестёр в одной из комнат.

На кухне мачеха велела заварить чай и усадила падчерицу напротив себя за столом.

— Итак, Синд, — уже более спокойно и, кажется, с намёком на ласку начала мачеха. — Расскажи, каковы твои успехи в учёбе?

— Решают всё экзамены, — удивилась девушка. — Но пока оценки хорошие.

— Но тебе нравится? — настаивала мачеха. — Нравится учиться?

— Конечно. Я столько узнаю!.. — горячо воскликнула Синд и тут же испугалась: не о репетиторстве ли с сёстрами хочет поговорить с нею мачеха?

Но женщина сидела пока молча, явно о чём-то глубоко размышляя, то и дело поглядывая на падчерицу. Заслышав гудение чайника с закипающей водой, Синд осторожно встала и заварила чай. Пока доставала припрятанные на всякий случай от сестёр конфеты и хорошее печенье, чай был готов, и девушка разлила его в мимоходом помытые чашки. Мачеха рассеянно следила за её действиями, и это немного сковывало движения смущённой

таким вниманием Синд, ничего не понимающей.

— Налей чаю и себе, — велела мачеха, а потом пригубила свою чашку, довольно приподняла брови и спросила: — Синд, в чём ты идёшь на бал?

— Пока не знаю, — призналась вновь удивлённая девушка. — Я хотела после последней пары сбежать в студенческую лавку и посмотреть, что там есть по моим деньгам. Сёстры мне дали денег — две стипендии, — призналась она, невольно пригибаясь, если мачеха снова начнёт бушевать.

— Тот высокий темноволосый господин, который напугал моих дочерей, он тебе знаком? — спросила мачеха, с удовольствием отпивая чай.

— Это Фернан, телохранитель принца, — объяснила Синд. — Да, мы знакомы. Но...

— Телохранитель принца... — оборвав падчерицу на полуслове, прошептала мачеха, и глаза её сверкнули. — Ты здесь... какие-то несчастные пару месяцев — и уже знакома с телохранителем самого принца! Не успела хорошенько познакомиться с его телохранителем, а уже танцевала, говорят, с самим принцем! Целый час!

— Но, мадам! — Вот уж тут Синд растерялась и испугалась.

— Тихо! — велела мачеха, задумчиво изучая падчерицу. — Знать бы заранее, я бы приехала не одна, а с твоим отцом!

И замолчала.

Совершенно ничего не понимающая Синд изумлённо смотрела на эту страшную когда-то, а сейчас странную, непостижимо загадочную женщину. А та кривила, мяла свои губы, прикусывала их — думала, в общем. Допив чай, мачеха поднялась — невольно вместе с нею поднялась и Синд, встревоженно глядя на неё: что придумала эта женщина?

— Так, деточка, — жёстко сказала мачеха, с высоты своего роста оценивающе глядя на неё. — Я, конечно, бываю слепой, но... Никто не скажет, что я женщина глупая. Прими мои извинения, что обрезала тебе волосы. Они у тебя роскошные были. Но и эти ничего будут, если сходить в парикмахерскую. Но об этом потом. Итак, Синд. Ты мне сейчас покажешь, где находится эта ваша студенческая лавка, и мы купим тебе самое лучшее платье, которое найдём там. Мои курицы платья уже заимели — теперь твоя очередь!

— Что-о?! — вырвалось у Синд.

— Деточка моя, — странно торжествующе улыбнулась мачеха. — На этом вашем университетском балу ты будешь самой очаровательной! Обещаю! Уж я постараюсь, чтобы это случилось! — И грозно посмотрела на ошеломлённую девушку. — И попробуй только не быть такой!

Фернан взглянул на ремешок, обвивавший его кисть. Затем поднял его к уху.

— Ваше высочество, — доложил он. — Прибыл его величество — ваш отец.

Эймери немедленно вскочил с кресла, в котором он валялся поперёк, закинув ноги на подлокотник, в обнимку с мечом, изучая зазубрину на острие клинка и делаясь впечатлением о последнем спарринге с рыженькой воительницей.

Оба телохранителя встали чуть позади Нормана, вытянувшись в струнку.

В небольшой гостиной своих апартаментов принц проверял готовность всех служб к университетскому празднеству. Друзей он бы давно выгнал: они мешали мечтать о Синд. Но по той же причине и терпел: волей-неволей они заставляли его работать.

Двери в зал распахнулись. Высокий мужчина широким шагом, словно вообще не замечая, что перед ним была магическая преграда, зашагал навстречу Норману и его друзьям. Позади него катился черноволосый канцлер, как всегда — опустив глаза, незаметный и сосредоточенный на делах — с неизменной папкой бумаг в руках.

— Сын!.. — начал было король — и внезапно остановился. Абсолютная, только чуть заметно постаревшая копия Нормана, он нахмурился, и телохранители принца мимолётно переглянулись: что не так?

— Папа, добрый день, — приветствовал его Норман, тоже заметивший заминку.

— Сыно-ок... — вполголоса сказал король, не сводя с него недоверчивого взгляда прищуренных глаз.

Канцлер на странные интонации короля высунулся из-за его спины посмотреть на наследника — и засиял, не в силах скрыть радостной улыбки. Перехвативший и его взгляд, Норман сдвинул брови. А друзья переглядывались уже в открытую: что происходит?!

Король, улыбаясь, сделал последние два шага к принцу, который продолжал недоумевать, и заключил его в медвежьи объятия.

— Сынок... Кажется... Да что там — кажется! Ты видел себя в зеркало? Норман! Сыномой! Я так рад за тебя!

Друзья-телохранители не выдержали и, забыв о субординации, чуть не бегом обошли принца заглянуть ему в лицо. Первым засмеялся Фернан. Занятые общими делами, привыкшие видеть Нормана каждый день и каждый час, они и в самом деле не заметили, что с его внешностью произошли, как выразились бы газетчики, существенные изменения: кожа на лице Нормана стала подтянутой, мешки под глазами исчезли, и принц стал наконец выглядеть на свои двадцать пять.

Появилось противоядие от проклятия, которое со старинных времён носили на себе короли Студенческого архипелага!

Несколько чувств одинаково сильно владели Синд. Сильней всего, конечно, разочарование: всё-таки хотелось устроить вместе с друзьями диверсию на пляж для вип-персон! И увидеть изумлённые глаза Нормана, его невольную улыбку восхищения: прорвались-таки!.. Утешила себя тем, что принцу сейчас не до купания в море: как один из университетского начальства, вынужденная вип-персона университета, он активно участвовал в подготовке торжественного мероприятия.

Ошарашенность: неужели мачеха искренна, и сейчас Синд получит бесплатное платье на бал? А может (она уже загорелась робкой надеждой), мачеха купит и не самые дорогие,

но очень красивые и удобные туфельки?

Растерянность и тревога: что имела в виду мадам, говоря: «Знать бы заранее, я бы приехала не одна, а с твоим отцом!»?

Но вскоре, властно влекомая мачехой, стиснувшей ей ладонь своим сжатым локтем, девушка только и могла, что успевать переступать ногами. Мысли, взъерошенные и спутанные, так и оставались не приведёнными в порядок.

Университетская лавка и правда дожидалась их, несмотря на некоторые сомнения Синд. На той же машине, на которой мачеха приехала из поместья, она довезла Синд до места и победно оглядела витрины. Лавкой на Архипелаге называли бесконечное, сверкающее призывными огнями помещение на цоколе корпуса магической защиты. Поскольку даже маги могут быть слабодушны перед богатством выставляемых товаров, то руководство университета сочло необходимым разместить множество магазинов, называемое среди студентов единым словом — просто «лавкой», под корпус, известный своими охранными системами. Здесь можно было гулять сутками: магазины перемежались различными кафетериями и прилавками с чаем или кофе, где можно посидеть, отдохнуть, а потом с новыми силами ринуться на осмотр будущих покупок.

Уж кто-кто, а мачеха, благодаря родным дочерям, прекрасно знала это место.

Ничуть не сомневаясь, она схватила падчерицу уже за руку и с воодушевлением потащила её вовнутрь.

— Как будет проходить ваше мероприятие? — деловито спросила она, втаскивая девушку в первый бутик с одеждой.

— Сначала посвящение в студенты, а потом сам бал, — пролепетала Синд, изумлённо разглядывая ряд теснящихся вешалок с одеждой, которые тут же начала резко двигать мачеха.

— Хм... — Мачеха прекратила рассматривать платья. — Это значит, что нужно не одно платье! — провозгласила она, с людоедской ухмылкой снова обратив свой ищущий взгляд на платья. — С балом я поняла. Но что там с посвящением? Что там было у моих коров — я уже подзабыла! Говори, что понадобится!

— Мадам, — робко окликнула её продавщица, вышедшая из-за ширм. — Я знаю, что обычно берут для посвящения в студенты. Могу предложить вот этот костюмчик и этот. Размеры есть все на ваш выбор!

— Прекрасно! — сказала мачеха и свалилась в кресло рядом со столом продавщицы. — Синд, бери из этого, что тебе нравится, — и марш в примерочную! И пошустрей! Нам ещё в парикмахерскую!

Девушки переглянулись и поспешили в примерочную.

И началось! Мачеха с удовольствием командовала парадом, в котором приходилось гонять молоденькую продавщицу и скептически разглядывать смущённую происходящим падчерицу.

Мадам знала, что, как дочери, так и она падка на пёстренькое, на яркое, поэтому схитрила: она дождалась, пока Синд не остановится в растерянности перед отобранными мачехой и ею самой костюмами, развешанными перед нею, и гаркнула:

— Я же сказала! Бери то, что нравится! — А когда девушка, испуганная окриком, схватила светло-зелёный костюм, добродушно и гордо высказалась: — Ну вот... Так и знала, что выберешь именно этот! Возьми ещё этот — розовенький! Будет тебе на смену! Хм... У меня прекрасный вкус!

— Это правда, мадам, — промямлила Синд, оглушённая невиданной щедростью и втихомолку надеясь: когда-нибудь мачехи не будет на Архипелаге — и она, Синд, сумеет обменять ядовито-розовый на костюм более спокойных тонов. — Я никогда не сомневалась в вашем вкусе!

Нагрузив падчерицу двумя сумками с костюмами, мачеха поволокла Синд к бутикам, где висели платья для торжественных случаев. Здесь женщина оторвалась на всю катушку! Она и сама с удовольствием примерила несколько платьев, после чего Синд с трудом отговорила её покупать для младшей дочери платье в расцветке бешеного весенне-цветочного вихря. Не забыли и бальные перчатки, тончайшие и нежнейшие.

— Ты пользуешься моей благосклонностью! — радостно сказала мачеха, умилённо разглядывая, как продавщица упаковывает пышное платье нежно-голубого цвета с блёстками, рассыпанными по подолу так, словно это капли росы. — Так пользуйся! Синд, деточка моя! Помни, как я тебя люблю! Как жаль, что я приехала поздно! Как жаль, что времени у нас с тобой мало, чтобы насладиться прогулкой по всем бутикам вашей лавки! Но ничего! Кое-что мы компенсируем тебе! Итак! Нас ждёт обувной! Вперёд, деточка!

Мартина повертела в руках свёрток, переданный ей Эймери.

Светловолосый телохранитель принца попросил её передать этот свёрток Синд. Сам он спешил к своему подопечному.

— Мартина, меня просили это передать Синд, но я ничего не успеваю. Ты её лучшая подруга. Тебя пропустят в общежитие и в комнату Синд. Пожалуйста, оставь этот свёрток у неё. Больше я ни о чём не прошу. Меня загрузили делами с праздником по полной — голова кругом. — А когда рыженькая воительница забрала лёгкий свёрток из его рук, он благодарно сказал: — Спасибо, Мартина! Я так рад, что ты появилась в моей жизни.

— В качестве лазутчика? — воинственно спросила Мартина. И первой засмеялась, посылая Эймери воздушный поцелуй. Несмотря на серьёзный бой, рыженькая воительница проиграла. И теперь на балу за все сладости будет платить Эймери.

«Как будто по-другому и могло бы быть, — вздохнула Мартина, быстро шагая к общежитию Синд. — Эймери всё-таки не зря телохранитель самого принца!»

Она кивнула уже знакомым стражникам на входе в общежитие и быстро добежала до второго этажа. Оставила было свёрток на столе, потом вспомнила, что приехала мачеха Синд. Имея кое-какое представление об этой особе, Мартина засомневалась, что эта женщина не полезет открывать свёрток, предназначенный Синд. Значит, надо спрятать его подальше. Но куда? Мебели здесь маловато...

И вдруг услышала шаги. И направлялись они явно к комнате Синд. Мартина суматошно открыла дверь шкафа и спряталась внутри, между редкими вешалками.

— ... Её ещё нет? — тихо спросил полужнакомый голос.

— Рано ещё, — авторитетно ответил второй, тоже знакомый. — Рядом с нашей мамой слишком быстро ничего не сделаешь — если она того захочет.

— Тогда давай — сыпь! Быстрее. Не хочу, чтобы нас здесь кто-то увидел.

— Да ладно! Кто увидит? Да и кто сообщит, что тут делается! Мама всё-таки у нас очень умная, правда, Ивет?

— Умная-умная, но орёт здорово, — пробурчала старшая сестра Синд. — Всё. Дёру!

Мартина, оставив свёрток на полу шкафа, осторожно вышла и осмотрелась. «Сыпь»? Что они тут насыпали? Приглядевшись, рыженькая воительница хмыкнула: старшие сводные сёстры её подруги насыпали перед порогом какие-то мелкие семена. Что ж... В этом

Мартина может помочь Синд. И, вооружившись веником, найденным в углу возле входной двери, рыжая воительница принялась за уборку. Будучи магом, она прекрасно знала универсальное правило: магия, направленная против определённого человека, другого не коснётся. Так что Мартина спокойно может смести все семена — и Синд не получит того, что было направлено против неё.

На пороге самого большого обувного бутика, где хозяевами были девушка и парень, сразу подбежавшие к ним, мачеха встала и глубоко вздохнула от счастья, оглядывая ряды с туфельками. Наконец, её заблестевший от предвкушения взгляд стал по-охотничьи хищным, и мадам велела Синд:

— Размерчик у нас разный, так что — гуляем на два фронта! Выбирай себе две пары, деточка! На посвящение и на празднество! И не торопись, миленькая! Не торопись! У тебя должны быть прекрасные туфли!

После чего мачеха упорхнула «к своему размерчику», в другой отсек бутика, а девушка, выдохнув, оставила покупки у кассы и уже спокойно пошла искать свой размер. Взяв две пары туфель, она присела на низкую кушетку и вздохнула.

— Позвольте вам помочь, — негромко сказал кто-то.

И перед Синд сел на корточки парень-продавец. Не успела она ничего сказать, как он быстро расшнуровал её ботинки и снял их. После чего осторожно обнял её лодыжку одной рукой, а под стопу подставил ладонь другой и мягко, будто нежно погладив ногу, опустил её в туфельку.

— Норман, ты с ума сошёл, — прошептала Синд, украдкой бросая испуганные взгляды на мачеху, которой занялась продавщица.

— Спорим, что наоборот — пришёл в ум? — слегка трясаясь от смеха, ответил принц и принялся застёгивать ремешки на туфельках. — А если серьёзно... Я пришёл на свидание.

— А где твои друзья? — пригнувшись к туфлям и трогая их, словно примериваясь к ним, спросила девушка. — Почему ты здесь один?

— Напоминаю. У меня свидание. С прелестной девушкой, с которой часа через два я буду танцевать на университетском балу, — шёпотом сообщил принц и, с трудом удерживая улыбку, снова ласково огладил ладонями ноги Синд, уже обутые. — Пройдись, пожалуйста, а то твоя мачеха...

— Не понимаю, почему ты один! — уже рассердилась Синд, чуть не отдёргнув ногу от неожиданности. — Тебе нельзя!

— Синд, милая, — опустив голову, усмехнулся Норман. — Я надел иллюзорную маску и сбежал от телохранителей. Я, вообще-то, сильный маг, но рядом с тобой чувствую себя младенцем. Ты сразу узнала меня! — Он поднялся сам и помог девушке встать. — Ну как? В этих туфлях сможешь протанцевать часа три со мной?

— Три-и? — кокетливо повернулась на каблуках перед ним девушка. — Всего лишь? На большее ты не способен?

— Устроим танцевальный марафон? — загорелся принц. — Кто кого перетанцует?

— Тихо... — зашипела Синд, сама едва удерживаясь от смеха: таким азартным Нормана она ещё не видела. — Мачеха заметит, что мы болтаем!

— Хуже будет, если заметит продавщица этого бутика, — пожал плечами Норман. — Она думает — я её помощник, которого я послал в кофейню отдохнуть.

— Ты правда надел маску с его лицом? — поразилась Синд, вглядываясь в такое знакомое ей и обожаемое лицо.

— Да. Но раскусила меня только ты. Садись, надо померить вторую пару и вообще изобразить, что мы тут делом занимаемся! Синд, у меня никогда не было таких интересных свиданий!

— Ты сравниваешь?

— Нет. У меня полная амнезия: я не помню, какими были свидания до тебя!

И он снова ловко принялся расстёгивать ремешки туфель, не забывая мягко оглаживать ноги девушки и взглядывая в её глаза, отчего по коже у неё бегали мурашки, а сама она краснела и бледнела, боясь посмотреть по сторонам, так как не верила его словам об иллюзорной маске. Какая тут маска, если вот он — такой всем известный, такой близкий и такой любимый! Вот его серые глаза, которые лукаво то и дело взглядывают на неё. Вот его нос, который так и хочется потрогать или шаловливо ткнуть пальцем в самый кончик. Его губы, которые не выдерживают серьёзности, расплываясь в улыбке заговорщика. Его привычно взлохмаченные волосы, до которых хочется не только прикоснуться, но и взлохматить ещё больше! Норман, милый!

Она снова встала с его помощью и повернулась к зеркалу. Увидела, как Норман оглянулся: мачехи не видно за соседним стеллажом, зато слышен её зычный голос. Он быстро повернулся к Синд и сжал её плечи, поцеловал в щёку. Отпрянул.

— Мне надо бежать.

— Почему?

Она от неожиданности схватила его за плечи — удержать! А он повернул голову и быстро поцеловал её руку.

— Меня ищут друзья. Я хоть и неплохо замаскировался, но Фернан... Он второй после меня в маскировке и, ко всему прочему, отлично умеет идти по магическим следам, оставленным в пространстве. А ещё... — Он быстро отошёл от неё. — Мои телохранители очень умные. Чтобы найти меня, они могут начать искать тебя. А это легко — сама понимаешь. Всего лишь опросить всех, кто тебя видел. Синд... Я побежал.

— Удачи, Норман!.. — прошептала девушка. А потом спохватилась: поцеловала свою ладошку, на которой, откуда ни возьмись, появилась бабочка, и сдула её с ладони — вслед Норману, который уходил не оглядываясь. И правда — спешил.

Она проследила за ним и очень удивилась, когда на входе в бутик принц обменялся кивками и парой слов с парнем в фирменной одежде продавца. И тот сразу подошёл к ней.

— Итак, вы выбрали, сударыня?

Синд коротко отвечала ему, какая ей обувь нравится, что не совсем понравилось, а сама с недоумением смотрела на этого парня: высокий, тощий, худой! — и думала: «Как же Норман сказал, что он маскировался под него? Они совсем не похожи! И почему я не видела его маску? Ничего не понимаю!» И было мгновение, когда она пожалела, что она маг. Наверное, интересно было бы увидеть принца в маске.

— Милая Синд! — Благодушно настроенная мачеха, сопровождаемая измученной продавщицей, появилась на пороге бутикового отсека. — Как же я благодарна тебе, милая деточка, что ты привела меня сюда! Нашла ли ты себе что-нибудь?

Синд передала мачехе коробку с обувью. Та вынула туфли, предназначенные для бала, повертела их в руках и несколько недоверчиво спросила:

— Синд, милочка! Ты уверена, что сможешь не только стоять на таких каблучках, но и танцевать? Не боишься подвернуть ножку? Не хотелось бы такой неприятности с моей милочкой-деточкой!

— Уверена, — улыбнулась девушка.

Тем не менее мачеха заставила её обуться в туфли на высоком каблуке и пройтись перед нею. После чего снова повертела выбранную Синд обувь, с каким-то недоумением приглядываясь к ней, отчего девушка забеспокоилась, как бы мадам не заставила её поменять то, что (она видела!) понравилось Норману. Но мачеха нехотя вернула ей туфли, в которых сама (увы!) вряд ли смогла стоять, и велела поспешить.

Парень из бутика поехал вместе с ними до общежития, где помог сначала мачехе перенести вещи в апартаменты сестёр, которые немедленно взвыли от зависти, что все эти яркие коробки не для них; потом он помог и Синд, которая, с помощью водителя мачехи, успела выложить свои коробки и сумки на скамью возле входных дверей.

Мачеха специально спустилась к ней на второй этаж.

— Вот... — абсолютно довольная, сказала она. — Ты будешь на балу самой прекрасной принцессой, Синд. У тебя похвально чудесная фигурка — и я надеюсь, принц, его высочество, не сможет пройти мимо такой красотки, как ты! Я оставляю тебе деньги — выйдешь пораньше, зайдёшь в парикмахерскую! Не забудь! Сделаешь себе самую очаровательную причёску! А я пока поговорю с моими овцами! Надо бы преподать им уроки поведения в обществе!

У Синд создалось странное впечатление, что мачехе не хочется уходить из её комнаты. Несмотря на ласковые слова, женщина время от времени как-то оценивающе разглядывала комнату, хотя, кажется, что в ней разглядывать? Мебели маловато — и в то же время достаточно для студентки. Трав везде много, но это специфика факультета...

— До свидания, милочка! — сладко пропела мачеха и повернулась, наконец, уйти. И снова встала на месте, словно вспомнив о чём-то важном. — Да, Синд, мне ведь будет разрешено быть среди родителей? Я ведь твоя любящая мамочка, несмотря на некоторые разногласия, не правда ли, деточка? Посмотри! — Она внезапно вскинула руку, показывая, и Синд послушно обернулась за указывающей кистью. — Сколько я тебе накупила! Ведь такое может сделать только любящий тебя человек!

— Да, мадам, спасибо большое! — несколько сбитая с толку, ответила девушка.

— Пока, деточка! — Счастливо улыбаясь, мачеха попыталась выпорхнуть из комнаты, но получилось у неё это весьма громоздко и тяжело. — Не опаздывай, Си-инд! — пропела она уже из коридора.

Тихонько хлопнула дверь.

Только Синд развернулась к столу, чтобы осмотреть свои покупки, как подпрыгнула от неожиданности. Чуть заскрипела дверца шкафа, и из него появилась Мартина! Ахнув, Синд подбежала к подруге.

— Откуда ты здесь?

— Меня прислал Эймери, — сказала Мартина и тут же забыла добавить, с чем прислал её друг-телохранитель принца: так взволновало её недавнее происшествие. — Слушай, Синд! Что тут только что было — буквально за несколько минут до твоего прихода! Сюда приходили твои сёстры и насыпали каких-то семян! Я их подмела и выбросила в ведёрко вон там, у двери. Как ты думаешь, что это такое?

— Фи! — сказала, смеясь, Синд. — Забудь про эти семена, Мартина! Мои сёстры настолько ленивы, что самостоятельно не сумеют даже заклинания составить — не то что придумать заклинание на конкретного человека! Смела семена — и хорошо! Ты лучше посмотри, что купила мне мачеха!!

— Что?! Синд! Мачеха тебе что-то купила?!

— Мартина, ты не представляешь! Она вдруг вспылала ко мне любовью и начала дарить мне подарки! Она даже на парикмахерскую мне деньги дала! Вот, видишь?

— Обалдеть, — растерянно сказала рыжая воительница, тем не менее с интересом рассматривая великолепные вещи. И засмеялась: — Вот это розовое ты тоже наденешь?

— Нет, что ты! Там ценник остался — завтра-послезавтра, как только мачеха уедет, я обменяю этот костюм на другой.

— Слава Богу! Я уж думала, ты сама выбрала такой!

И подружки расхохотались. А потом, благо свободное время оставалось, начали рассматривать наряды и обувь. И при виде Синд, одевшейся в платье, чтобы похвастаться, Мартина пожала плечами и сказала:

— Какая парикмахерская?.. Норман тебя на балу ни за что никому не отдаст, а Вустер сдохнет от зависти, что такая красotka не ему досталась!

— Ну, не знаю насчёт красоти, — радостно сказала девушка, оправляя складки на бальном платье, — но что я впервые в таком платье!.. Мне не хочется даже идти на посвящение в студенты! Мне хочется сразу на бал — и танцевать, танцевать, танцевать!

Они договорились, что встретятся в зале, где будет происходить посвящение в студенты, а потом, перед балом, Синд забежит к Мартине проверить, всё ли в порядке с её нарядом к балу. Мартина беспокоилась, как бы не оплошать перед Эймери.

— Ничего не оплошаешь, — фыркнула Синд. — Он будет так очарован, что, кроме тебя, никого замечать не будет.

— Твоими бы устами да мёд пить, — довольно сказала Мартина и убежала.

А Синд дождалась, пока стихнут шаги подруги, и подошла к ведёрку. Села на пол, благо опять была в любимых штанах, наклонила ведёрко, потрясла. Присмотревшись к семенам, подъехавшим к краю, она нахмурилась и задумалась.

Глава 17

Когда первокурсников предупредили, что ровно через полчаса их впустят в церемониальный зал главного университетского корпуса для торжественного марша к сцене, ребята, кучкой у края толпы ожидавшие начала празднеств, взволнованно переглянулись.

— Мартина! Ты пробовала с ней связаться? — встревоженно спросил Рик.

— Не отвечает! — чуть не со злостью выпалила рыжая воительница, которая буквально подпрыгивала на месте от нетерпения. Правда, высказанная злость терялась за сомкнутыми в отчаянии бровями. — Если бежать за ней — мы не успеем на церемонию посвящения! Полчаса! Что произошло?! Ну, если это мачеха её не пускает!

— Не может быть, — растерянно сказал Бреки. — На посвящение в студенты она Синд не может не пустить! И ты же сама сказала, что она накупила для Синд одежды!

— Не верю я этой её доброте! Не верю! — буркнула Мартина, снова оглядываясь, не бежит ли к ним тоненькая фигурка. — Ну что делать? Что делать! Мальчики, вы не можете послать за нею элементаря воздуха?

— Посылал уже, — сказал Рик. — Он вернулся, сказал, что через порог его не пустили.

Рыженькая воительница подпрыгнула в очередной раз, а потом топнула ногой.

— Я тоже опоздаю, но всё-таки сбегая посмотреть, что с нею!

И только было рванула вперёд, как её за шиворот ухватила сильная рука.

— Мартина, времени мало. — Александр быстро огляделся и негромко сказал: — Бежим не к общежитию, а за угол этого здания. Здесь я не могу перекинуться. А долетим быстро. Может, назад успеем втроём вовремя!

— Бежим! — с видимым облегчением согласилась Мартина. Обернувшись к братьям-стихийникам, грозно напомнила: — Где хотите, на какие угодно деньги, но найдите мне чёрный шоколад — по прилёте дракона подкормить!

Теперь расслабился и Александр: даже после недолгого полёта золотистому дракону приходилось восстанавливать силы длительное время, и всего лишь кусочек шоколадки мог спасти его от излишней слабости.

Братья кивнули и помчались к университетской лавке, благо отсюда она близко. А Мартина побежала следом за золотистым драконом за угол корпуса.

Синд сидела на коленях и, часто дыша от ужаса, пыталась привести рассыпанные перед порогом семена в нужную систему. Она уже переделалась к церемонии посвящения (новенький брючный костюм и удобные туфельки на низком каблучке) и готова была выйти, когда вдруг обнаружила, что не может переступить порог комнаты. Что-то невидимое жёстко не пускало её вперёд, а потом, как выяснилось, перестало пускать и назад, словно приклеив подошву обуви к полу. Присев на корточки, увидела рассыпанные перед порогом те самые семена, которые она рассматривала выброшенными в ведёрко для мусора. Сначала линии запрета на выход из дома ей показались знакомыми, и Синд решила, что быстро справится с запирающим заклинанием. Но, едва начав распутывать заклинание, поняла, что попала в ловушку: теперь, когда она дотронулась до одной из линий, ей было нельзя вообще вставать, пока она не разберётся с путанкой наложенных друг на друга заклятий.

В отчаянии она оглянулась на стол. Собираясь на церемонию посвящения, девушка как-то не подумала, что ей может пригодиться зеркальце-переговорник. А теперь до него вообще не дотянуться.

Итак, надо сосредоточиться на заклинании.

Упрямство заклинания основывалось на следующем: можно долго разгадывать его линии — то есть раскладывать семена в нужном направлении, но если даже правильно сделаешь половину заклинания, то одна-единственная неверная линия — и вся формула возвращается в изначальную форму.

Несколько раз Синд отчаивалась до такой степени, что уже вообще была готова отказаться от мысли появиться на студенческом празднике. Но вспоминала лицо Нормана, его серые глаза, его удивительную улыбку — только для неё... Он будет ждать её! Он выбрал её танцевать на всё время бала! И непролитые слёзы высыхали. Отчаяние утихло. Крепла решимость справиться с колдовской морокой. И она снова склонялась над семенами. Те были мелкие и вредные. Надо быть очень осторожной и сосредоточенной над сложным раскладом, чтобы не пропустить ни одного семечка, выкладываемого в нужную сторону!

От внезапного грохота в закрытую дверь она вздрогнула так, что собственной рукой чуть не раскидала уже наполовину разобранный заклинательный рисунок.

— Синд! — послышался вопль Мартины. — Ты в комнате?!

— Да!! — закричала девушка. И, не давая рыжей воительнице что-то спросить — время! — снова закричала: — Те семена, которые ты собрала в ведёрко, вылезли из него и образовали заклятие запрета на выход из помещения! Я такого никогда не видела! Не могу разобраться, как с ним справиться!

За дверью взволнованно заговорили, заспорили. Синд узнала голос Александра:

— Синд! А выпрыгнуть в окно?

— Я села перед заклинанием — и меня от него тоже не отпускает! Даже встать не могу! Уже ноги затекли — устала!

— Окно открытое?

— Да!

— Сейчас влезу! Ты ведь обычно выходишь в подъездное окошко, да?

— Да!

— А я побежала за стражниками с вахты! — снова завопила Мартина. — Они охрана! Они должны знать, как...

Поднапрягшись, Синд услышала брошенное отвернувшимся Александром:

— А есть смысл? Всё равно им тоже придётся разгадывать...

Синд снова склонилась над семенами, устало вглядываясь в рисунок. Продолжить? Или выждать, что придумает Александр? Она с надеждой оглянулась на окно. Хорошо, что одна створка всегда открыта для свежего воздуха... Огромная тень оказалась на подоконнике так внезапно, что Синд вскрикнула.

— Не бойся, это я, — сказал золотистый дракон, которого девушка не разглядела, так как он был со стороны света.

Александр быстро перебрался на стол, который он с девушкой недавно ставил у окна, спрыгнул на пол и присел рядом с Синд.

— Ты узнала, что это за семена? — спросил он и удивился: — Такие мелкие!

— Рябина и бархатцы, — быстро сказала девушка. — Они должны оберегать дом, но заклятие сделали как-то так, что защиту перевернули: нельзя выйти, а не войти.

— Мартина до них, говоришь, дотрагивалась? — задумчиво спросил золотистый дракон. И, кажется, решил: — Отойти ты не сможешь. Закрой глаза, Синд. Лучше — ладонями. Готова?

Она услышала громкий шелест, щёку припекла стремительная горячая волна... А потом она почувствовала, как сильные руки Александра схватили её за плечи, — и оба упали спинами на пол: дверь резко распахнулась!

— Вы чего разлеглись? — поразила Мартину, немедленно прыгнувшая на порог. — Если всё — быстрее давайте! Бежим!

Синд приподнялась и взглянула: от семян ничего не осталось! Правильно: только драконий огонь сожжёт любое заклинание без остатка вместе с его действием!

— Что тут происходит? — послышался повелительный голос — и за спиной оглянувшейся рыжей воительницы появилась мачеха, сразу же уперевшая руки в бока. — Синд! Тебе не стыдно?! Ты решила остаться в комнате вместе с принцем?! Что ты себе позволяешь, Синд?! Валяться с его высочеством на полу?! А вы, ваше высочество...

У Мартины — глаза-а...

— Мадам, — жалко залепетала Синд, вставая перед побагровевшим от смущения Александром. — Это не принц, это мой однокурсник! Я не могла пройти в дверь, и ребята прибежали ко мне на помощь!

— Как — ребята?! — теперь уже поразила мачеха, растерянно опуская руки и тут же хватаясь за сердце. — Ты меня до инфаркта доведёшь! А почему ты не позвала на помощь его высочество? Где твоё зеркальце?

— Заклинание не отпускало к нему — я оставила его на столе, — объяснила Синд. — Мадам, можно — мы побежим? Мы опаздываем на посвящение!

— Бегите, конечно! — спохватилась мачеха, уступая место в дверном проёме. — И, деточка, пожалуйста — не опаздывайте! Это очень важное мероприятие!! Это важнейшее для всех нас мероприятие! На него нельзя опазды...!..

Изо всех сил улепётывая вместе с ребятами к спасительному окну на лестнице, Синд услышала еле донёсшееся от явно обозлившейся мачехи:

— Ничего этим коровам доверить нельзя!

«Вот... Уже и коровой обозвали, — грустно подумала девушка, запыхавшись — влетая за угол общежития. — И правильно сделали!»

— Хватайтесь за лапы! — тоже запыхавшись, скомандовал Александр и подпрыгнул.

Уже в воздухе, держась за крепкие лапы золотистого дракона и морщась от сильного ветра в лицо, в тщетных попытках хоть чуть-чуть отвернуться от него, Мартина крикнула висящей бок о бок с нею Синд:

— Что-то я не пойму! Значит, это не мачеха тебе устроила запрет на выход?!

— Видимо, нет! — крикнула в ответ Синд. — Может, меня с кем-то перепутали?

— Ну уж твои сестрички тебя точно ни с кем не перепутают! Интересно, почему твоя мачеха спросила о принце?

— Не знаю!

Они приземлились опять за углом — на этот раз здания, где проходило посвящение. Быстро отряхнулись от поднявшейся пыли и помчались к входу. Здесь уже заходили последние первокурсники, а друзья при виде опаздывающих замахали руками — причём, Рик победно потряс шоколадкой!

— Ты с ума сошла, Синд! — внезапно закричали со стороны.

Синд и Мартина обернулись. Сёстры бежали к ним, обеспокоенные так, словно опаздывали сами. Но пока они только ругались:

— Разве можно так опаздывать?! Быстрее бегите в зал!!

— Мы, вообще-то, и так бежим, — буркнул Александр, изумлённый не менее Синд.

— Так это не они? — успела проворчать Мартина. — Но ведь они рассыпали! Странная всё-таки эта твоя семейка!

Пятёрка ворвалась в зал и уже спокойно присоединилась к последним студентам со своего курса. Александр успел сунуть в рот сразу половину шоколадки и с блаженствующим выражением лица шагал рядом между девушками.

Зал надвигался на них торжественной атмосферой и торжественным, приподнятым настроением, запахами свежих парадных цветов и трав, гулом взволнованных голосов и звуками настраиваемых инструментов — куда празднику без университетского оркестра!

Первокурсников выстроили перед сценой. Они только успели выровняться, только весь зал встал, как оркестр заиграл университетский гимн — гимн Студенческого архипелага. Студенты невольно выпрямились. Государственный гимн отличался от гимна королей Архипелага. В университете было принято играть именно королевский гимн, и теперь, слушая величавую старинную музыку, выпевая вместе со всем залом старинные слова, значения которых, услышав в обычной речи, и не поймёшь, Синд понимала, почему этот гимн остался в качестве главного на Архипелаге: он обладал магической силой, нужной и разрешённой только для тех, кто этой силой владеет.

Оркестр закончил играть гимн вместе с громадным хором. Все: и студенты и преподаватели — сели. А через секунды потрясённой тишины раздался громкий голос:

— Его величество — король Студенческого архипелага, Норман Седьмой!

В зале стало ещё тише. Казалось, все перестали дышать. Так что размеренный шаг короля расслышали с самого начала. А когда Норман Седьмой появился из-за кулис сцены, привычно для всех в парадном облачении боевого мага, зал снова одновременно поднялся. И это было таким поразительным впечатлением, что Синд чуть не задохнулась от ощущения той силы, которая теперь царила в зале. Воодушевление при виде своего короля стало причиной появления самой настоящей мощи среди магов!

— Слава королю! Слава королю! Слава королю! — прогремел зал.

— Его высочество — принц Норман! — в наступившей тишине снова провозгласил неизвестный глашатай.

С другой стороны сцены снова послышались шаги. И вскоре невысокая фигурка присоединилась к величавой фигуре, застывшей у края сцены. По традиции, королевская семья начинала торжественную часть церемонии посвящения.

— Норман! Норман! Норман! — радостно и ликующе скандировали студенты.

Синд неудержимо засияла от счастья: встав рядом с отцом, Норман взглянул прямо на неё и улыбнулся только ей.

А затем девушка озадачилась: если с появлением короля толпа, поприветствовав его и замолчав, чуть дышать не перестала от благоговения, то теперь, когда отзвучало скандирование имени принца, послышались вопросительные шепотки. Прислушавшись, Синд с недоумением подняла брови. А когда рядом и Мартина выдохнула:

— Что с принцем? — девушка спросила:

— А что с ним? Мне кажется, всё в порядке...

— Он совершенно изменился! Такой красавчик! Что с ним произошло?

Синд снова взглянула на сцену. С Норманом всё как обычно: тонкое, одухотворённое торжественной минутой лицо, насмешливая улыбка — ответом на множество шепотков? Может, всех удивляет, что он, как и отец, в парадном костюме воинов-магов (ой, что это у

него на наплечном доспехе? Её белая бабочка!)? Но это обычное одеяние королей! Никто же не удивляется наряду самого короля!

Так ничего и не поняв, Синд села — после того как король взмахнул рукой, разрешая первому курсу сесть на первый ряд, оставленный для них. И мгновенно за спиной, на втором ряду, услышала вопрос:

— Что не так с его высочеством?

Только хотела было ответить, что ничего не произошло, как сообразила, что вопрос не к ней, а значит, можно поневоле подслушать ответ и понять, чему все так удивляются.

— Сбылось предсказание. Точней — не совсем предсказание. Это было в поворотный момент войны на Студенческом архипелаге. В учебниках истории об этом молчат, потому что это личное дело королей Архипелага. Когда нечисти стало слишком много, а боевых магов осталось так мало, что пришлось привлекать всех, у кого была хотя бы малая толика магических способностей, Норман Второй поклялся, что готов отдать жизнь за государство, лишь бы спасти от нечисти Архипелаг. А был он красавцем из красавцев! И тогда один из демонов, с которым он в тот момент схватился, засмеялся и сказал: если Норман Второй хочет спасти своё королевство, такой жертвы богам судьбы не нужно. Нужно всего лишь взять на себя бремя некрасивости, начиная с себя и далее по роду, — до тех пор, пока не найдётся девушка, которую в любви к королю или к его отпрыскам не будет волновать, красив ли он, или нет. Когда найдётся та, которая полюбит не за красоту, а за душу. Взаимно. Норман Второй немедленно дал ту клятву. Демон получил его красоту, и Норман Второй убил его, тем самым обеспечив перелом в великой битве.

— Хочешь сказать, что нашему (Синд улыбнулась) принцу повезло (Синд покраснела) и он влюбился взаимно?

— Судя по его нынешней внешности — да. И обрати внимание: он в последнее время только и делает, что улыбается! Ну разве не влюблён?

— Любопытно: кто его избранница?

И за спинами первокурсников немедленно зашептались, обсуждая интересующий всех вопрос.

Девушке захотелось закрыть ладонями лицо, как будто сидящие позади могли увидеть её улыбку и сообразить, в кого влюблён Норман. Сидевшая рядом Мартина потянула её за руку, обращая на себя её внимание. Незаметно показала большим пальцем назад, а потом, тихонько прыская в ладошку, потрясла руку подруги. Кажется, она тоже слышала разговор обсуждавших внешность принца. Синд опустила глаза, слишком счастливая, чтобы делать подруге замечание. Тем более краем глаза она заметила, что друзья, сидящие рядом, с трудом удерживаются от желания взглянуть на неё, радостно улыбаясь.

Посвящение в студенты оказалось коротким. Всего час. Король произнёс приветственную речь первокурсникам. Затем на сцене появились декорации главной битвы за Студенческий архипелаг, а несколько студентов-старшекурсников прочитали отрывки из поэм, прославляющих битву и её героев. И закончился час тем, что на опустевшую сцену снова вышел король Норман Седьмой, а кураторы начали подводить к нему своих подопечных. И каждый вставал на колени перед королём, произносил короткую клятву быть верным своему государству и своему призванию, а Норман Седьмой касался плеча студента клинком своего меча.

Магия — это направленное воздействие, а значит, маг должен быть очень осторожен, чтобы не нанести кому-либо вреда своими действиями. Поэтому на Студенческом

архипелаге к этому студенческому празднеству относятся очень серьёзно, и король принимает участие в церемонии, словно посвящая студентов в рыцари от магии.

У Синд ноги подкашивались, когда она встала близко к королю. Первокурсник перед нею преклонил колено перед королём, был посвящён и быстро ушёл в сторону, откуда ему махали друзья. Синд подошла к королю с сильно бьющимся сердцем — казалось, оно вот-вот ударит так, что девушка упадёт от страха и благоговения.

— Не бойся... — услышала она шёпот и подняла глаза.

Норман Седьмой смотрел на неё ласково, как на всех студентов, но внезапно его подбадривающая улыбка пропала. Теперь уже глаза его стали беспокойными и упорно вглядывающимися в её глаза. Синд, прикусывая губу, встала перед ним на одно колено и опустила голову.

— Девочка, так это... ты?

От шёпота короля Синд только и сумела кивнуть, не поднимая глаз. Она поняла, как он её узнал: между влюблёнными, говорил отец, протягивается тончайшая ниточка, которую может разглядеть сильный маг. А кто же король Архипелага, как не сильнейший маг? И сразу новый страх овладел ею: а если ему она не понравится? Если король не захочет, чтобы она, Синд, стала подругой его сына?

Меч опустился на её плечо, после того как она срывающимся голосом, то и дело пропадающим, прочитала клятву. Клинок ещё был на её плече, когда рука короля мягко опустилась на её голову.

— Я... горд, девочка, что мой сын полюбил тебя, а ты — его. Поговорим позже.

Отзвучал шёпот короля, и Синд с облегчением поняла, что ничего страшного и не могло быть. Она поцеловала Норману Седьмому руку и быстро пошла к своей группе, к травникам, которые ждали её, но и ещё троих.

Когда церемония посвящения прошла, а короля студенты проводили со сцены старинным боевым воплем, под который он вышел величаво и с достоинством, как мог выйти только король, руководитель группы травников вывел своих подопечных на улицу и быстро напомнил:

— Господа! Вам на всё про всё, то есть до начала бала, — полчаса! Не забудьте, что время бала — не только для танцев, но и для развлечений. Настраиваемся на весёлое времяпрепровождение!

Синд огляделась, и дыхание её перехватило: на улице стемнело, но вечерняя темнота только подчеркнула красоту устроенных старшекурсниками магических огней: здесь не только сверкали фейерверки и вспыхивали салюты! По краям всех дорог студенческого городка сияли разноцветные кусты, превращённые в оригинальные фигуры. То огромная кошка возлежала, положив лапы перед собой и мигая призрачно-зелёными глазищами; то вертелась миниатюрная мельница, брызгая во всех стороны острым, разноцветным же огнём.

— Си-инд!

Девушка вздрогнула и оглянулась. Вся компания торопилась к ней, и некоторое время они поздравляли друг друга с зачислением в официальные студенты, обнимаясь и смеясь над старой шуткой, что до сих пор они учились в университете тайком и контрабандой. Первой пришла в себя рыженькая воительница.

— Наши полчаса!! — завопила она и вскинула в воздух меч. — Время, дети, время!!

— И что? — с недоумением спросила Синд, поскольку никто с места не сдвинулся.

— Как — что? — усмехнулся Рик. — Мы тебя сейчас отведём в комнату, чтобы ты при нас оделась — ну, то есть не совсем при нас... Ну, в общем, ты поняла, что я хотел сказать... А потом ты пойдёшь к Мартине и дождёшься, пока она оденется.

— Не поняла. Зачем?

— Чтобы больше ни в какие истории не попадала, — объяснил Александр. — Нам так легче — знать, что ты не только готова к балу.

— Ясно! — засмеялась Синд и схватила подругу за руку. — Бежим без ребят! Им самим некогда, а мы — быстро!

И услышала брошенное вслед ворчливое:

— Это когда бывало, чтобы девушки — и быстро?

Девушки расхохотались и припустили ещё быстрее.

— Доказывай им ещё... — пробормотала, задыхаясь на бегу, Мартина.

— Мартина, — уже серьёзно обратилась к подруге Синд. — Ты только доведи меня до комнаты, а там я сама. Честно говорю — остерегусь!

— Ну нет! — железным тоном сказала рыжая воительница. — Идти домой, переодеться к балу и всё это время психовать, что там ещё надумает устроить твоя неугомонная семейка, — это выше моих сил. Я так из боевых магов в Бог знает кого переквалифицируюсь!

— Хорошо, — уступила Синд. — Я постараюсь всё сделать очень быстро.

— Надеюсь, мы с тобой в двери войдём? — осведомилась Мартина, когда показалось общежитие травников. — А то я начинаю привыкать к мысли, что окно для попадания в твою комнату гораздо удобней.

Синд только фыркнула.

Они радостно поздоровались с вахтенными стражниками и помчались по лестницам. По дороге Мартина вспомнила и подозрительно спросила:

— Синд, а ведь мы убежали на посвящение, а дверь в комнату не закрыли? Не заходи без меня — поняла?

— Ух, как грозно, — пробормотала девушка, в мечтах уже одетая в своё роскошное платье и летящая в танце, ведомая руками Нормана.

— Ничего и не грозно, — уже спокойней сказала рыжая воительница, остановившись у двери в комнату и приглядываясь к ней. — Знаешь, я теперь даже жалею, что Александр с нами не пошёл. Так. Вхожу первой. Вроде ничего на полу нет. Ну... Кроме сажи. Не наступи — я предупредила!

— Ага, — сказала Синд, перепрыгивая чёрное пятно и сразу направляясь к шкафу. Сама она успела оценить состояние комнаты: никаких ловушек! При том, что на этот раз все углы осмотрела настороженно, заранее настроившись, что возможны ловушки.

Но ожиданий Мартины она не нарушила: быстро влезла в платье, при виде которого рыженькая воительница восхищённо прищёлкнула языком; а потом Синд надела туфельки. И только примерилась сделать шаг — как едва не упала! Каблук левой сломался!

— Вот это да... — тихо сказала Мартина. И села на табурет. — И что теперь делать?

Баронет Вустер всегда шёл напролом в достижении собственной цели. Он прекрасно знал, что его в университете втихомолку называют толстым тугодумом. Был согласен и с тем, и с другим. Но если первое проезжало мимо ушей (он гордился величавостью, которую создаёт его неспешная походка), то второе вызывало в нём сомнение. Да, тугодум. Но такой он, оттого что умеет анализировать, не сразу действует и очень редко попадает впросак. Ему даже нравился собственный способ анализа. Он собирал три-четыре факта, связывал их между собой, сосредоточенно рассматривал и лишь после крепких раздумий начинал действовать.

С белобрысой девчонкой Вустер вляпался конкретно. Хотя все три факта были рассмотрены тщательно — и не придерёшься. Он и раньше видел её мельком в апартаментах разгульных сестёр. Привык к мельканию трудолюбивой сиротки, которая не покладая рук работала в комнатах и безропотно сносила насмешки и хозяек апартаментов, и их гостей. Всё это и отложилось: безропотная и работающая сирота; имеет связи в высшем магическом обществе — тот же драконий оборотень, например, разговаривал с нею на равных; чистокровная — хотя этот факт не обладал значимостью, но было лестно иметь через девчонку пусть и шапочных знакомых в высшем свете. Но... Дорогу перешёл тот, кому Вустер слово поперёк не осмелится сказать. Хотя и обидно, что этот урод, имеющий высшее положение, может себе позволить всё, что угодно. Именно так. Баронет считал принца Нормана уродом. Причём, думая о том, подходил к зеркалу и самодовольно любовался собственным приятным лицом с чистой, прозрачно-розовой кожей.

Но сегодня произошло нечто, что заставило баронета Вустера снова собирать факты, чтобы использовать их практически — и побыстрей, пока никто другой не догадался сделать то же самое, опередив баронета.

Итак, факты. Неожиданное преображение принца — раз. Его выбор бальной пары — два. Третий факт: у бальной пары Нормана есть пусть и сводные, но сёстры. Незамужние.

Додумавшись связать эти три факта, Вустер пошёл искать сестёр.

Он знал, что ленив и неповоротлив. Он знал, что выезжать из собственного поместья ему всегда тяжело и мучительно. Но он тоже мечтал быть приближённым ко двору. Или хотя бы числиться таковым среди своих спесивых соседей. Так что, величественно шагая между студентами, которые уступали ему путь из опасения стукнуться о него и отлететь в сторону, он в сладких мечтах видел, как на званых обедах у своих соседей, он небрежно замечает: «А что король? Ничего особенного. Вон и жена моя... Родственница ему... И что?»

От осознания собственной невезучести Синд скривилась в подступающем плаче, а потом взяла себя в руки: под сочувственным взглядом растерянной рыжей воительницы решительно сняла и вторую туфельку и положила обе в сторону.

— Ничего! У меня есть туфли, в которых я была на посвящении!

— Синд! Что за упрямая девчонка?! Почему ты до сих пор здесь — совершенно не готовая к балу! На тебе только платье! Где твоя обувь? И почему ты до сих пор не удосужилась побывать у парикмахера?

С резко распахнутой дверью в комнату ворвалась искренне обеспокоенная мачеха — и девушка привычно сжалась, ожидая проклятий или чего-то подобного. Но присутствие Мартины, немедленно вскочившей со стула, её ободрило. При постороннем человеке мачеха

точно ругаться не станет. Синд подняла туфли и со вздохом повернулась к мачехе.

— Мадам, мне очень жаль, но, оказывается, я купила бракованные туфли. Каблук...

Мачеха отобрала туфли, внимательно обследовала место сломанного каблука и вздохнула. Глядя куда-то в пространство перед собой, она, как ни странно, не стала злиться или ругаться из-за недосмотра, а вздохнула и задумчиво сказала:

— Вот что бывает, когда торопишься из-за важнейшего события в жизни.

— Мадам, — чувствуя себя на этот раз справедливо виноватой, неловко сказала Синд. — Лавка на такие вечера обычно закрывается. Смогу обменять эту пару или потребовать деньги назад только завтра утром. Но у меня есть другие туфли, — и она подняла с пола и продемонстрировала туфли на низком каблуке, в которых проходила посвящение в студенты. — Так что ничего страшного. Платье длинное, под подолом никто не заметит, что туфли немного не соответствуют...

— Милая моя Синд! — Мачеха произнесла это так проникновенно, что девушка оторопела, и ей немедленно захотелось потрясти головой: неужели это говорит мадам?! — Ты сегодня должна быть и будешь самой обворожительной на балу! Ты девушка — и дебютантка в свете! Это твой первый бал! В твоей одежде не должно быть ни малейшего беспорядка, о котором приходится помнить! Ты должна быть уверенной в себе и очаровать всех, а особенно своего партнёра. Думать во время танца о том, что подол платья развевается — и все видят неподходящую обувь?! Помнить о беспорядке в наряде? Ни за что! Это делает женщину слабой! Синд! Милочка, запомни: это не просто мелочь! Это туфли! Самое сильное оружие женщины во всех смыслах!

Пока мадам говорила, Синд постоянно останавливала свои пальцы, которыми пыталась ущипнуть себя: не во сне ли она?! Что это с мачехой?! Пришлось осторожно скользнуть глазами по боку мачехи, чтобы убедиться: боевой веер ледяной колдуньи — на месте! Краем глаза уловила: Мартина снова шлёпнулась на табурет — с полуоткрытым от изумления ртом! А потом рыженькая воительница захлопнула рот и устроилась на том же табурете основательно. Кажется, она твёрдо решила досмотреть до конца то странное представление, которое давала мачеха Синд.

А та, договорив свои страстные речи, осторожно взяла сломанный каблук и, положив туфельку на стол, принялась что-то бормотать над обувкой. Синд несмело подошла посмотреть, а Мартина так и вытянулась: ей со своего места было видно почти всё, даже ладони мачехи, которые двигались над туфелькой, словно закрывая и снова открывая вид на предмет.

Нет, Синд знала, что мачеха сильная, но чтобы такое!..

Мадам разогнулась от стола и с победной улыбкой протянула девушке туфельку с каблуком, выглядевшим настолько влитым, будто он являлся частью самой колодки!

— Ну-ка, примерь! — скомандовала мачеха.

Синд осторожно встала на каблук. Походила, встала на месте.

— Спасибо большое! — искренне сказала она. — Это просто замечательно!

— Есть одно условие, — вздохнула мачеха, и Синд заметила, как мгновенно насторожилась Мартина. — Это заклинание из тех, что действуют только до полуночи! Но, если бал затянется, ты можешь сослаться на усталость и сбегать за этими туфлями — с низким каблуком. В них и в самом деле будет удобнее, когда устанешь танцевать на высоком каблучке. В обществе это допустимо. После всех этих танцев тебе ни один не скажет своего «фи», если ты переобуешься в более удобные туфли. Запомнила, милочка?

— Да, мадам, запомнила!

И даже рыженькая воительница, всё время молчавшая, но строго следившая за происходящим, расслабилась.

— А теперь — марш к окну! — снова скомандовала мачеха. — Садись на стул спиной ко мне! К парикмахеру ты уже и впрямь не успеваешь, но идти на бал с такими патлами? Не пуцу! Ты должна выглядеть на все сто! Где твоя расчёска?

Синд осмелела до такой степени, что чуть не съязвила: мол, а кто мне эти патлы устроил? Но решила смолчать. Когда ещё мачеха будет в таком благодушном настроении? И даже стало любопытно: неужели она справится с короткими волосами и что-то сможет сочинить из них? Жаль, что нельзя на волосы навести иллюзию: кругом маги — и каждый под иллюзорной маской сразу увидит настоящее положение дел с причёской.

На подоконник поставили небольшое зеркало со стены и рядом — банку с мелкими белыми розами.

Мачеха колдовала над волосами Синд недолго: её на удивление тонкие и ловкие пальцы словно обежали голову падчерицы, а потом торжествующая женщина отошла от зеркала, которое до сих пор закрывала собой. Тонкая бесконечная коса, куда вплелись все волосы и розочки из банки, слегка поднималась на голове девушки в подобии изысканного венца. Лицо сразу стало более открытым, а глаза ярче.

— Ха... — удовлетворённо сказала мачеха. — Оказывается, не забыла ещё... Мда, как жаль, что нельзя добавить самой капельки привлекательной магии. Учти: на первый бал никакой косметики! Так, что ещё? Осталось только надеть кое-какие безделушки — и бальный наряд закончен.

— У меня есть, — поспешно сказала Синд и объяснила удивлённой мачехе: — Остались от мамы. Браслет и цепочка с кулоном.

— Хм... — снова задумчиво сказала мачеха, следя, как Синд поспешно надевает перед зеркалом украшения и пристёгивает бальную сумочку к поясу платья. — Это будет бомба... — И ухмыльнулась.

Что под последним имела в виду мачеха, девушка не поняла.

— И не надо мне сверлить спину своим пронизывающим взглядом, деточка, — ядовито обратилась мачеха к насупившейся Мартине. — Не надо проверять меня на искренность, ибо я абсолютно искренна в стремлении сделать из милочки Синд конфетку! И пусть найдётся тот, кто осмелится сказать, что я не преуспела в своём желании!

Мачеха была права: Синд выглядела хрупким ангелом — в снежно-голубом платье и с живыми белыми розами в волосах.

— Большое спасибо, мадам, — тоже от всей души поблагодарила девушка и присела перед нею в реверансе. — Вы были весьма добры ко мне!

Синд, прихватив юбки, чтобы в пути не мешались, а Мартина, наконец сняв ладонь с рукояти меча, дружно попрощались с мачехой у выхода из общежития, куда она их проводила. Под восхищёнными взглядами всех, кто в этот момент находился в вестибюле (Синд оглянулась — мачеха расцвела при виде этих взглядов!), девушки выбежали на улицу, где их уже в нетерпении ожидала пополнившаяся компания. Без пар пока были только Синд и Мартина.

— Мартина, бежим к тебе! — велела девушка. — Теперь я помогу тебе одеться. И, поверь, я умею не хуже мачехи делать парадные причёски!

— Девушки, для начала бы неплохо спрятаться, — напомнил Александр. — Первый час

бала — маскарад! Надеваем истинные маски! А потом бежим в общежитие боевых магов! Быстро, а то у Синд платье очень заметное и запоминающееся! Ты в нём чудесна, но...

Истинные маски магов — это те специализированные по главным способностям маски, под которыми никто не увидит настоящего лица мага. Норман потому и не разглядел лица Синд под её истинной маской. Травники, например, — это маска растительного узора. Боевые маги — маска, имитирующая металлическое забрало без шлема. Дракон обычно носит маску из множества чешуек.

Компания, смеясь в предвкушении вечерних приключений, быстро отвернулась к стене общежития и наложила ладони на лица. Обернулись, обрадовались, что помнят, кто где стоял, и побежали наряжать к балу Мартину.

Подруги — впереди всех.

— Как ты думаешь, почему твоя мачеха такая ласковая?

— Мне кажется... Мадам думает, что я сразу выйду замуж. Она надеется, что сразу после меня замуж выйдут сёстры. Она давно мечтает об этом. Как хорошо, что мадам не знает, что принцу не позволено жениться ещё два года обучения!

— Откуда ты знаешь об этом? — поразила Мартину.

— Норман рассказывал, когда я спросила про Фернана. Его друзья тоже не имеют права жениться, пока не женат принц.

Некоторое время они бежали молча, то и дело вспыхивая улыбками, а то и радостным смехом при виде сверкающих вокруг цветных салютов и ликующей толпы.

— Синд, не хочется говорить чего-то огорчительного в такой день и тем более тебе, — осторожно сказала рыженькая воительница. — Но ты уверена, что выйдешь замуж за принца? Или... Ты уверена, что он сделает тебе предложение?

— Уверена, — спокойно отозвалась девушка и улыбнулась.

— А... почему ты уверена?

— Что же здесь непонятного? Потому что я же люблю его! А он любит меня! Поэтому я выйду за него замуж!

Мартина только сжала её ладонь и кивнула.

Норман застёгивал старинный камзол без знаков отличия. Он знал, что студенты со старших курсов универсальной магии будут в таких камзолах. И маски у всех одинаковые — сплошь чёрные, в пол-лица. Именно такие наряды были у первых студентов университета, которым поневоле приходилось то и дело выбегать с занятий по тревоге и сражаться с вылезавшей нечистью Студенческого архипелага... Друзья, готовые к выходу, сидели в креслах и негромко разговаривали о маскараде прошлого года.

Надо бы напомнить.

— Фернан, Эймери, вы не забыли, чем нынешний бал будет отличаться от прошлогоднего?

— И чем же это? — скептически спросил Эймери.

— У меня сегодня не будет телохранителей.

Лица друзей вытянулись. В молчании прошло некоторое время, за которое Норман закончил бой местного значения с упрямыми пуговицами, а Фернан успокоился и сказал:

— Хочешь сбежать, как в прошлом году? Втык-то нам будет.

— Хм... Не в этом дело. В прошлом году на балу только ты был со своей подругой. В этом — Эймери тоже обзавёлся, причём Мартину — девушка серьёзная. Чуть что — сразу в драку, — шутливо улыбнулся Норман. — Хочу сказать следующее: я заранее подошёл к

начальнику охранного отделения университета и сразу сказал, что на сегодняшнюю ночь не буду нуждаться в охране. А если он не желает такого оборота дела, пусть сам попробует меня найти.

— И? — с интересом спросил Эймери. — Нашёл?

Норман только улыбнулся.

На прошлогоднем балу Норману так надоело постоянное присутствие при нём друзей-телохранителей, что он пропал бесследно. Нашли его только утром, по следу подружки на том балу. То есть нашли точно: он то появлялся и с удовольствием принимал участие в каких-то розыгрышах, то снова исчезал — и это среди многочисленной и очень плотной толпы. Тогда же было признано, что принц Норман — лучший в магической маскировке.

— Но теперь, как вы сами понимаете, вам меня вообще не найти. Начальник охраны принял такое положение дел — и вы освобождены от своей работы на время празднества.

Друзья снова переглянулись, не совсем понимая, радоваться им или нет.

— То есть на тебя можно вообще не обращать внимания? — пожелал убедиться в услышанном Эймери.

— Можно. Правда, есть один нюанс. Фея моей Синд оказалась феей. Со своими, фейными привычками. Эймери, ты отнёс свёрток для Синд?

— Мы с Мартиной сходили вместе, — смутился Эймери. — Она и отнесла в комнату.

— Синд не видела этого свёртка, — задумчиво сказал Норман. — И что-то помешало Мартине показать его ей.

— Откуда ты знаешь?

— Этот свёрток стоит у меня перед глазами последние полчаса. И, судя по фону, на котором он находится, этот предмет понадобится мне ближе к полуночи.

— Сбегаю, — поднялся Эймери. — С Мартиной я уже переговорил, когда и где встречаемся, так что успеваю. Говоришь — ближе к полуночи? Будет тебе свёрток.

— Фернан, иди и ты к своей невесте, — обратился Норман к другу, едва за Эймери закрылась дверь. — Тоже почувствуй себя свободным и всё своё внимание отдай ей. Не бойся за меня. Мы ещё встретимся на балу, но не в положении телохранителя и его подопечного, а как его беспечные участники. Желаю тебе хорошо повеселиться.

Фернан учтиво склонил голову и вышел из комнаты принца.

Догнав Эймери, он было пошёл рядом с ним, но вспомнил:

— Эймери, мы забыли уточнить, во сколько нам надо быть при его высочестве!

Друзья бросились назад, в апартаменты Нормана. Постучав, нетерпеливо распахнули дверь. Переглянувшись, телохранители быстро обыскали все комнаты. Принц исчез бесследно.

Для бала, по традиции, приготовили весь первый этаж главного корпуса, открытые галереи над ним, а поскольку оркестр стоял на открытом балконе, то на площади перед главным корпусом собирались танцевать те, кто хотел находиться на свежем воздухе. Хотя и на этажах главного корпуса были открыты все окна.

Синд с радостным оживлением смотрела на происходящее. Толпы народу, искрящийся смех, бегающие повсюду разносчики с фруктами и сладостями, празднично сияющий свет — всё приподнимало над недавней суетой и заставляло ожидать сказки!

— О, — сказала со смешком Мартина. — Эймери разорится! Только что видела на подносе одного из мальчишек-продавцов засахаренный имбирь! Обожаю!

Они обе стояли пока без кавалеров. И вся компания как-то невольно встала вокруг них,

словно защищая от посягательств чужих и от ненужного внимания со стороны. Рыженькая воительница сумела удивить всех, надев платье, по силуэту такое же, как у Синд, но неожиданно странного цвета — почти терракоты. Правда, как ни странно, цвет очень хорошо подошёл к цвету её волос, более тёмный — подчеркнул задорную рыжину Мартины. В отличие от Синд, которая приложением к платью взяла бальную сумочку, юная воительница подвесила на поясе небольшой, почти игрушечный кинжал в резных ножнах. Разглядеть оружие было трудно, так как оно то и дело пряталось в складках пышных юбок, но Мартина сказала, что это очень хорошо.

— Ну, что мне делать, если чувствую себя голой, когда совсем без оружия, — чуть не обиженно сказала она, объясняя присутствие кинжала. — Да и вообще — он же почти декоративный! Мой куратор сказал, что такой — можно!

Полюбовавшись на световое празднество на улице, приготовленное магами огня, вся компания постепенно перебралась в главную залу первого этажа. Ребята уже решили, что танцевать будут на улице, но посмотреть на главную танцплощадку надо обязательно, хотя бы походить по паркету, примериваясь к будущим танцам. Многие студенты так и делали: сначала любопытствовали на главную залу, а потом выходили на улицу.

Разгорячённые общей праздничной атмосферой, ребята из компании возбуждённо смеялись, пытались угадать знакомых, тоже спрятавшихся за масками. Угадывали в основном тех, кто ленился учиться. Поэтому Синд несколько не удивилась, услышав радостный шепоток друзей:

— Синд... Синд... Смотри — твои сестрички!..

Синд посмотрела в указанную сторону и с гордостью (мысленно) погладила себя по голове: наряды для сестёр получились неплохими!.. Ивет и Лунет стояли не просто так, сами по себе, а в окружении привычной компании, и две девушки, их знакомые, а может — однокурсницы, явно спрашивали, откуда у сестёр такие необычные платья и в какой мастерской они ушивали их по фигуре... Правда, будучи хроническими недоучками, обе сводные сестры не сумели спрятаться за своими специализированными масками. Хотя их-то как раз это и не беспокоило: они вовсе выставляли себя напоказ, весело смеясь... Синд даже нахмурилась: не напомнить ли старшим, что где-то здесь бродит мачеха? Ледяная колдунья вряд ли хотела бы, чтобы дочери заранее, ещё до начала бала, оказались навеселе! Ругаться будет!.. Но затем Синд вспомнила, что теперь не ей следить за старшими сумасбродками, и вздохнула с облегчением.

— Почему не начинают бала? — спросил кто-то рядом.

Синд оглянулась и неожиданно обнаружила, что её компания постепенно отошла от неё: любуясь нарядами и в азартном старании угадать знакомых, ребята не заметили, что оставили Синд в одиночестве. Она поискала их и заметила Александра, самого высокого. Недалеко — не страшно! Но что ответят этой девушке, которая нетерпеливо задала вопрос, интересующий всех?

— Его обычно начинает принц со своей парой, — сказал кто-то, кого девушка не разглядела. — В прошлом году у него не было пары — и бал начинал Фернан со своей невестой. Но теперь...

Дальше Синд не расслышала, но и без того всё было ясно. Оставалось неопределённым, как отыскать Нормана и как к нему подойти. Или он должен отыскать её? Вообще-то, они договорились встретиться, но не обговорили деталей... Синд вдруг стало грустно: чем она умней своих старших сестричек? Надо всё заранее продумывать, а она такая

легкомысленная! Такого важного дела не смогла хорошенько обдумать!

Она стояла, опустив руки, слегка приподнятые пышными юбками. Мимо проходили принаряжённые студенты, с удовольствием заглядывая ей в лицо и часто с надеждой повторяя одно и то же:

— Маска, я вас знаю?

Но Синд лишь печально улыбалась и качала головой.

Толпа студентов не уменьшалась: всем хотелось посмотреть самое начало маскарада. Оркестр уже настроил свои инструменты. Музыканты в светлых костюмах оживлённо переговаривались, а совсем растерянная Синд чувствовала сама, как медленно тает её улыбка, но уже не могла заставить себя улыбнуться снова. Потерялась. Заблудилась... Искать ли Нормана? Найдёт ли он её сам?.. Стоявшая близко к входной двери в залу, чтобы выйти сразу, Синд машинально смотрела на мелькающие вокруг да около фигуры, полностью погрузившись в грусть...

Но даже в этом состоянии она внезапно заметила: студенты бегали по первому этажу и галереям всё так же суматошно, но почему-то середина главного зала постепенно расчищалась. Наконец это странное явление привлекло её уже пристальное внимание. Странное, потому что, кажется, кроме неё, этого никто не замечал.

Наконец, проходящих по самой середине зала осталось совсем мало. Редкие девушки и юноши перебегали друг к дружке, окликая найденных и радуясь встрече ...

Сама того не замечая, Синд подняла руки и стиснула их у груди. Сердечко забилось сильно-сильно. Напротив, на той стороне зала, стоял Норман в маске, которой девушка не замечала, и, улыбаясь, смотрел на неё.

Когда в центре зала стало так пусто, что это наконец-то заметили все остальные и начали затихать в восторженном и нетерпеливом ожидании, принц первым сделал шаг вперёд, не отрывая взгляда от девушки. Синд вспыхнула от удовольствия и поспешила ему навстречу. Они встретились строго посередине зала, и теперь их видели все. Норман коротко поклонился Синд и подал ей руку. Грянула музыка старинного менуэта — и зал заплодировал первой паре, открывающей маскарад.

Когда Синд думала о своём участии в танцах среди людей, в каком-нибудь праздничном зале, она испытывала сожаление и некоторое опасение. Сожаление — потому, что казалось: никогда не будет в её жизни такого праздника, о котором мечтала для неё мама. Опасение — потому, что, в случае такого непостижимого, но счастливого поворота судьбы, оставался страх, что она не сумеет показать мамины уроки при людях и опозорится. Одно дело — танцевать в одиночку или с мамой, другое — в огромном зале, среди огромного количества людей.

Но с Норманом танцевать удивительно легко! Он властно вёл её рядом с собой, с улыбкой глядя прямо в глаза. Поэтому она даже несколько удивилась, когда обнаружила, что секунды спустя рядом с ними появилась ещё одна пара, обходящая зал, собирая «ручеек» будущих танцоров менуэта. Девушка тоже была в голубом платье, чуть темней, чем у Синд, и светло-русые волосы незнакомки были тоже очень плотно собраны в изысканно строгую причёску, узел которой украшала белая роза. Лицо её тоже прятала иллюзорная маска — белая с золотом бабочка. Девушка приветливо взглянула на Синд — и слегка улыбнулась, здороваясь без слов. С другой стороны её вёл Фернан. Только Синд успела улыбнуться Фернану и разглядеть его невесту, как краем глаза заметила, что в танцевальном «ручейке» следом за ними идут ещё несколько пар, а за ними выступают из толпы следующие пары.

И это было так торжественно и красиво, что Синд именно сейчас хотелось открыть Норману тайну, которая всё вертелась на языке, но девушка помалкивала, потому что не знала, удобно ли говорить такое в данной ситуации.

Они обошли зал, собрав всех, кто хотел и умел танцевать менуэт. Танец хоть и нетрудный, но совершенно незнакомых с ним мог сбить с толку, поскольку надо было помнить, какая фигура за какой идёт. Так что первыми начали танцевать самые уверенные в себе из собравшихся в главном зале.

— Я не ожидал, что ты осмелишься на первый танец, — сказал Норман, обходя свою даму, которая, прихватив юбки, присела.

— А я не ожидала, что первым будет менуэт, — насмешливо сказала Синд.

— Но ты не выглядишь робкой и неуверенной. Где ты научилась танцевать его?

— Дома. А ты уже не первый год танцуешь его?

— Мне пришлось его выучить тоже дома, — чуть недовольно сказал принц и засмеялся. — Хотя мне нравится танцевать. Очень... Правда... У меня были партнёрши, которые до сих пор с тихим ужасом вспоминают, как увлечённо я оттаптывал им ноги.

Они поменялись местами с ближней парой. Теперь Синд улыбалась Фернану, а Норман — его девушке. Фернан меланхолично сказал:

— Синд, я так рад, что ты постоянная пара Нормана!

— Почему?

— В прошлом году он пытался увести мою невесту.

— Увёл? — невольно заинтересовалась девушка. И с трудом удержала улыбку на губах, сразу встревожившись и запереживав из-за Нормана: а если Фернан скажет, что его невесте не понравилась тогдашняя внешность принца?

— Нет. Мне повезло, что Розалия не просто моя подруга детства, но любит меня так же, как и я её.

Новая смена в танце, и Синд снова оказалась рядом с принцем.

— Готова ли ты танцевать всю ночь? — спросил Норман, странно усмехаясь радости Синд. — Уверена?

— Да, готова! — смеясь, ответила девушка. И опустила глаза: сказать — не сказать? Нет, пока лучше выждать. — Но не только! Говорят, бал для первокурсников — это нечто! Но в чём оно, это нечто? В развлечениях? Во вкусностях?

— Первое развлечение лично для нас будет сразу после танца, — серьёзно сказал Норман. — Мы идём знакомиться с моим отцом. Он хочет видеть ту, что разрушила проклятие демона.

Мгновенно пересохшие губы Синд облизала, в танце отвернувшись от Нормана. Король не показался ей строгим в мимолётном знакомстве на посвящении в студенты, но неизвестно, как он поведёт себя, когда узнает, что она всего лишь... И гордо выпрямила спину: она та, кто разрушил проклятие демона! И хоть для мужчины красота — это не то, что для женщины... Хоть принц Норман в будущем всё равно нашёл бы себе девушку по душе, пусть не любящую его. Но его избранница с радостью пошла бы за него замуж — уже из-за одного только его титула и положения, а потом — как знать, может, она бы всё-таки и влюбилась в него по прошествии времени, поняв, какой удивительный он человек... Но... Проклятие — оно и есть проклятие. И принадлежать к семье, к которой все относятся насторожённо...

И сердце заколотилось: не время и не место, но как хочется спросить, получилось ли у Нормана и его друзей что-нибудь с медальоном? Получилось ли вообще найти время, чтобы рассмотреть заклятие, запершее отцовскую душу? Нет, она спросит чуть позже.

Минутный перерыв в танце, и Норман привёл свою бальную пару к отцу. Король со своими приближёнными сидел в углу танцевальной залы, где им не мешала музыка, приглушённая магами пространства до такой степени, что можно спокойно и негромко разговаривать и любоваться танцующими. Король при виде подходящих к нему поднялся и велел принести кресло для Синд.

— Садись, девочка. Твоя бальная пара постоит, — усмехнулся он принцу. — И не снимай маску. Понимаю, что законы бала требуют, чтобы ты сняла её передо мной, но я уже видел твоё лицо. И хоть хочется ещё раз увидеть тебя, я подожду более подходящего момента.

— Спасибо, ваше величество, — пролепетала Синд, во все глаза всматриваясь в лицо, такое, кажется, знакомое, но старше привычного!

— Назови твоё родовое имя, девочка, — попросил король.

— Щит На Вратах.

— Знакомо... — пробормотал король, опустив голову и явно пытаюсь вспомнить. Резко поднял голову. — Вспомнил! Он герой битвы с тварями на островах! Медальон с изображением щита!

— Ты и в самом деле помнишь его? — удивился принц.

— Как не помнить? Их было трое героев, оставшихся в живых на самом берегу Тартара, пока мы не подошли с новыми силами, — медленно сказал король, нахмутив брови и вглядываясь в Синд уже по-другому. — Да, девочка, ты похожа на своего отца.

— И не только внешне, — усмехнулся Норман. — Видел бы ты, как она дерётся на мечах! А как умеет плавать!

— Вы успели так близко познакомиться? — удивился король. — Я очень рад!

Когда они вернулись в танцевальный круг, Норман сказал:

— Вот теперь мы танцуем вальс, а потом нам надо будет сбегать в одно интересное местечко. Не возражаешь?

— Ты хитрый, — засмеялась Синд, с трудом расслабляясь от пережитого напряжения: кажется, теперь, если даже принц не справится с закланием мачехи, всё равно будут попытки сделать это и дальше. — Не сказал, куда именно меня поведёшь, заинтриговал до умопомрачения и ещё спрашиваешь, не возражаю ли я! — И она завертела головой и обрадовалась: друзья не отстают — танцуют вальс в главном зале! Хотя ребята-стихийники сначала и побаивались!

— Ещё минута, — шепнул Норман, увлекая партнёршу за собой.

Мелькнули лица друзей, сияющая Мартина в руках Эймери — и вдруг всё исчезло!

Норман остановился.

В первые секунды Синд показалось, что они на самом танцевальном бегу влетели в какую-то пустую комнату — да ещё без стен. Но потом, когда они немного постояли, чтобы отдышаться, она пригляделась и поняла, что их... выбросило в странное пространство, которое постепенно начинает обретать формы и цвет. И вскоре они оказались в цветочной галерее, по которой побрели — сначала медленно, будто опасаясь чего-то, а потом более уверенно. А зелень оплетала невидимые стены и расцветала вокруг них и над ними ярчайшими сладко пахучими цветами. И под ногами появилась дорожка, по которой идти было очень удобно. Настоящая сказка!

— Что там, впереди? — несмело спросила Синд, с огромным любопытством присматриваясь к чему-то впереди, что отличалось от бесконечных ветвей зелени.

— Это место, которое ждёт только нас, — улыбнулся Норман.

Из цветочной галереи они вступили в небольшой зал, часть которого занимал небольшой бассейн с низкими стенками. Синд, ведомая рукой Нормана, оказалась у воды и с любопытством заглянула в бассейн. Здесь, вокруг невысокого, звенящего струйками фонтана, плавали белые и розовые лотосы, а внизу, ближе к дну, неспешно прогуливались солидные золотые рыбки.

Жестом принц предложил девушке сесть на бортик бассейна. Сам встал рядом, преклонив колени и продолжая держать руку Синд.

— Синд, когда я думал, что мне никогда не быть взаимно любимым, я пытался делать вид, что мне всё равно. Я до такой степени пытался уверить себя в своём равнодушии к ответному чувству своей избранницы, что сам поверил в это. Но теперь, когда я точно знаю, что я люблю и любим, мне захотелось банальностей. Мне захотелось цветов. Мне захотелось романтики у фонтана. Мне захотелось сказать тебе то, что ты уже знаешь, но я всё равно хочу это произнести вслух, чтобы услышать себя и поверить в это окончательно: Синд, я люблю тебя!

Затаив дыхание, девушка смотрела на коленопреклонённого перед нею принца. Наконец выдохнула и тихо сказала:

— Норман, я люблю тебя.

Он осторожно поднял её ладонь и, приложив её к своим губам, некоторое время вглядывался в глаза Синд. А потом сел рядом.

— Никогда не думал, что банальности — это так здорово, — признался Норман. А потом спросил: — Тебе... что-то не нравится? Мне кажется, ты взгрустнула? Почему?

Помолчав немного: а вдруг обидится? — Синд вздохнула и сказала:

— Норман... Теперь мне нельзя на запретные острова?

— Без меня — нет, — железным тоном сказал принц.

— А ты... никуда без своих друзей, — задумчиво сказала Синд, оживляясь.

— А-а... — Норман сдвинул брови. — Если я правильно понял твою мысль, ты хочешь подсоединить к моей компании свою?

— Ага! — уже азартно сказала девушка. — Ты ведь будешь на островах со своей девушкой, а каково будет Эймери, например? Он же тоже захочет, чтобы Мартина была рядом с ним в таких вылазках!

— Стой! Мы ещё не говорили о том, чтобы вообще вылазки устраивать на острова!

— Что? Хочешь сказать, тебе это не нравится? — удивилась Синд. — Время от времени сбегать на Тартар — это же такое замечательное времяпрепровождение! Да, кстати, — вспомнила она. — Ты ведь мне ещё сторожа от локтя не отцепил!

— Что-о?! — поразился Норман. — Ты знаешь про сторожа?

— Ой, можно подумать, что ты только один такой хороший маг, умеющий делать охранные заклинания! Я бы и сама сняла, но ведь ты...

— Э-э... Синд, а мы не слишком рано начали ругаться?

— А мы ругаемся? По-моему, мы определяем границы...

— Стоп-стоп!

Девушка на его «стоп-стоп!» только было строптиво открыла рот что-то сказать, как Норман резко подвинул её к себе и, обняв за плечи, поцеловал. Ошеломлённая, Синд сначала даже воспротивилась его поцелую, напряжённо держась в его объятии, а потом сама прильнула к нему... Когда, почувствовав его движение, девушка чуть отпрянула и затуманенным от неведомого ранее чувства взглядом взглянула на него, он пробормотал:

— Хм... Неплохое средство от ссор, — и снова поцеловал её.

Придя в себя, чувствуя настоящее блаженство, Синд мечтательно сказала:

— А ещё мы сможем наконец опробовать на Тартаре твоё заклинание защиты.

Норман расхохотался.

— Всё. Мне кажется, хватит романтики на двоих у этого банального фонтана! Пора отрываться по полной в танцевальном зале. Готова ли ты, Синд, к новому туру вальса?

— Готова, Норман!

Магическое пространство местас бассейном пропало, и они оказались неподалёку от одной из колонн, где стояли те, кто не танцевал или устал от танцев. Никто не удивился возникшей из ниоткуда паре, которая моментально влетела в круг танцующих.

А потом было то, что, как пообещал принц, должно было понравиться Синд.

На площади перед главным корпусом расположилась не только вторая танцплощадка, но и аттракционы, главной особенностью которых являлась блокировка магических способностей студентов, а поощрялись умение, сила и ловкость. Этот парк развлечений высился на небольшом возвышении, на холме, а до него надо было добираться ярко освещёнными лестницами, между которыми, на площадках, стояли продавцы сладостей. Шагая к парку, Норман и Синд с удовольствием уплетали мороженое и сладкие фрукты, пили соки и напитки...

И наконец оказались на вершине холма. Приглядевшись, девушка увидела здесь всех своих ребят с Фернаном и Розалией, присоединившимися к ним из-за азартного Эймери. Победный крик Мартины, смех и хохот — компания студентов искрилась весельем. Подходящих к ней принца Нормана и Синд встретили таким радостным воплем, что оба

засмеялись, немедленно придя в великолепное настроение.

Качели, карусели, стрельба в тире из обыкновенного огнестрельного оружия, поездка на миниатюрном поезде, когда с потолка, из обеих стен по бокам тоннеля выпрыгивают страшные чудовища!

Синд нахохоталась так, что живот болел!

Гуляя по ограниченному заклиниванием парку аттракционов, она с удивлением заметила здесь же баронета Вустера. Причём здесь он был не один — с Ивет! Стараясь, чтобы принц не заметил, на кого она смотрит, Синд быстро пригляделась к паре: баронет сиял самодовольством, зато Ивет с огромным трудом сдерживала явный страх. Что случилось? Почему она выглядит такой испуганной?

Не выдержав, Синд погладила руку Нормана, за которую держалась, и попросила:

— Я ненадолго сбегаю к тому аттракциону, ладно? Я быстро!

— Беги!

Прячась за всеми строениями развлекательного парка (здесь работали только иллюзорные маски), девушка быстрыми перебежками добралась до «железнодорожного» тоннеля и кивнула сестре, когда та растерянно оглядывалась. Та немного помялась, а потом что-то сказала Вустеру, и тот милостиво кивнул. Ивет быстро побежала к младшей сводной сестре, которая с любопытством ожидала её на скамье «зала прибытия».

— Что случилось, Ивет? Ты не выглядишь счастливой! — озадаченно спросила Синд. — А ведь ты мечтала захомутать баронета!

— Синд, я не представляла, что так дело повернётся, — жалобно сказала Ивет. — Мне казалось, мы просто будем ходить с ним какое-то время как пара. Но он сказал, что сразу предлагает мне замуж!

— Но это же замечательно! — удивилась Синд. — О чём ещё мечтать?

— Понимаешь, только я сказала, что согласна, так он надел мне кольцо на палец, а потом зачитал целый список моих обязанностей как его невесты!! А-а!! — И сестра зарыдала, сквозь рыдания и шмыганье носом продолжая рассказывать: — И каждая вторая обязанность начинается со слова «нельзя»! Я не хочу та-ак!! Я пожаловалась маме, а она говорит — терпеть, потому что у баронета огромное поместье, в котором я буду хозяйкой! А какой хозяйкой я буду, если Вустер меня назначает на роль во всём послушной и исполнительной жены?! А-а!!

— Ну, это как бы... подразумевалось, — тоже растерянно сказала Синд. — Когда выходишь замуж, получаешь не то, что хотела именно ты, а то, что будет требоваться от семьи. Ты же не думала, что вся твоя жизнь будет проходить в праздности и в безделье? Или... — И тут девушка вздохнула. Прекрасно зная сестёр, могла бы сообразить, что Ивет только так и думала: замужество — это всего лишь очередное развлечение.

Они ещё немного посидели на скамье, пока Ивет не успокоилась, не напудрилась и не побежала назад, к нетерпеливо ожидавшему её баронету. Пожав плечами, Синд поспешила к принцу: хм, кажется, Ивет на собственной судьбе придётся испытать всё то, чем ранее при сёстрах испытывала она, Синд! Разве что командовать ею будет лишь один человек — её собственный муж.

Она добежала до Нормана и взяла его под руку в тот момент, когда вокруг него собралась объединённая компания, шумно требовавшая ответа: куда дальше? На каких ещё аттракционах они не побывали? Эймери победно оглядел друзей и сказал:

— На силовых! Мы не были ещё на силовых аттракционах! Надо порадовать наших

девушек, чтобы они гордились, с какими кавалерами им повезло гулять!

— Ах ты! — возмущённо сказала Мартина, собираясь его стукнуть. Её рука была нежно перехвачена, а кулачишко активно расцелован по всем пальчикам, вызвав её хмыканье: — И нахал ко всему!

— Гуляем до утра, — заметил Фернан. — До двенадцати каких-то пять минут. Так что в нашем распоряжении целая ночь! И натамбуемся, и наиграемся. Куда спешить?

После этого риторического вопроса Синд внезапно покрылась мурашками: пять минут до полуночи! Она расслабила ладонь, позволяя ей незаметно соскользнуть с руки Нормана, пока он увлечённо расписывал, на какие, кроме силовых, интересные и забавные аттракционы ещё можно сбегать. Затем Синд осторожно попятилась, благо рядом были кусты, бросавшие плотную тень. А затем развернулась и помчалась из парка развлечений!

— Синд?! — услышала она удивлённое в спину. — Ты куда?!

— Си-инд!!

Заметили-таки! Ну, ничего. Она успеет сбежать так, чтобы потом её не нашли. Главное — добежать на целых каблуках до общежития, а там она переобуется. Мачеха права: никто не заметит в этой ночи, празднично буйствующей, что она, Синд, в туфельках на низком каблуке. А если заметят, тоже ничего страшного: понятно, что после таких развлечений хочется комфорта... Только бы успеть добежать!

Сбегая по ступеням лестницы, машинально считая их, Синд повернула к последней и ахнула: нога подвернулась — и туфелька слетала с ноги! С трудом удержав равновесие, девушка прохромала к слетевшей туфельке и со вздохом подняла её. Каблука нет. Как и следовало ожидать... Как же она забыла, что заклятие мачехи работает только до полуночи? И что теперь делать?

Первым делом девушка, прихрамывая, отошла к каменным перилам лестницы.

— Синд? Что случилось? — Первым к ней подбежал Норман. При виде туфельки с сломанным каблуком, которую она горестно показала ему, он улыбнулся и сказал: — Вот что бывает, когда сбегаете от меня. Ну-ка... — И он, подхватив девушку под мышки, усадил её на каменные перила лестницы. И позвал: — Эймери!

— Почему — Эймери? — поразила Синд.

— Мы тут заглянули в подарок, предназначенный для тебя, и обнаружили кое-что, что необходимо вручить тебе именно сейчас, — спокойно ответил принц.

Подбежавшие друзья хором выразили сожаление, а потом замолчали, когда Норман взял из рук друга свёрток и развернул его перед всеми. Синд снова ахнула, сжав руки: на ладонях Нормана лежали вышитые сияющим бело-голубым шёлком туфельки! Они так сверкали, что казалось — сделаны из прозрачного хрусталя!

— Позвольте вашу ножку, — улыбаясь, сказал Норман.

Синд, затаив дыхание, слегка приподняла пышные юбки платья. Он снял ещё одну туфельку с её ноги, а потом, придерживая ногу одной рукой, другой подставил «хрустальную». Стопа вошла в новенькую туфельку — одно к одному! Чей же это подарок, что обувь сшита точно по её, Синд, размерам?

— А от кого этот подарок? — едва дыша, спросила она.

Норман поднял голову и только улыбнулся, собираясь ответить...

... Как за его спиной раздался вредный, но торжествующий голос:

— А теперь, ваше высочество, как порядочный человек, вы просто обязаны жениться на моей падчерице!

Компания оглянулась. Пару секунд стояла относительно мёртвая тишина, пока молодёжь ошарашенно рассматривала высокую худощавую женщину в ярком платье. Та стояла в привычной для Синд позе — уперев кулаки в бока. И торжествующе улыбалась.

А потом они все расхохотались! Они хохотали до слёз, потому что эта женщина выглядела ведьмой, задумавшей чёрное дело, а получилось всё наоборот!

И Норман быстро надел на ножку Синд вторую туфельку и снова встал перед ней на одно колено:

— Синд, выйдешь ли ты за меня замуж?

Синд глубоко вздохнула: не надо ждать двух лет!

Потом вздохнула ещё глубже и сообщила кое-что, что она хотела сказать ему весь вечер, но не решалась:

— Норман, сегодня мой день рождения! Спасибо тебе за подарок к нему! Я выйду за тебя замуж!

— А-а... — сказала мачеха, растерянно хмурясь.

— Девочка моя... — прошелестело за спинами компании и мачехи.

Все, очень удивлённые, оглянулись.

По последней лестнице, по которой так и не смогла убежать Синд, поднимались двое: высокая статная женщина, от которой даже здесь, в парке развлечений, где магия была под запретом, во всем стороны струилось сияние, вела за руку измождённого мужчину... Синд вскрикнула и спрыгнула с перил.

— Папа!

Фея, оставив мужчину, отошла в сторону, мягко кивнула Норману и пропала.

Всё дело в обуви и в спешке.

Мачеха наложила на каблук купленных для Синд туфель заклятие сломаться в полночь. Но мадам торопилась, боясь, как бы падчерица не заметила её колдовства, и он сломался прямо в комнате Синд, при первой же её попытке надеть туфельку. «Вот что бывает, когда торопишься из-за важнейшего события в жизни!» — горестно сказала тогда ледяная колдунья. Тогда же мачеха снова заколдовала его — на целостность до полуночи. А поскольку магичила над туфелькой на глазах свидетелей, без боязни, то сделала всё-таки добротное заклятие. Заколдовала она каблук до полуночи, потому что знала: молодости свойственно забывать о времени, особенно на общем празднике, среди друзей. Мачеха рассчитывала следить за парой. А когда та окажется в ситуации, со стороны выглядящей довольно интимно, и должны были прозвучать те самые пафосные слова: «А теперь вы, как порядочный человек!...»

Фея же заколдовала свой подарок для крестницы несколько иначе. Девушка должна была увидеть туфельки и коснуться их только тогда, когда окажется в полной безопасности. Только в этом случае крестная могла провести отца Синд пространственными переходами и оставить рядом с крестницей. Ведь пряча его у себя, фея нарушала законы человеческого общества, что могло быть расценено (особенно с подачи мачехи) как похищение.

Теперь же вырванный из небытия мужчина тоже оказался в безопасности.

События этой ночи Синд вспоминала с восторгом и смятением.

Вызванные Эймери стражники увели мачеху, испуганную, пусть и храбрящуюся, хотя девушка ожидала от неё громкого скандала: обвинение-то в похищении души было пока голословным — то есть со слов самой Синд.

Одновременно была вызвана скорая помощь целителей из студенческой больницы. Как и стражники, целители примчались быстро: всё-таки праздник — все службы наготове, чтобы он прошёл спокойно и без эксцессов.

Если вслед мачехе, уводимой стражей, посмотрели только с ужасом, то за целителями поспешили огромной толпой: Синд не желала оставлять отца, буквально вцепившись в него; принц не желал оставаться без Синд, а остальные...

Всех взволновала история семьи Синд!

Мартина успела ей шепнуть:

— Вот теперь я поняла, почему ты так вела себя с сёстрами! Бедная моя подружка! Сколько же тебе пришлось перетерпеть! Держись! Ты сильная! И мы рядом!

Итак, отца Синд уложили на носилки — на ногах он держался с трудом. А уж когда целители узнали, с каким уникальным случаем им пришлось столкнуться: человек перенёс процесс экзорцизма и интро-экзорцизма! — внимание бедолаге оказали самое пристальное. Впрочем, думать об отце «бедолага» — забылось быстро. Уже очутившись в отдельной палате, видя дочь, присевшую рядом и обливающуюся слезами радости, он слабо сжал ей руку, после чего, узнав основные перипетии своего прошлого, твёрдо сказал срочно вызванному дознавателю:

— Требую семейного суда!

Шмыгающая от плача Синд и удивлённый Норман переглянулись: семейный суд — это разбор закрытого для посторонних дела, в котором последнее слово остаётся за

потерпевшим, если он маг.

Дознаватель кивнул и попросил посторонних очистить палату от своего присутствия. Синд было, заикаясь от плача, пролепетала:

— Я не посторонняя, я...

— Доченька, у тебя тут праздник, — слабо сказал отец и улыбнулся. — Мне бы не хотелось, чтобы ты упустила хоть что-то из него. Я — рядом, доченька. — И вопросительно поднял глаза на молодого мужчину, всегда стоявшего рядом с его дочерью.

— Норман, — представился принц, прищёлкнув каблуками. — Жених вашей Синд.

После знакомства (Норман умолчал о своём статусе) отец, слабый — слабый, но решительный, велел Синд идти на праздник и приходите тогда, когда целители разрешат!

— Ничего себе у тебя отец, — негромко сказал Норман, когда они вышли из палаты и никто их не мог услышать. — Пожётче моего будет!.. Хм... Так и хочется рядом с ним тянуться, как на параде! Боевой маг.

На следующий день девушку ожидало потрясение. Ей сообщили, что отец просил её позвать. Синд немедленно прибежала в больницу и остолбенела: рядом с ним сидела мачеха! Синд с трудом узнала её в этой смиренно сжавшейся женщине с ошеломлёнными глазами, готовой бегать по первому слову её отца за всем, что ему понадобится. Выяснилось, что отец, придя в себя и узнав обстоятельства своей жизни и смерти, потребовал, чтобы женщину, называвшую его своим мужем, немедленно привели к нему. Он ещё плохо окреп мышечно после долгого лежания без движения, но сила его духа оказалась поразительной. Он закрыл личное пространство палаты на час разговора со своей второй женой, а потом заявил: если дочь возражать не будет, он бы не хотел начинать судебное дело против мачехи.

— Я не возражаю, — робко сказала Синд. Она сидела рядом с кроватью отца, держась за его руку и недоверчиво всматриваясь в его глаза. Но здесь, на Студенческом архипелаге, отца проверили досконально на предмет новых заклинательных ловушек на нём, и вряд ли мачеха сумела снова заколдовать его. — Вот только... Папа, ты можешь объяснить? Мне казалось...

Мачеха открыла рот — и Синд тревожно замерла. Но женщина снова взглянула на лежащего мужчину и сжалась. А он кивнул ей выйти, а потом спокойно сказал:

— Доченька, ты доверяешь мне?

— Да, папа.

— Тогда я думаю, ты не будешь спрашивать, почему я так решил. Слишком многое в этом деле замешано. Это моё решение, и никто не сможет его оспорить.

— Она выглядит испуганной, — тихонько заметила Синд.

Но отец расслышал в этом замечании вопрос.

— На время судебного разбирательства и на время испытательного срока её проживания со мной канцлер предложил заблокировать ей магические способности. Ледяной колдунье, каковой она является, очень страшно не иметь возможности пользоваться магией. Ведь она так привыкла к ней. Поэтому твоя мачеха и выглядит такой потерянной. — И мужчина снова улыбнулся. — Знаю, что тебе пришлось несладко с нею. Она останется моей женой: наш брак оказался законным. Это моя вина, что я попал в её сети, хотя понимал, что надо быть осторожней в землях ледяных колдунов. Кроме того... Есть ещё одна особенность: на её магию я мог попасться только потому, что в тот момент чувствовал к ней определённое чувство. Без этого магия не работает. Поэтому под моим присмотром ей придётся прожить всю жизнь. И моим последним словом на Семейном суде будет

требование заблокировать её магию навечно.

Девушка сначала не поняла, что значат его последние слова. Потом ярко представила: мачеха, всегда самоуверенная, только потому, что, имея огромные силы, легко колдует, вдруг навсегда теряет возможность использовать свои силы. Это как для обыкновенного человека лишиться того, к чему он привык как к части повседневной жизни. Он привык, что у него есть ноги. Ног теперь нет. Он привык, что есть глаза, — ослеп... Синд поёжилась от холода по спине. Теперь понятно, почему мачеха выглядит такой... униженной и жалкой.

После недолгого молчания отец сказал:

— Синд, ты всегда честна со мной. Какого бы наказания ты хотела бы для мачехи?

Девушка вспомнила сводных сестёр, вспомнила встречу с Ивет под руку с баронетом...

Подняла руку отца и прижалась к его ладони щекой.

— С запретом на магию она уже получила достойное наказание. Да, папа. Так, как решил ты, будет лучше для всех.

...Но всё это потом...

Пока же Синд, ничего не зная о будущем, но уже ошарашенная, ошеломлённая резким поворотом настоящего, шла посреди компании, ведомая за руку Норманом.

— Присядем? — предложил Норман, подводя её к скамье в сквере и усаживая. — Тебе надо немного отдышаться. — И сел рядом. — Синд, успокойся. Твой отец жив и здоров.

— Откуда он... — пробормотала она, уткнувшись в его плечо, глядя в землю. — Откуда?.. Норман! — подняла она голову. — Вы разгадали заклинание!

— Разгадали, — самодовольно сказал Эймери. — Хотя заслуга в том — в основном Нормана и Фернана. Они столько возились с формулой!..

— Почему ты мне не сказал? Ты же обещал сказать!

— Мы боялись говорить вслух или писать о получившемся, — объяснил Фернан, присевший перед скамейкой на корточки. — Пока о раскрытом заклинании знали мы трое — это было оптимальное число для круга тайны. Скажи мы тебе — и пространство приняло бы эту тайну, которую так легко было бы разгадать, даже всего лишь раскинув карты.

О тайне, которую знает больше трёх человек и которая тайной перестаёт быть в этом случае, Синд помнила. Фея рассказывала. Поэтому простила Нормана и его друзей — с вздохом облегчения! И снова заплакала — от счастья!

— Теперь мне нечего бояться? — удивлённо спрашивала она сквозь слёзы. — Теперь я могу быть, как все студенты? Думать только об учёбе! Только о травах! Только о... — Она медленно повернулась к принцу, быстро вытирая слёзы. — У меня день рождения? — шёпотом вспомнила она.

— Синд... — торжественно начала было Мартина, но её перебил нетерпеливый Эймери.

— Ребята, а ведь мы не в парке развлечений! — смеясь, напомнил он. — Норман!

— Ап! — с удовольствием сказал Фернан и оглянулся.

Все последовали его движению — и засмеялись тоже. Даже Синд — сквозь слёзы!

Два столика очутились перед ними, а из пространства вышагнули двое ребят в белых костюмах и быстро принялись снимать с подносов, принесённых с собой же, различные чашки и тарелки, наполненные такими яствами, что хотелось немедленно сглотнуть, едва вдохнёшь их аромат. Из ниоткуда появились стулья, и Эймери, довольно похлопав себя по груди, сказал:

— Подумаешь — стол! Стулья я к нему тоже умею доставать!

— Синд, — обратился к поражённой девушке Норман. — Приглашай наших гостей на свой день... Ночь рождения! — насмешливо поправился он.

Хохочущие ребята окружили столики: здорово — день рождения на улице, во время праздника и очень неожиданно! Ошеломлённую и счастливую Синд усадили вместе с Норманом во главе стола. И — начались поздравления!

Девушка почти ничего не слышала. Ночь превратилась для неё в странный чудесный сон, пестрящий яркими красками, словно она вместе с друзьями очутилась в небесах, где то и дело взрывались салюты и фейерверки. Она даже сразу не поняла, что Норман помогает ей встать — и очнулась только после того, как ребята за столом зааплодировали, а принц снова поцеловал её.

— Что происходит? — выдохнула она ему в губы.

— Мы решили отпраздновать заодно и нашу помолвку, — абсолютно довольный, сказал Норман и, подняв её руку, надел кольцо на палец. После чего снова под подбадривающие крики поцеловал девушку.

И тогда она пришла в себя. И ликующе закричала, когда Норман воздел свою и её руки к разноцветно сверкающему небу, которое тоже праздновало их торжество. И волна трав и цветов обволокла столики с виновниками торжества и их гостями, скрывая их ото всех других участников посвящения в студенты и укрепляясь на мгновенно выросших повсюду розовых кустах!..

...Они договорились, что свадьбу сыграют тогда, когда разрешит король. После слов мачехи, оставшихся в пространстве, теперь Норману и в самом деле не надо ждать двух лет, чтобы жениться...

Синд увидела, как после этих слов на другом конце стола Розалия радостно переглянулась с Фернаном, а Эймери вдруг задумчиво взглянул на Мартину, активно что-то обсуждавшую с Риком...

Пока же они будут жить, как жили до сих пор — каждый в своём общежитии. И учиться, а Норман — ещё и преподавать. И встречаться каждый вечер и каждый день, если будут свободные часы. Будут узнавать друг друга...

— И вместе удирать туда, куда нельзя, — вставила тихонько Синд.

И вся её компания с интересом, пусть и исподтишка, взглянула на принца.

Тот посопел, поднял брови, потом кивнул и сказал:

— Всё в процессе. Посмотрим, ага?

— Ага! — послушно сказала Синд.

Норман не понял этого её «ага». Что оно значит — увидел собственными глазами лишь утром.

...Утро наступило тихое-тихое!

Студенты после бурно проведённой ночи — кто спал, кто бродяжил, встречая тёплый солнечный рассвет...

Норман отвёл Синд в общежитие и вернулся в свои апартаменты.

Хватило трёх часов сна, после чего захотелось освежиться у моря. Оделся, вышел из комнаты. Друзья уже ждали. По прошлым годам примерно представляли, каким будет утро после торжеств посвящения. И тоже были не против искупаться.

Захватив вещи для переодевания и полотенца, они ленивой троицей отправились на пляж для vip-магов, который уже давно не только освоили, но и присвоили.

И остановились на полпути к нему.

На закрытой охранными заклинаниями территории пляжа для вип-персон магического разлива за волейбольным мячиком носилась азартно вопящая толпа. Переглянувшись, принц и его приятели-телохранители поспешили узнать, в чём дело, почему ранее спокойная — сегодня почти их личная территория оказалась занятой... Быстрый шаг изумлённых парней становился тем более замедленным, чем ближе они оказывались к пляжу для вип-магов.

Они узнавали бегающие фигурки: вот около натянутой сетки прыгает небольшого росточка темноволосый маг воды и воздуха, а прямо из его рук выбивает мяч его брат-стихийник! Вот кричит рыженькая воительница: «Так нечестно!» А хохочущая Розалия, которую троица старших привыкла видеть весьма солидной молодой дамой, кошкой на мягких лапах прыгает в воздух, пытаясь поймать падающий рядом мяч! А две девицы, подружки магов-стихийников, подпрыгивают рядом с золотистым драконом и чуть не хором кричат ему: «Ты выше! Ты должен поймать!» А его огненноволосая подружка с другого края импровизированной волейбольной площадки бежит навстречу ему и повторяет лишь одно: «Александр! Лови!» А из дальнего угла Синд — не кричит, но свистит, сунув пальцы в рот, время от времени подтверждая свист воплем: «Мазила!»

А когда парни, не замечаемые игроками, подошли совсем близко, у входа на пляж заметили: в песке, уже прогретом на солнце, торчала палка, к которой красивой ленточкой были привязаны листочки, свёрнутые в трубочку. Норман подобрал листы бумаги, взгляделся в записи, пожал плечами и передал их друзьям. Те посмотрели и тоже пожалы плечами. Что ж... Расчёты верные. Эти нарушители их всегдашнего спокойствия правильно разгадали охранное заклинание.

Парни со вздохом пересекли незримую линию охранного заклинания на пляж для вип-магов и смиренно попросились в игру победителей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net